

Геополитика: школы и теории

Геополитика рассматривается как наука, изучающая взаимосвязи политики и пространственных факторов – географических, экономических, культурных, экологических, информационных и др. Излагаются ее основные парадигмы, методы и категории, отражена эволюция геополитической мысли. Раскрыто содержание национальных школ геополитики – англо-американской, немецкой, французской и российской. Анализируется их влияние на формирование внешнеполитического курса ведущих держав мира. Книга может быть использована в учебном процессе, при изучении геополитики, политологии и истории социально-политических учений.

Геополитика: школы и теории

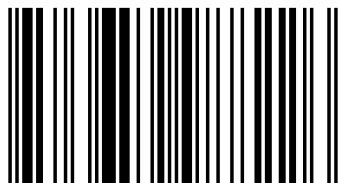
Наум Сирота

Геополитика: школы и теории

Эволюция науки

Наум Сирота

Сирота Наум Михайлович. Доктор политических наук. Кандидат философских наук. Профессор Санкт-Петербургского университета аэрокосмического приборостроения. Специалист в области политической науки, геополитики и социологии.

978-3-659-98822-6

Сирота

Palmarium
academic publishing

Наум Сирота

Геополитика: школы и теории

Наум Сирота

Геополитика: школы и теории

Эволюция науки

Palmarium Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

Palmarium Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

OmniScriptum GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@palmarium-publishing.ru

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-98822-6

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2013 OmniScriptum GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2013

Содержание

Введение	3
Глава 1.	
Геополитика как область гуманитарного знания	5
1.1. Понятие и предмет геополитики.....	5
1.2. Парадигмы геополитики.....	12
1.3. Методы, категории и функции геополитики.....	17
Глава 2.	
Предыстория геополитики	31
2. 1. Геополитические идеи Древнего мира и Средневековья.....	31
2. 2. Геополитическая мысль Нового времени.....	35
2.3. Создание основ геополитики.....	39
Глава 3.	
Евроконтинентальная геополитика	44
3.1. Специфика евроконтинентальной геополитики.....	44
3. 2. Немецкая геополитика.....	45
3. 3. Французская и итальянская геополитика.....	51
3. 4. Основные направления евроконтинентальной геополитики.....	59
Глава 4	
Англо-американская геополитика	66
4. 1. Специфика англо-американской школы.....	66
4.2. Концепции классической геополитики.....	68
4.3. Концепции англо-американской геополитики периода холодной войны.....	74
4.4. Концепции современной американской геополитики.....	80
Глава 5	
Российская геополитика	92
5. 1. Российская геополитическая мысль XIX века.....	92
5. 2. Геополитические идеи евразийства.....	98

Глава 6

Геополитика в СССР и России.....	105
6. 1. Геополитика в советский период.....	105
6. 2. Современные концепции геополитики.....	107
6.3. Геополитические воззрения российских либералов.....	126
6.4. Россияведение о геополитике постсоветской России.....	143
Заключение.....	149
Библиография.....	151

Введение

В последние десятилетия существенно возрос интерес к геополитике – научной дисциплине, с начала XX века ориентированной на изучение роли пространственных факторов в международных отношениях. Причины этого явления – в глобализации мировых процессов, смене биполярности в международных отношениях однополюсностью и переход к полицентрическому мироустройству.

Сегодняшний повсеместный интерес к геополитике в России вызван рядом обстоятельств. Важнейшее из них – стремление осмыслить причины и последствия своеобразного «сжатия» страны, перспективы эволюции геопространства бывшего СССР. Интерес к геополитике порождается и обеспокоенностью граждан России нынешним нестабильным геополитическим положением страны, расширением НАТО на восток, усилением сепаратизма в ряде субъектов Федерации. Повышенное внимание к геополитике предопределено также становлением единого и взаимозависимого мира, назревшей потребностью в создании институтов глобального управления. Наконец, растущее количество геополитических исследований является естественной реакцией общества на длительную официальную дискредитацию геополитики как лженауки, хотя сам термин широко использовался в политической риторике и в средствах массовой информации.

Востребованность геополитики во многом оказалась связанной с возможностью ее использования в качестве средства идеологической мотивации внешней политики и обоснования приоритетов в данной области. В условиях кризиса мировоззренческих парадигм на постсоветском пространстве и продолжающегося поиска российской идентичности геополитика отчасти обрела статус некоего универсального знания, способного объяснять международные процессы факторами пространства.

Перспективы геополитики как мировидения и рода занятий в современной России определяются следующими обстоятельствами.

Во-первых, изучение основ геополитики является важным условием становления демократической политической культуры российского общества, освобождения его сознания от изживших себя имперских представлений о способах достижения Россией статуса великой державы, осмысления радикальных геополитических сдвигов, меняющих лицо планеты.

Во-вторых, геополитическая парадигма, охватывающая определенный вид отношения к действительности и вместе с тем род занятий, необходима российской власти для адекватной ориентации в динамичных процессах становления полицентрического мира, для выработки эффективной геостратегии, которая позволила бы России занять достойное место в мировом сообществе.

В-третьих, формирующейся отечественной геополитике предстоит освоить достижения прежде всего наиболее продвинутой западной геополитической мысли, исследовать основные тенденции развития современных геополитических процессов, определить статус и перспективы России в трансформирующемся мире.

Глава 1

Геополитика как область гуманитарного знания

1. 1. Понятие и предмет геополитики

Геополитика как наука, изучающая роль пространственных факторов в международных отношениях, бурно развивается с начала XX века. С момента своего появления она была направлена на выработку и обоснование рациональной внешнеполитической стратегии государств в борьбе за могущество и международное влияние.

Повышенный интерес к геополитике в наше время обусловлен формированием новой геополитической картины современного мира, складывающейся под влиянием глобализации и перехода от однополярности в мировой политике с преобладающим влиянием Соединенных Штатов к полицентризму.

Нуждаются в осмыслении геополитические последствия глобализации – универсализация мира, эрозия национальных границ, концентрация богатства в руках развитых стран, снижение роли национальных государств в мировых процессах, выход на авансцену мировой политики влиятельных неправительственных организаций и прежде всего ТНК, возрастание роли и значения природных ресурсов в международных отношениях, расширение спектра угроз и вызовов национальной безопасности. Все эти явления создают ситуацию неопределенности в отношении перспектив будущего мироустройства и стимулируют поиск многими странами своего места в новой системе международных отношений.

Ряд тем для анализа актуализировала новая геополитическая ситуация начала XXI века:

1) процесс геополитического самоопределения некоторых крупных государств - Китая, Индии, России, Бразилии и др., конструирование ими

нового геополитического статуса, выстраивание отношений с традиционными центрами силы – США, ЕС и Японией;

2) усложнение мировой геополитической структуры, связанное с ростом численности региональных центров силы, усиливающимся влиянием негосударственных акторов;

3) увеличивающийся разрыв в уровнях развития Севера и Юга, чреватый глобальными катаклизмами;

4) территориальное размежевание, вызываемое распадом многонациональных государств, и усиление сепаратистских тенденций в ряде стран (Испания, Россия, Китай и др.);

5) обретение геополитическим пространством информационного измерения, превращение социальных сетей в новый фактор международных отношений.

Мировое сообщество ищет пути и способы нейтрализации опасностей, порождаемых хаотизацией современного мира, масштабной миграцией из развивающихся государств, международным характером терроризма, активизацией агрессивного ислама, обостряющимся соперничеством цивилизаций.

В России геополитика получила права гражданства лишь в 90-х гг. XX в. В советский период она считалась лженаукой, «служанкой» реакционной империалистической идеологии в обосновании правомерности территориальной экспансии.

Негативная позиция власти по отношению к геополитике подпитывалась следующими обстоятельствами:

1) Немецкая школа геополитики была теоретической основой официальной доктрины Третьего рейха – концепции борьбы за «жизненное пространство».

2) Мировой порядок периода холодной войны основывался на геополитической концепции ядерного противостояния и взаимного

«сдерживания» двух военно-политических блоков – НАТО и Варшавского Договора.

Рост интереса к геополитике в современной России вызван несколькими причинами: во-первых, необходимостью осмысления последствий пространственно-географического сокращения территории страны и возникающих в связи с этим угроз и вызовов; во-вторых, потребностью в адекватной оценке международного статуса страны и ее геополитическом самоопределении в полицентрическом мироустройстве.

Вся эта совокупность факторов и обстоятельств диктует необходимость в системном изучении геополитической картины современного мира как результата и процесса взаимодействия субъектов мирового сообщества – государств и их союзов, многочисленных негосударственных акторов (неправительственных организаций, транснациональных корпораций и пр.) .

Слово «геополитика» образовано из двух греческих корней: «гео» - земля и то, что связано с ней, и «политикос» - форма, организация и деятельность государства (полиса) или правительства.

Общепринятого определения геополитики не существует, что связано с относительной молодостью этой дисциплины и сложностью предмета изучения. Обычно слово «геополитика» используется для обозначения зависимости государственной политики, прежде всего внешней, от географических и территориальных факторов.

Оппоненты этой области знания отрицают ее право на существование, считая, что она строит свои концепции на реалиях, которые изучаются экономической и политической географией, политологией, теорией международных отношений, военной стратегией. В действительности междисциплинарный, синтезирующий характер геополитики как своеобразной метанауки позволяет ей исследовать физико-географическую, экономическую, политическую, культурно-конфессиональную и цивилизационную

обусловленность динамики пространственных факторов в масштабах земного шара.

Геополитика возникла на рубеже XIX и XX вв. как область знания, изучающая влияние географического пространства государств на их политические цели и интересы. Появление геополитики было вызвано не только необходимостью осмысления новых мировых реалий, но и потребностями борьбы наиболее крупных государств за передел мира. Предмет геополитики постоянно изменялся, охватывая новые проблемы развития природы и общества. К настоящему времени геополитика стала комплексной многоуровневой дисциплиной, анализирующей развитие событий на глобальном, региональном, субрегиональном и внутригосударственном уровнях.

В современных исследованиях геополитика трактуется более широко и многопланово, чем на рубеже XIX и XX столетий, - как направление политических исследований, изучающее связь и взаимодействие политики и пространственных факторов – географических, экономических, культурных, коммуникационных, демографических.

Суть этих факторов сводится к следующему:

1) географические факторы – положение государства в регионе и на планете в целом, которое включает сушу, море, воздух, космос, состояние природных ресурсов;

2) политические – тип государства и режима, состояние прав и свобод человека и гражданина;

3) этнические – национально территориальное устройство, соотношение между этносами, этническая ментальность;

4) экономические – уровень развития производительных сил, структура и характер экономики, уровень жизни населения;

5) военные – состояние вооруженных сил, военные традиции, участие в военных блоках;

6) демографические – численность и воспроизводство населения, гендерные и возрастные параметры, миграционные потоки;

7) культурные – уровень образования, развития науки, характер религиозных верований;

8) экологические – состояние среды обитания, взаимосвязь между экологией и воспроизводством населения.

Географические факторы соотносимы с физической средой, прежде всего с территорией и ее ресурсами. Остальные факторы по своей природе являются социальными.

В последние десятилетия снижается влияние географических условий на геополитическую ситуацию и резко возрастает значение других факторов, прежде всего экономического и научно-технического. Они все более интенсивно воздействуют на окружающую географическую среду, экологическую обстановку, на общество в целом. Экономика во многом определяет содержание и характер глобализационных процессов. Экономические интересы являются важнейшей детерминантой международных отношений. Научно-техническая революция привела к появлению военно-технических средств, изменивших представления о войне и ее последствиях, сформировала мировое коммуникационное сообщество. На геополитический баланс сил существенно воздействуют уровень образования и культуры, от которых зависят состояние экономической, научно-технической и военной сфер. Геостратегическое значение приобрели миграционные процессы, создающие серьёзную угрозу национальной идентичности ряда государств. В своей совокупности различные факторы формируют многополярную геополитическую модель современного мира.

Наряду с вышеизложенным пониманием геополитики (условно расширительным) в ряде публикаций последних лет дается её упрощённая трактовка, близкая к традиционной, т.е. ограничивающая круг проблем,

изучаемых этой наукой, анализом воздействия факторов естественной среды на национальную политику¹.

За последние десятилетия исследовательское поле геополитики существенно расширилось. На рубеже XX-XXI веков в связи с возрастанием роли экономического фактора в глобальных процессах все большую значимость приобретает *геоэкономика* - область научных знаний, которая изучает взаимодействие государств как конкурирующих экономических субъектов в контексте географических и геополитических реалий, а также глобальное разделение труда как одну из форм взаимодействия. Ответвлением геоэкономики является *энергетическая геополитика*, изучающая проблемы добычи, переработки и транспортировки углеводородного сырья. В рамках геоэкономики мировой порядок видится прежде всего как порядок экономический.

В условиях обострения экологического кризиса перспективным направлением изучения влияния природной среды на глобальные процессы становится *экологическая геополитика*.

Расширение предметного поля геополитики проявилось и в возникновении *геофилософии* – науки о межцивилизационных отношениях. В качестве базовых факторов поведения государств на международной арене она рассматривает прежде всего социокультурные. Является методологическим фундаментом цивилизационной геополитики.

Обозначилось и новое, смежное с геополитикой направление исследований – *геоистория*, интерпретирующая исторические процессы в отдельных странах и в глобальном масштабе под геополитическим углом зрения.

Геополитика как наука выступает в двух измерениях:

¹ См.: Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.,

- фундаментальном, т.е. в виде теории, исследующей пространственно-силовые отношения в отдельных регионах и в мире в целом;

- прикладном – в качестве концепций и доктрин, обосновывающих поведение государств или их групп на международной арене.

В отличие от неоклассического направления геополитика нередко рассматривается как дискурс. Такой подход характерен главным образом для политиков и государственных деятелей, заинтересованных в формировании упрощённого видения мира, которое могло бы служить их интересам². Геополитический дискурс чаще всего инициируется и поддерживается СМИ, обслуживающими интересы определённых групп элиты.

При несомненной познавательной и эвристической ценности геополитического знания эта наука по ряду причин уязвима для оппонентов.

Из-за объективной связи внутренней и внешней политики она нередко занята обслуживанием текущего курса государств с присущей ему конъюнктурностью. Это ведёт к размыванию самого понятия «геополитика», выхолащиванию исходных постулатов науки.

Предпринимаются дилетантские попытки с помощью термина «геополитика» объяснять явления и процессы глобального характера, не укладывающиеся в рамки других дисциплин. Слово «геополитика» служит модной биркой, которую можно повесить к любой теме. На это обстоятельство резонно обратил внимание французский геополитик Филипп Моро-Дефарж: «Термин «геополитика» используется каждый раз, когда объясняют, вернее, пытаются объяснить необъяснимое. Геополитическим становится любой запутанный вопрос, выходящий за рамки рационального мышления и затрагивающий глобальные интересы, то есть такие, которые не поддаются точному определению»³.

² См.: Колосов В.А., Зотова М.В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа // Полис. 2012. №5. С.170-171.

³ Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. Перевод с фр. М., 1994. С.2.

Среди нередко высказываемых претензий к геополитике – спорность сформулированных в её рамках гипотез и суждений; колоссальный разброс мнений и подходов; властная ангажированность и идеологизированность. На этом основании геополитика нередко оценивается как исключительно прикладная дисциплина, выводы которой могут иметь лишь рекомендательный характер.

Геополитика во многом является поисковой наукой, ориентированной на осмысление динамичных процессов и явлений. Однако это обстоятельство не даёт оснований для отрицания её фундаментальности и его теоретической значимости.

1.2. Парадигмы геополитики

Системное изучение пространственных отношений между государствами, осмысление динамики геополитических процессов связаны с выбором моделей теоретического анализа различных явлений. Эти модели определяются термином «парадигма», введенным в научный оборот в 20-х гг. XX века американским историком науки Т.Куном в книге «Структура научных революций». Понятие «парадигма» образовано от греческого слова «парадейгма», означающего «образец».

В процессе становления и развития геополитики изменялось восприятие геополитического пространства, возникали новые феномены, которые было невозможно объяснять в терминах предыдущего этапа развития науки. Все это приводило к смене парадигм как концептуальных схем изучения пространственных отношений.

В геополитике можно выделить следующие парадигмы – институционально-правовую, географическую, геоэкономическую, геоидеологическую, геочивилизационную, геoinформационную.

Институционально-правовая парадигма акцентирует роль институтов в качестве факторов структурирования геополитического пространства. Политические, экономические и социальные институты рассматриваются как ограничительные рамки, которые своим относительным постоянством упорядочивают взаимоотношения государств, народов и международных организаций, оформляют социокультурный контекст этих взаимоотношений, снижают уровень неопределенности в глобальной политике.

Согласно институционально-правовой парадигме, основным компонентом международной системы выступает государство, а неосновными, но активными компонентами – международные организации, движения, транснациональные корпорации. Упорядоченность геополитического пространства достигается благодаря международному праву как набору принципов и норм, регулирующих систему международных отношений.

Суть *географической парадигмы* состоит в изучении глобального взаимодействия государств в зависимости от их местоположения и территории. Исходя из этих факторов, рассматриваются предпосылки для господства и подчинения государств, их реальные и потенциальные возможности, место в мировом сообществе. Географическая парадигма доминировала в классической геополитике, представленной прежде всего А.Мэхэном, Х.Маккиндером и К.Хаусхофером.

Критики этой парадигмы отмечают такие ее недостатки, как схематизм и упрощенчество. Они предлагают отказаться от дихотомического подхода к современному миру, разделяющего его на «Море» и «Сушу», морские и сухопутные державы; акцентируют внимание на необходимости учета реалий глобализации – информационных потоков, транспарентности границ, терроризма, организованной преступности и т.д. По их мнению, растущий хаос в трансграничном пространстве можно преодолеть лишь совместными

усилиями государственных и негосударственных акторов, создав всемирную систему регулирования международных процессов⁴.

В конце XX века резко расширились масштабы применения *геоэкономической парадигмы* для анализа международных отношений. Геоэкономический подход разработан представителями школы мир-системного анализа С.Амином, А.Франком и И.Валлерстайном. Они видят главную детерминанту международных отношений в экономике и с учетом неравномерности экономического развития разных стран разделяют мир на центр, периферию и полупериферию, относя к последней в числе прочих государств и Россию. Изменить положение того или иного государства в мир-системе, по их мнению, трудно или вообще невозможно.

В соответствии с геоэкономической парадигмой каждое государство прежде всего стремится укрепить свой экономический потенциал, а ведущие державы заинтересованы в доминировании. В отличие от геополитики в сфере геоэкономики субъекты международных отношений нацелены не на ослабление конкурентов, а на усиление собственных позиций⁵.

Геоидеологическая парадигма основывается на выявлении взаимовлияния и взаимопроникновения геополитики и идеологии. Их взаимосвязь во многом обуславливает ту или иную модель геополитического взаимодействия государств – кооперативную, интеграционную или конфронтационную.

В XX веке идеологии стали решающим фактором геополитического раскола мира на две общественные системы – капитализм и социализм. Они были весьма важным компонентом геополитических доктрин государств, участвовавших во Второй мировой войне.

Усиливается тенденция к соединению идеологии и геополитики в современных условиях. Особенно отчетливо оно проявляется в либерально-

⁴ См.: Agnew J. Geopolitics. L-n., 1996; O'Tuathail G. Critical Geopolitics. Minneapolis., 1996; Rethinking Geopolitics. Ed. By G.O'Tuathail, S.Dadly. L-n., 1998;

⁵ См.: Жан К., Савона П. Геоэкономика: господство экономического пространства. М.. 1997; Кочетов Э.Г. Геоэкономика: освоение мирового экономического пространства. М.. 2006; Неклеса А.И. Геоэкономическая система мироустройства // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира. М.. 2002

прагматических идеологемах «демократизации мира» как средства обеспечения национальной безопасности США, «гуманитарных» и «превентивных» интервенций с целью защиты прав человека. Органическое соединение идеологии и геополитики характерно для работ крупнейшего современного политического мыслителя Зб.Бжезинского, в течение второй половины XX века – начала XXI века плодотворно разрабатывающего государственную идеологию США – идеологию американизма.

В последние десятилетия резко активизировался радикальный исламизм – идеологическое течение, отразившее энергетику обездоленной части мусульманского населения, рассматривающего Запад как первопричину своей отсталости и приниженности. Его адепты ставят своей задачей создание халифата, охватывающего не только мусульманские страны, но и территории с компактным проживанием мусульман.

Осмыслению новой геополитической картины мира, формирующейся после окончания «холодной войны», способствует *геоцивилизационная парадигма*. Она основывается на признании значимости устойчивых особенностей «культурного кода», определяющего образ мысли, эмоции и поведение людей.

Базовое понятие геоцивилизационной парадигмы – цивилизация (от лат. *civilis* – гражданский, государственный) используется для характеристики целостной социокультурной системы с присущими ей параметрами духовного, экономического и политического развития

В XIX-XX вв. цивилизационный подход успешно развивали такие ученые, как Н.Я.Данилевский, К.Леонтьев, О.Шпенглер, П.А.Сорокин, А.Тойнби. Современной версией геоцивилизационной парадигмы является концепция «столкновения цивилизаций», разработанная американским ученым С.Хантингтоном. Согласно этой концепции конфликтный аспект взаимодействия цивилизаций станет осью геополитики и определит будущее человечества. Прочный мир, полагает С.Хантингтон, может быть только

межцивилизационным и базироваться не на гегемонии какой-то цивилизации, а на культурном разнообразии.

Сторонники гецивилизационной парадигмы имеются и среди отечественных ученых. Так С.Переслегин в духе С.Хантингтона пишет о столкновении «этно-культурных плит» - цивилизаций – в пространстве этнических групп, которое почти всегда сопровождается открытой вооруженной борьбой⁶. А.С.Панарин рассматривает вестернизацию (распространение западной культуры) как геополитический процесс, угрожающий международной стабильности⁷. Вместе с тем в геополитике еще далеко не исчерпал себя государственно-центричный подход.

Геоинформационная парадигма исходит того, что с формированием постиндустриального общества информационные потоки и технологии решающим образом изменяют геополитическую картину мира, во многом виртуализируют ее. Благодаря этим процессам подвергается эрозии принцип государственного суверенитета, размываются грани между внутренней и внешней политикой, мировое сообщество постепенно трансформируется в мировое общество.

В противостоянии государств главной целью станет изменение человека, его мировоззрения и идентичности посредством использования информационных технологий. Государства, превосходящие своих соперников в обладании этим ресурсом, способны навязать им программируемые контуры будущего мира.

⁶ Переслегин С. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики. – В кн.: Классика геополитики. XIX в. М., 2003. С 897.

⁷ См.: Панарин А.С. Принципы развития и геополитические стратегии России /: Геополитика: классика и современность. . М., 2006. С.237-238.

1.3. Методы, категории и функции геополитики

Геополитика использует систему методов, включающую методы общенаучные, теоретические и эмпирические.

К *общенаучным методам* относятся анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, экстраполяция и моделирование.

Наиболее широко используются следующие теоретические методы:

- *системный*, суть которого состоит в рассмотрении геополитических явлений и процессов как элементов саморегулирующейся системы;

- *сравнительный*, предполагающий сопоставление однотипных геополитических явлений и процессов, выявление их общих черт и специфики, тенденций развития;

- *нормативно-ценностный*, предполагающий оценку геополитических событий с точки зрения этических ценностей и норм;

- *исторический*, предусматривающий изучение геополитических явлений в их временном развитии;

- *структурно-функциональный*, заключающийся в изучении роли различных элементов геополитических структур, например межгосударственных или неправительственных организаций;

- *бихевиористский*, позволяющий исследовать мотивацию поведения индивидов и групп в геополитических процессах;

- *институциональный*, ориентирующий на изучение роли различных институтов и организаций в геополитике – государств, партий, движений;

- *деятельностный*, направленный на изучение динамики геополитической картины мира.

В геополитике широкое применение находят и методы эмпирических исследований, заимствованных прежде всего из социологии,- опрос, анализ документов, метод экспертных оценок.

Геополитика, как и любая наука, имеет свой категориальный аппарат, отражающий сущностные стороны исследуемых ею процессов. Категории геополитики служат инструментами познания геополитических реалий и прогнозирования перспектив мирового развития в условиях глобализации.

Геополитикой широко используется междисциплинарная категория «*государство*», обозначающая основной институт политической системы и субъект международного права, деятельность которого оказывает непосредственное влияние на степень свободы и уровень благосостояния граждан, на саму человеческую жизнь.

В содержании геополитики как политической практики выделяют два вида поведения государств: 1) действия, основывающиеся на признании исторически сложившегося геополитического положения страны и мотивируемые стремлением укрепить ее позиции благодаря использованию экономических, научно-технических, коммуникативных и иных факторов; 2) деятельность, направленная на улучшение геополитического положения страны и необязательно связанная с применением военной силы. Оба вида поведения государств характерны для современной международно-политической ситуации.

Геополитика оперирует рядом категорий, которые можно разделить на три группы: 1) категории пространства; 2) категории, характеризующие положение государства в современном мире и перспективы его развития. 3) категории общетеоретического и ценностно-нормативного характера. *К числу первых* относятся: геополитическое пространство, геополитическое поле, геополитический регион, геополитические линии, граница, территория, талассократия, теллурукратия. *Вторую группу* составляют: национальные интересы, национальная идентичность, национальная мощь, национальная безопасность, геостратегия, геополитический код, экспансия. *Третья группа* включает такие категории, как геополитическая культура, геополитическая картина мира, геополитическое видение мира, геополитическая катастрофа,

Геополитика также оперирует *парными категориями* Запад – Восток, Север – Юг (Глубокий Юг).

Раскроем содержание первой группы категорий геополитики.

Геополитическое пространство – среда, оказывающая влияние на формирование отношений между государствами. Современное геополитическое пространство – это жизненная среда мирового сообщества как единой глобальной системы, главными элементами которой являются национальные государства. Между государствами существуют устойчивые связи, зависимости, отношения, именуемые международными отношениями.

Геополитическое поле – это пространство, контролируемое государством или союзом государств.

Различают следующие типы геополитических полей: эндемическое (от греч. endemos – местный), пограничное, перекрестное, тотальное⁸.

Эндемическое (от греч. endemos – местный) *поле* – это пространство, контролируемое государством продолжительное время. Принадлежность этой территории данной национальной общности признают соседи.

Пограничное поле – территория, находящаяся под контролем государства, но недостаточно демографически, экономически и политически им освоенная. Чаще всего таким полем бывают пространства, населенные национальными меньшинствами. Сопредельные государства иногда ставят под сомнение принадлежность этих территорий, но все же не рассматривают их как свои. К числу таких полей могут быть отнесены азиатские, северо-восточные и дальневосточные регионы России, а также Кавказ, Калининградская область, мусульманский анклав на Волге.

Перекрестное поле – пространство, на которое претендует несколько сопредельных государств. К таким пространствам относятся большие территории бывшего СССР, населенные русскими и русскоязычными народами, не по своей воле оказавшимися гражданами ближнего зарубежья.

⁸ См.: Плешаков К.В. Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь. 1994. №10. С.32-34

Тотальное поле – непрерывное пространство, находящееся под контролем национальной общности.

Геополитическая опорная точка – место (территория), находящееся вне тотального поля, контролируемое каким-либо государством, но коммуникации к этой территории контролируются другим (другими) государствами. Примером такой опорной точки России является Калининградская область.

Метаполе – пространство, осваиваемое одновременно несколькими государствами.

Геополитический регион – пространство, характеризующееся высокой интенсивностью политических, экономических, торговых и культурных связей (например, Северная Америка, Европа, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия).

Геополитическая структура мира – взаиморасположение государств и их союзов, упорядоченно взаимодействующих между собой на основе норм международного права.

Геополитические линии – структурообразующие факторы организации геополитического пространства. Ими являются сухопутные, морские и воздушные коммуникации, наиболее важные направления грузопотоков и пути транспортировки сырья. За них идет постоянная скрытая или явная борьба.

Границы – линии, очерчивающие территории государств, их политическое пространство. Они выполняют следующие функции: разделение зон действия национальных суверенитетов, ограничение или исключение контактов между жителями сопредельных государств, задержание преступников, сбор пошлин с ввозимых или вывозимых товаров, контроль за квотами ввозимых товаров и миграцией людей, санитарный контроль и т.д.

Границы подразделяются на естественные и искусственные. В качестве естественных границ используются рубежи, созданные природой, главным образом моря и океаны, горы, реки. Границы по рекам пролегают по линии фарватера. Искусственные границы обустроиваются людьми и представляют собой продукт взаимодействия государств.

Границы определяют ареал формирования национального самосознания и национальной идентичности. Способность государства обеспечить их защиту и неприкосновенность является показателем его силы и авторитета в мировом сообществе.

Территория – физико-географическая и природно-биологическая среда, способная благодаря организации вмещать различные пространства – экономическое, политическое, информационное, культурное, правовое, безопасности и др. В международном праве и теории международных отношений рассматривается в качестве одного из главных признаков государства, а посягательство на захват чужой территории оценивается как агрессия.

Талассократия (от греч. *thalassa* – море, *kratos* – власть) – буквально «власть посредством моря». Характеристика цивилизаций, государств и наций, вся экономическая, политическая и культурная жизнь которых в силу географического положения так или иначе связана с морем, судоходством и контролем над морскими пространствами и/или прибрежными регионами.

Теллурократия (англ. *tellurocrasy*; греч. «власть посредством земли, или «сухопутное могущество») – антипод талассократии, характеристика держав с явной сухопутной геополитической ориентацией, контролем над обширными континентальными пространствами.

Рассмотрим содержание категорий геополитики, относящихся ко второй группе.

Национальный интерес – осознание и отражение коренных потребностей общества в деятельности государственных лидеров. Термин пришел в российскую политическую науку из англоязычной литературы, в которой он имеет значение «государственного интереса».

Национальный интерес состоит в наращивании экономического, военного, финансового и научно-технического потенциала государства, в

усилении его геополитического влияния, в росте благосостояния населения, в интеллектуальном и нравственном прогрессе общества. На его содержание влияют такие факторы, как специфика географического положения страны, социально-экономическая и политическая ситуация в ней, национально-культурные и цивилизационные особенности. Естественными границами национального интереса являются ограниченность ресурсной базы и национальные интересы других стран.

Национальная идентичность – наиболее устоявшиеся, накопленные столетиями прочные представления различных национальных общностей о самих себе, осознание коллективной принадлежности к конкретному государству и его культуре. Является сущностной основой и одновременно ресурсом конкурентоспособности в условиях глобализации. Позволяет сохранять суверенитет и проводить независимый внутри- и внешнеполитический курс.

Национальная мощь – категория, традиционно отражающая такие компоненты, как территория государства, его природные ресурсы и численность населения, экономический и военный потенциал. Современное понимание национальной мощи включает также способность экономики к технологическим нововведениям и качество человеческого фактора.

Термином «национальная мощь» широко оперирует влиятельная в политической науке стран Запада школа «политического реализма». Ее создатель американский ученый Г. Моргентау, определяя «национальную силу государства», выделил девять характеристик: географическое положение; естественные ресурсы; промышленные возможности; военная подготовленность; численность населения; национальный характер; национальная мораль; качество дипломатии; качество правительства⁹. С этих позиций он критиковал создателей классических теорий геополитики Х.

⁹ См.: Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1967. P.106-144.

Маккиндера и К. Хаусхофера за абсолютизацию роли географического фактора в определении национальной мощи.

Национальная безопасность государства – его защищенность от внутренних и внешних угроз, способность обеспечить суверенитет, независимость и территориальную целостность, создать условия для нормальной жизнедеятельности общества.

Исторически национальная безопасность отождествляется с военной безопасностью, защищенностью от вооруженного нападения извне. Военный компонент сохраняет свою значимость и в настоящее время. Вместе с тем обострение глобальных проблем придает понятию «национальная безопасность» принципиально новые измерения – экологическое, демографическое, энергетическое, продовольственное и др.

Политику национальной безопасности можно определить как деятельность государства, общества и граждан, направленную на защиту национальных интересов и ценностей.

Геостратегия – обоснованное геополитикой направление внешнеполитической деятельности государства. Она классифицируется по масштабам (глобальная, региональная и страновая) и по пространственным средам (сухопутная, морская, воздушная и космическая). Зависит от понимания властью и общественностью места страны в мире, ее геополитического положения, национальных интересов и приоритетов, географического распределения угроз национальной безопасности, которые исходят из-за рубежа. Государственная геостратегия определяется также исторически сложившимся в течение длительного времени характером отношений с другими государствами – дружественными, нейтральными или враждебными.

Традиция взаимодействия государства с другими государствами фиксируется в коллективной памяти народа, образуя *геополитический код*. Он

относительно независим от повседневных событий и нередко играет самостоятельную роль в политике.

Геополитический код как способ позиционирования в международном сообществе означает поиск ответов на следующие вопросы:

- какие государства являются реальными или потенциальными союзниками?

- какие государства являются нынешними или потенциальными врагами?

- как сохранить нынешних союзников и привлечь потенциальных?

- как противостоять нынешним врагам и предотвратить появление новых?

- как объяснить ответы на эти вопросы населению собственных государств и мировому сообществу?

Геополитическое соперничество – противостояние и столкновение противоположных интересов государств. Оно может иметь горизонтальный, вертикальный и очаговый характер. Горизонтальное соперничество протекает на поверхности суши и моря, вертикальное связано с гонкой вооружений в космосе, а очаговое проявляется в ограниченных регионах, находящихся вне прямого столкновения оппонентов (например, Куба в 1961 г., Ближний Восток в 60–70-е годы).

Экспансия – категория, широко применяемая в геополитике и используемая для характеристики территориальных приобретений, установления военно-политической сферы влияния. Разновидности экспансии: военная, экономическая, культурно-идеологическая и информационная. По мере обострения и глобализации сырьевого кризиса, роста народонаселения, сокращения площади плодородных земель главным видом экспансии становится территориальная.

Специфика *третьей группы* категорий состоит в следующем.

Геополитическая культура – это система духовных ценностей, которые лежат в основе представлений о взаимосвязи политических и пространственных

факторов в жизни общества. В России имеются две главные геополитические культуры – западная и евразийская.

Геополитическая картина – результат и процесс взаимодействия субъектов геополитики, образуемых ими силовых полей. Находится в состоянии постоянной трансформации в связи с изменением потенциала прежде всего ведущих держав, увеличением или сокращением контролируемых ими территорий, перемещением границ.

Геополитическими картинами были соперничество Антанты и Тройственного союза, противостояние антикоминтерновского пакта (Германия, Италия, Япония) и государств антигитлеровской коалиции, биполярность периода холодной войны. Для геополитической картины современного мира характерна полицентричность, основывающаяся на соотношении сил ведущих мировых держав, государств регионального и субрегионального уровня и крупных государств.

Геополитическое видение мира – субъективное восприятие политических процессов в контексте пространственных факторов и прежде всего территориальных. Формируется под воздействием семейных традиций, образования, личного опыта, СМИ, рекламы и т.д.

Геополитическая катастрофа - радикальное изменение международной среды, вызванное возникновением качественно нового баланса сил чаще всего в результате коллапса великих держав или резкого сокращения их потенциала. Примером геополитической катастрофы может служить распад СССР и так называемого «социалистического содружества»

Содержание парных категорий Запад-Восток, Север-Юг (глубокий Юг) сводится к следующему.

Запад – геополитическое понятие, противоположное Востоку (западная цивилизация, атлантизм). Включает в себя преимущественно высокоразвитые демократические государства.

Восток – геополитическое понятие, противоположное Западу(восточные цивилизации).

Север – геополитическое понятие, обозначающее богатые страны Запада в противоположность бедному Югу. Включает также государства, расположенные в южном полушарии – Австралию и Новую Зеландию.

Глубокий Юг – мировая периферия с характерными процессами демодернизации и криминализации социально-экономических отношений (Центральная Африка). К Глубокому Югу приближаются некоторые постсоветские государства (например, Таджикистан).

Кроме рассмотренных категорий геополитика широко использует категориальный аппарат прежде всего политологии, теории международных отношений, военной теории. Она активно оперирует такими категориями, как агрессия, баланс сил, биполярность в политике, военная мощь, глобализация, многополярность в политике, политика сдерживания, политика с позиции силы, расстановка сил, цивилизация, ядерный паритет, ядерное сдерживание и др.

Агрессия – форма осуществления внешней политики государства. Представляет собой прямое или косвенное применение одним государством вооруженной силы против независимости и территориальной целостности другого государства. Может иметь и иные измерения – экономическое, психологическое, идеологическое и т. п. Действия обороняющегося государства, в том числе и наступательные, не являются агрессивными и отвечают нормам международного права.

Баланс сил - это ситуация равновесия между государствами, возникающая либо в результате действия национальных правительств, либо независимо от политиков. Концептуально эта категория восходит к работам Фукидида, но распространение получила с XV111 века, особенно при анализе общеевропейской политики между войнами Наполеона и Первой мировой войной.

Биполярность в политике – вариант системы «баланса сил». Проявляется в объединении составляющих его единиц вокруг двух основных центров (полюсов), сосредоточивших наиболее значимые измерения силы (прежде всего ядерное оружие). Биполярность была специфической чертой международных отношений после второй мировой войны, когда основными центрами силы стали сверхдержавы – СССР и США, объединившие вокруг себя союзников. Для отношений между противоположными общественными системами были характерны конкуренция, конфронтационность и идеологическое соперничество. Биполярность периода «холодной войны» пришла на смену балансу сил образцов XIX и первой половины XX века.

Военная мощь государства – совокупность материальных и духовных возможностей государства, используемых для достижения военно-политических целей как на международной арене, так и внутри отдельных государств: для подготовки войны и ее ведения, в целях агрессии или ее отражения, в интересах предотвращения войны, обеспечения безопасности – глобальной, региональной, национальной и т.д. По своему состоянию военная мощь может быть реальной и потенциальной; последняя представляет собой максимальные возможности государства, которые могут стать действующими факторами войны при напряжении всех сил общества и его военной организации.

Глобализация – процесс, для которого, по мнению большинства исследователей, характерны следующие наиболее значимые сущностные черты: усиление взаимозависимости стран и народов во всех сферах человеческой жизнедеятельности; образование всемирного рынка финансов, товаров и услуг, или мировой экономики; становление глобального информационного пространства, обеспечивающего осуществление любых видов деятельности в реальном масштабе времени; превращение знания в основной элемент общественного богатства; внедрение и доминирование в повседневной практике международных отношений универсальных либерально-

демократических ценностей, прежде всего связанных с обеспечением прав человека.

Многополярность в политике – вариант системы «баланса сил», отличающийся взаимодействием нескольких или множества центров силы, более или менее сопоставимых по потенциалу. Трансформация биполярной системы международных отношений в многополюсную началась с конца шестидесятых годов и проявилась в образовании кроме США и СССР таких «полюсов силы», как Китай, Япония и Западная Европа.

Политика сдерживания – это: 1) комплекс мер, направленных на предотвращение прямой агрессии или иных форм экспансии одного государства или группы государств по отношению к другому государству (или государствам). Основным компонентом политики сдерживания является открытая демонстрация неблагоприятных последствий для самого агрессора или экспансиониста; 2) комплекс мер, направленных на сужение масштабов начавшейся агрессии или экспансии с целью сведения их последствий к минимуму.

Политика с позиции силы – это политика, проводимая одним государством (или блоком государств) по отношению к другому государству (или государствам) на основе демонстрации действительного превосходства (или его имитации) в военном, военно-техническом, экономическом или демографическом отношении. Отличается использованием открытой угрозы давления или применением давления в одной или нескольких из указанных сфер.

Категория *«расстановка сил»* отражает позиции государств в системе международных отношений, ее подсистемах и в конкретных ситуациях, характер взаимоотношений между государствами на различных структурных уровнях. Расстановка сил – категория преимущественно структурная в отличие от баланса сил – категории функциональной, связанной с внешнеполитической деятельностью государств на основе существующей расстановки сил,

динамикой изменения сравнительной мощи государств, с их главными и специфическими интересами, с проблемой политических союзников и т.д. Баланс сил может неоднократно меняться при одной и той же их расстановке.

Понятие «*цивилизация*» в геополитике используется прежде всего в культурологическом смысле (социокультурное образование, основу которого составляет религия) и географическом (формы кооперации людей, возникающие под воздействием географической среды). Употребляется и в широком толковании – как целостная саморазвивающаяся система, включающая в себя все социальные и несоциальные компоненты географического процесса, всю совокупность созданных человеком материальных и духовных основ.

Ядерный паритет – примерное равенство ядерных сил и вооружений СССР и США. В своих основных компонентах считался достигнутым к началу 70-х годов.

Ядерное сдерживание – доктрина, в соответствии с которой ядерное оружие является решающим фактором сдерживания и устрашения возможного агрессора, предотвращения мировой войны и поддержания международной стабильности. Была разработана в США в связи с появлением ядерного оружия и несколько десятилетий определяла отношения между военно-политическими блоками НАТО и Организацией Варшавского Договора.

Геополитика отражает объективные связи и закономерности реальной жизни, что позволяет ей выполнять определенные функции. При наличии различных подходов к классификации этих функций наиболее важными из них являются познавательная, прогностическая, управленческая и идеологическая. Рассмотрим эти функции по существу.

Познавательная функция связана прежде всего с изучением тенденций геополитического развития стран и народов, различных факторов, явлений и процессов. Эта функция служит важной предпосылкой для понимания глобальных и региональных сдвигов на геополитической карте мира.

Прогностическая функция геополитики вытекает из познавательной и имеет целью определение ближайших и отдаленных перспектив развития геополитических сил и полей, обозначение возможных конфигураций стран и союзов, их влияния на международные отношения. В подготовке прогнозов геополитических перемен важную роль играет мониторинг – отслеживание проходящих процессов.

Управленческая функция геополитики проявляется прежде всего в сборе и анализе эмпирической информации, в выработке практических рекомендаций для управления геополитическими процессами.

Наконец, *идеологическая функция* геополитики состоит, во-первых, в выражении интересов правящих элит и наций и, во-вторых, в ее использовании с целью манипулирования сознанием людей, формирования соответствующих стереотипов поведения.

В развитии геополитики просматриваются три этапа.

1. Предыстория геополитики, когда её идеи являлись составной частью философских учений и исторической науки.

2. Классическая геополитика, охватывающая конец XIX – начало XX вв., когда на основе её идей и концепций возникли национальные школы;

3. Современная геополитика, интенсивное развитие которой началось после Второй мировой войны и проявилось в становлении национальных школ и ряда новых направлений. На смену классической парадигме противостояния Суши и Моря пришла новая парадигма, ориентирующаяся на изучение связи и взаимодействия политики и совокупности пространственных факторов – физических, экономических, культурных, информационных и др.

Глава 2.

Предыстория геополитики

2.1. Геополитические идеи Древнего мира и средневековья

Геополитика обладает собственной исследовательской традицией и научной классикой. Появлению геополитики предшествовало длительное изучение роли географического фактора в жизни общества. К глубокой древности восходят идеи географического детерминизма, согласно которым развитие человечества во многом определяется географическими факторами, а установление государственных границ основывается на праве сильного и целиком зависит от завоеваний.

О влиянии окружающей среды на политическое развитие размышляли философы Древнего Востока и античности.

Внимание китайского философа *Лао-цзы* (579-499 гг. до н.э.) привлекали проблемы, имеющие геополитический смысл: влияние великих рек на развитие человечества, «притяжение» большим государством малых, «освоение геополитического пространства путем подписания соглашений между государствами и создания союзов.

В памятнике древне индийской культуры *Артхашастра* (11-111 вв. до н.э.) рассматривается такой геополитический вопрос, как устройство пограничных рубежей завоеванной или вновь заселяемой местности. Границы селений, отмечается в *Артхашастре*, правитель должен установить по рекам или горам, лесам, колючим кустарникам, оврагам (или насаждениям деревьев), т.е. по естественным или искусственным рубежам¹⁰.

Мыслители античности *Парменид* (VI в. до н. э.), *Гиппократ* (ок. 460 – ок. 370 до н. э.) и *Аристотель* (384–322 до н. э.), историк *Полибий* (ок. 200 – ок. 120 до н. э.) и другие полагали, что жизнь людей и обществ, их обычаи, нравы и образ правления обусловлены географической средой.

¹⁰ *Артхашастра*, или *Наука политики*. М., 1993. С.52.

Древние греки сначала делили известный им мир в соответствии с климатическими условиями. Философ Парменид выдвинул теорию пяти температурных зон – жаркой, двух холодных и двух промежуточных. Исходя из этой теории, Аристотель усматривал в заселении греками промежуточной зоны причину их силового превосходства над другими народами.

Гиппократ в сочинении «О воздухах, водах и местностях» анализировал влияние географических условий и климата на особенности человеческого характера и на общественный строй. Он считал, что «...большую часть формы людей и нравы отражают природу страны»¹¹.

Позднее географические концепции античности учитывали фактор суши и моря как важнейшую характеристику государств. Об этом, в частности, писал Аристотель в «Политике».

Согласно Аристотелю, государство, территория и население – взаимосвязанные феномены; для лучшего государства необходима территория, способная разместить все его население. При этом высказывалось предостережение против искусственного расширения государства за счет присоединения к нему чуждого населения, поскольку это способно затруднить управление посредством неизменных законов.

В процветании государства Аристотель особое значение придавал географическому положению, прежде всего близости к морю и удобству мореплавания. Характерна оценка им государства, которое стало мощным в значительной степени благодаря выигрышному географическому положению – расположению на острове Крит¹².

Вместе с тем близость к морю воспринималась Аристотелем неоднозначно: с одной стороны, она дает государству геополитические преимущества, с другой – является источником серьезных опасностей. Порты, гавани обеспечивают экономические блага, способствуют развитию торговли,

¹¹ Гиппократ. Избранные книги. М., 1936. С.304

¹² См.: Аристотель. Политика. Кн. 2. У11.2 //Аристотель. Соч. в 4 т. М., 1984. Т.4. С.434-435.

общению людей. Однако прибытие большого числа иноземцев, по мысли Аристотеля, может пошатнуть право и мораль. Такую опасность он предлагает предупреждать путем издания законов, которые бы точно определяли, кому разрешается прибывать в порты.

Греческий историк *Полибий*, живший в эпоху заката державы Александра Македонского и завоевания Греции римлянами (2-й век до н.э.), одну из важнейших причин расцвета Рима видел в свойствах почвы, на которой он расположен, и в его географическом положении.

Географ и историк *Страбон* (64/63 – 24/23 гг. до н.э.) в сочинении «География» проводит мысль о взаимосвязи географии и политики. По его утверждению, «большая часть географии служит интересам государства, ибо арена деятельности государства – земля и море – место обитания человека»¹³.

В полемике с античными мыслителями о границах ойкумены (т.е. обитаемого мира) Страбон высказывает мысль о шарообразности Земли и возможности её условно поделить на Северное и Южное полушария и пять климатических поясов – два полярных, холодных и необитаемых, два умеренных, которые могут быть обитаемы, и один экваториальный, необитаемый из-за жары.

Интерес древних греков к влиянию географической среды на социальное существование людей диктовался вполне практическими мотивами. Развитие цивилизации, рост городов-государств вызывали геополитические проблемы расширения жизненного пространства для увеличивавшегося населения, колонизации территории по периметру Средиземноморья с целью перемещения туда избыточного населения, пограничные проблемы.

Римский политик, юрист и оратор *Цицерон* (106-43 гг. до н.э.) подкрепляет мысль о связи политики с географией тем фактом, что при основании Рима Ромул удачно выбрал место будущей столицы, которое благодаря Тибру легко соединяется с морем. Это, по мнению Цицерона,

¹³ См.: Страбон. География. М., 1934. С.7.

гарантирует от внезапного нападения врагов, чему подвержены приморские города-государства. Он рекомендует: каждый, кто пытается создать долговечное государство, должен осмотрительно намечать для него место¹⁴.

Античные представления о роли географического фактора в развитии общества получили развитие в трудах арабского историка *Ибн Халдуна* (1332–1406). Он придавал первостепенное значение влиянию природных условий на историю и общественно-политическую жизнь, особо подчеркивая при этом значение такого фактора, как климат. Согласно теории исторических циклов *Ибн Халдуна*, в странах с умеренным климатом наиболее активной силой являются кочевники, физически и морально превосходящие оседлое население, особенно горожан. Поэтому они периодически захватывают страны с оседлым населением и образуют обширные империи с деспотической формой правления. Через три-четыре поколения они утрачивают свои достоинства, и новые волны кочевников вторгаются в эти страны, устанавливая в них свое господство и начиная тем самым очередной цикл истории.

К числу предшественников геополитики может быть отнесен итальянский ученый и политический деятель *Николо Макиавелли* (1469-1527). В его работах «Государь» (1513) и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1513-1517) высказаны суждения вполне геополитического характера – о расширении границ и присоединении новых земель мирными и военными средствами на основании предварительной сравнительной оценки реальной мощи государств, о сохранении господства над вновь приобретенными территориями посредством создания колоний, переноса туда столиц и их изоляции от влияния соседних стран, о создании региональных военно-стратегических альянсов.

Важным этапом в развитии идей географического детерминизма явилась эпоха великих географических открытий.

Французский ученый *Жан Боден* (1530–1596) в работе «Шесть книг о государстве» (1577) рассматривал географические факторы как одну из

¹⁴ См.: Цицерон. Диалоги. М., 1994. С.36.

важнейших детерминант государственного устройства наряду с Божественной волей и человеческим произволом. Среди географических факторов в качестве наиболее значимого он выделял климат, а земной шар делил на три зоны – жаркую (экваториальную), холодную (полярную) и среднюю (умеренную). Действию климата приписывалось физическое превосходство северных народов над южными и горных – над долинными.

Ж. Боден обращал внимание государственных деятелей на необходимость учитывать в административной и законодательной деятельности помимо социальных и климатические условия. Он особо подчеркивал важность соответствия законов страны условиям физической среды. Его мысль о прямой зависимости силы и влияния суверенного государства от окружающих природных условий, по существу, близка к позиции современных геополитиков.

2.2. Геополитическая мысль Нового времени

Проблема влияния географических факторов на политику занимала существенное место в работах французского философа-просветителя *Шарля Монтескье* (1689–1755). В труде «О духе законов» (1748) он вслед за Ж. Боденом пытался объяснить характер, нравы и обычаи народов, их хозяйственный и политический строй географическими условиями, особенно климатом. При этом особо подчеркивалась необходимость соответствия законов страны этим условиям. Большое значение Ш.Монтескье придавал и обратному влиянию политического фактора, прежде всего формы государственности, на географическую среду.

Согласно Ш.Монтескье, государство только тогда способно гармонично и успешно развиваться, когда образ правления соответствует условиям географической среды. Он полагал, что демократическая республика требует

небольшой территории, прямого участия населения в решении общественных проблем, подавления личного интереса, строгой дисциплины граждан¹⁵.

Влияние природных условий на общественно-политическое развитие изучалось немецкими учеными И. Гердером (1744–1805), А. Гумбольтом (1769–1859), философами И. Кантом (1724–1804) и Г. Гегелем (1770–1831), английским географом Г. Боклем (1821–1862) и др.

По мнению *Иоганна Гердера*, развитие цивилизации осуществляется под воздействием внутренних и внешних факторов. К последним он относил физическую природу, и в первую очередь такие ее элементы, как климат, почва, географическое положение.

Александр Гумбольдт полагал, что география должна давать целостную картину окружающего мира и служить конкретным социальным, политическим и экономическим целям человека.

Иммануил Кант в лекции по географии высказал мысль о влиянии физической среды на «моральную географию» (национальный характер), на политическую географию, на «торговую географию» (экономику) и на «теологическую географию» (территориальное распространение религий). По его мнению, природная среда не только способствует контактам между людьми и развитию торговли, но и установлению мира. Для этого людям следует создавать законы, регламентирующие заселение неосвоенных территорий Земли, взаимоотношения народов метрополий и колоний.

Заслуга *Г.В.Фридриха Гегеля* (1770-1831) в истории развития геополитической мысли состоит в разработке *методологии* анализа пространственных отношений между государствами, народами и цивилизациями. Им предложены два критерия оценки роли народов во всемирной истории.

Первый критерий – зависимость духовного мира народов от «зрелости жизненного пространства» (местности), его пригодности в качестве среды их

¹⁵ См.:Монтескье Ш. О духе законов //Антология мировой философии. В 4 т. Т.2. М., 1970. С.546.

обитания. Исходя из этого критерия, Г.Гегель подразделял мировое геополитическое пространство на две части – Старый и Новый Свет.

В качестве арены всемирной истории Г.Гегель рассматривал Старый Свет, где, с его точки зрения, территории обладают наиболее благоприятными свойствами для раскрытия потенциала населяющих их народов. Новый Свет, по Г.Гегелю, составляют «физически незрелые» местности, представленные Америкой и Австралией, которые открыты человечеством значительно позже остальных континентов. Вместе с тем относительно Америки он пророчески прогнозировал, что именно эта страна станет центром всемирно-исторического значения благодаря эмигрантам.

Второй критерий, по мнению Г.Гегеля, определяющий место народов в истории, - это их близость к морю или отдаленность от него. В соответствии с этим критерием он разделяет народы на *исторические* и *неисторические*. Первые способны к творчеству и созиданию, вторые (например, африканцы и индейцы) лишены исторической инициативы и потому обречены на рабство и зависимость от европейцев. В данном случае географический детерминизм Г.Гегеля приобрел расистскую окраску.

Г.Гегель обращал внимание на неоднородность географических условий, определяющих исторический потенциал народов. В зависимости от «физической зрелости» земной поверхности он выделял: 1) безводное плоскогорье со степями и равнинами; 2) низменности, переходные страны, орошаемые реками; 3) прибрежная страна, непосредственно примыкающая к морю.

По мнению Г.Гегеля, роль жителей плоскогорий ограничена кочевничеством, в зоне низменности образуются центры цивилизации, а миссия стран прибрежной зоны состоит в поддержании связей между народами¹⁶.

Наряду с философским осмыслением роли природной среды в геополитических процессах её влияние на эти процессы изучалось с позиций

¹⁶ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия истории //Соч. В 14 т. Т.8. М.-Л. 1935. С.84-85.

географического детерминизма. Это направление представлено немецким географом Карлом Риттером (1779-1858) и английским историком и социологом Генри Томасом Боклем (1821-1862).

К.Риттер одним из первых обосновал идею противостояния Суши и Моря, которая стала одной из центральных в геополитике XX века. *Г.Бокль* объяснял особенности развития народов влиянием естественных факторов – ландшафта, почвы, климата, а также пищи. Пищу он расценивал как вторичный фактор, производный от климата и почвы. Согласно Г.Боклю, для понимания истории Европы больше внимания следует уделять не физическим условиям, а умственному развитию, позволяющему человеку подчинять природу.

В течение XIX века школа географического детерминизма постепенно перемещалась в Германию. Свое наиболее полное развитие она получила на рубеже XIX и XX веков. Особую роль в разработке идей географического детерминизма и создании нового научного направления – политической географии сыграл *Фридрих Ратцель* (1844–1904). Его вклад в науку будет раскрыт далее.

Кроме географического направления в социальной мысли к числу источников геополитики нередко относят цивилизационные и военно-стратегические концепции. В этой связи следует отметить вклад в разработку цивилизационного подхода к истории Н.Я. Данилевского (1822–1885), русского философа К.Н. Леонтьева (1831–1891), немецкого философа О. Шпенглера (1880–1936), русского ученого-евразийца П.Н. Савицкого (1895–1968), его ученика и нашего современника Л. Н. Гумилева (1912–1992), английского историка и социолога А. Тойнби (1889–1975), современного американского ученого С. Хантингтона (1927-2008). Из создателей военно-стратегической концепции, оказавших наиболее значительное влияние на геополитику, называют немецких военных теоретиков К. Фон Клаузевица (1780–1831) и Х.И. Мольтке (1848–1916).

Таким образом, предыстория геополитики достаточно продолжительна и эклектична. Она включает фрагментарные суждения, представления и знания преимущественно о влиянии географических условий на жизнь людей. К рубежу XIX и XX веков были созданы также социально-философские предпосылки для формирования геополитики как науки

По мере пространственного «уплотнения» Земли, с переходом земного пространства из разрозненного состояния к единому взаимосвязанному и взаимозависимому миру на этой основе стало возможным возникновение новой интегральной области знания – геополитики.

2.3. Создание основ геополитики

Основы геополитики заложил немецкий географ *Фридрих Ратцель* (1844-1904) в работах «Законы пространственного роста государств» (1896) и «Политическая география» (1898), в которых сформулировал пространственный подход к объяснению смысла политических событий. Исходя из популярной во второй половине XIX века концепции эволюционизма, он понимал государство как одну из форм жизни на Земле, а его рост рассматривал как всеобщую универсальную тенденцию.

Процветание государства, как полагал Ф.Ратцель, полностью зависит от свойств его территории. Обладание достаточным жизненным пространством способно обеспечить подъем государства, а отсутствие такового ведет к его упадку.

Ф.Ратцель различал народы, наделенные «чувством пространства» и стремлением увеличить территорию проживания, и примитивные народы, не создавшие большие по размерам государства. Глобальную значимость в будущем будут иметь только крупные государства, занимающие большие континентальные территории, подобные Северной и Южной Америке, России,

Австралии. Идея расширения жизненного пространства выступает в его концепции как геополитический закон.

Согласно Ф.Ратцелю, возникновение великих держав происходит за счет поглощения малых государств. Первоочередными целями экспансии он считал наиболее ценные объекты физической среды – морские побережья, течения крупных рек, источники сырья. Развитие флота рассматривалось Ф.Ратцелем как необходимое условие обретения статуса «мировой державы».

Основная линия соперничества в мире виделась Ф.Ратцелю в противоборстве двух типов государств – морских и континентальных. Тем самым была обозначена одна из центральных тем геополитики – противостояние «Суши» и «Моря» как детерминанты мирового развития.

Большое значение в глобальных геополитических процессах Ф.Ратцель придавал бассейнам Средиземного моря и Атлантического океана. Тихий океан он называл «океаном будущего», местом столкновения интересов ведущих держав мира.

Важным теоретическим достижением Ф. Ратцеля было введение в научный оборот терминов «пространство», «чувство пространства», «подчинение пространства». Понятие «пространство» он считал фундаментальным научным понятием.

Труды Ф.Ратцеля способствовали появлению геополитических исследований. На его идеях основывали свои концепции классики геополитики А.Мэхэн, Х.Маккиндер, русские евразийцы П.Савицкий, Л.Гумилев и др.

Термин «геополитика» или «географическая политика» впервые употребил шведский географ и государствовед *Рудольф Челлен* (1864-1922), который развил идеи Ф.Ратцеля. Его мировоззрение также основывалось на социал-дарвинизме, согласно которому биологические принципы естественного отбора, борьбы за существование и выживание наиболее приспособленных являются определяющими факторами общественной жизни. Геополитические идеи Р.Челлена изложены в работах «Великие державы: очерки из области

современной большой политики» (1914), «Государство как форма жизни» (1916), «Основы системы политики» (1920).

В геополитике Р.Челлен видел дисциплину, изучающую «государство как географический организм в пространстве» наряду с другими науками, которые исследуют влияние на государство хозяйственного, демографического, социального и политического факторов.

В состав геополитики, по Р. Челлену, входит *топополитика*, изучающая влияние на государство внешнего окружения, *морфополитика*, изучающая геометрическую форму государственной территории, и *физиополитика*, исследующая строение территории, ее естественные ресурсы

Согласно Р. Челлену, взаимодействие государств носит характер борьбы за жизненное пространство, в которой решающую роль играет фактор силы. Необходимые условия победы в этой борьбе ему виделись в пространственном расширении (экспансии), территориальной монолитности (компактности) и контроле над коммуникациями, прежде всего морскими.

Главным объектом геополитического анализа, по мнению Р.Челлена, должны быть великие державы, поскольку именно они решающим образом влияют на международные процессы. Разработанная им концепция великих держав основывалась на комбинации трех пространственных факторов – расширении пространства, территориальной монолитности, свободе перемещения. Соотношение этих пространственных факторов определяет стратегический потенциал государства.

В этой связи определенный интерес представляют оценки Р.Челленом потенциала крупнейших государств начала XX века.

Согласно Р.Челлену, Россия благодаря расширению обладает большой территорией, территориально монолитна, но лишена свободы перемещения в связи с тем, что ее доступ к теплым морям ограничен. Великобритания с избытком наделена свободой перемещения благодаря океаническому расположению и флоту, огромным расширением в связи с наличием колоний и

доминионов, но территориально не монолитна. У Соединенных Штатов благоприятны все три пространственных фактора – протяженное пространство, свобода перемещения и территориальная монолитность. Япония оценивается как страна территориально монолитная, обладающая свободой перемещения в зоне Тихого океана, но лишенная достаточно протяженной территории. Германия обладает территориальной целостностью и единым этносом, но не имеет ни протяженной территории, ни достаточно свободного перемещения.

В книге «Великие державы: очерки из области современной большой политики» Р.Челлен стремился доказать необходимость подчинения малых стран «великим державам». Германофил по убеждениям, он считал, что в пространстве Европы именно Германия обладает «осевым динамизмом», т.е. способностью структурировать вокруг себя остальные европейские государства.

Р.Челлен отступил от «биологизаторства» Ф.Ратцеля и в своих работах уделял большое внимание не только территориальному «телу» государств, но и качествам населяющих их народов. Тем самым им были намечены две линии в развитии геополитической мысли – 1) признания приоритета территориального фактора и географического детерминации и 2) акцентирования первоочередной значимости свойств народов как субъектов геополитики.

Труды Р.Челлена приобрели наибольшую известность в Германии. Они были переведены на немецкий язык и широко рекламировались в нацистских учебных заведениях.

Идеи Ф.Ратцеля и Р.Челлена стимулировали дальнейшее развитие геополитических концепций. Принципиальное отличие этих концепций от положений географического детерминизма прошлых времён состояло в создании геополитической картины мира. Из разрозненных взглядов на пространственную структуру Земли рождались геополитическая теория и доктрины глобального масштаба.

При общности теоретико-методологических основ западной геополитики значительной спецификой отличаются евроконтинентальная и англо-американская геополитика. Они по-разному интерпретируют природу мирового господства и формы контроля над пространством, принципы взаимодействия политических акторов. Поскольку геополитика выражает национальные интересы государств и влияет на их политический курс развитие этой науки осуществлялось в русле национальных школ.

Обратимся к содержанию евроконтинентальной и англо-американской геополитике и рассмотрим особенности составляющих их национальных школ.

Глава 3.

Евроконтинентальная геополитика

3.1. Специфика евроконтинентальной геополитики

Усилению интереса к геополитике как науке в Европе в немалой степени способствовали процессы государственно-политического размежевания и гетерогенности культурной среды. Основные особенности евроконтинентальной геополитики состоят в следующем.

1. В отличие от англо-американской школы в ее основе лежала идея неразрывной связи веры, почвы и крови, воплощенной в феномене национализма. Этот феномен стал одной из причин двух мировых войн на европейском континенте.

2. Противостояние немецкой и французской геополитической школ в области методологии и проблемных комплексов геополитики. Немецкая школа базировалась на географическом детерминизме, заимствованном из географии, и социал-дарвинизме, рассматривавшем войны, конфликты и конкуренцию как формы борьбы за выживание. Французская геополитическая школа складывалась в рамках гуманистической интеллектуальной традиции, делала акцент на ведущей роли человека в освоении пространства, провозглашала приоритет его свободной воли и инициативы. Представители школы склонны рассматривать геополитику как метод исследования, а не формальную доктрину.

Существенные различия между двумя школами проявлялись в трактовке конфигурации геополитического пространства и его силовых полей, причин возникновения и природы «мирового государства». Так, у Ф.Ратцеля и его последователей путь к «мировому государству» лежал через процесс территориальной экспансии (войны) и торговлю, а у основателя французской школы геополитики П.Видаль де ла Блаша – через взаимодействие локальных

общностей людей и постепенное осознание ими своего единства, путём мирной цивилизационной интеграции

3. Теоретические противоречия немецкой и французской геополитических школ в определенной степени отражали реальный геополитический конфликт между Германией и Францией за доминирование в Европе. Вместе с тем в процессе полемики между обеими школами происходило сближение немецкой и французской геополитических традиций, взаимное обогащение научных школ.

4. Тяготение европейской геополитической традиции к искусной политике и маневрированию, предпочтение инструментария «мягкой силы» (благоприятный имидж, убеждение, компромиссы), ориентация многополярность как оптимальную форму мироустройства в условиях глобальных перемен. Приверженность европейцев гуманизму и принципам международного права коренятся в политической культуре народов, населяющих континент, и выстраданы опытом двух мировых войн. Поэтому видение европейскими геополитиками современного мира глубже и богаче нюансами, чем американскими.

5. Фокусирование современной геополитики не на пространстве, а на человеке, владеющем пространством, приверженность гуманитарным приоритетам, концентрация исследований на разработке двух основных направлений – континентальных концепций с акцентом на самостоятельности Европы и мондиалистских концепций, обосновывающих идею единого мира под эгидой мирового правительства.

3.2. Немецкая геополитика

Евроконтинентальная геополитика представлена прежде всего немецкой, французской и итальянской национальными школами.

Немецкая геополитика, основанная Фридрихом Ратцелем, достигла своего расцвета в период между мировыми войнами. Главная задача ее ведущего теоретика Карла Хаусхофера (1869-1946) состояла в формулировании аргументов для обоснования претензий Германии на мировое господство. Им разработан понятийный аппарат германской геополитики, воздействовавший на сознание населения, выдвинута программа геополитического воспитания немецкого народа в условиях Веймарской республики.

К.Хаусхофер придерживался социал-дарвинистской ориентации и считал геополитику разумом государства. Вслед за основателями геополитики он исходил из посыла, что местоположение и территориальные характеристики государства являются главными детерминантами его политического могущества. Отсюда ключевые выражения - «кровь и почва», «сила и пространство», «жизненное пространство».

Обосновывая концепцию территориальной экспансии. К.Хаусхофер превратил выражение Ф.Ницше «воля к власти» в понятие «воля к пространству», а выражение Ф.Ратцеля «чувство пространства» - в «чувство границ». Само понятие «граница» распространяется им на военные, государственные, расовые, лингвистические и культурные границы, становясь подвижным и размытым. К.Хаусхофер также ввёл понятие «вероятная карта» и на протяжении 20 лет печатал такие карты, убеждая немцев в необходимости и справедливости изменения границ.

К.Хаусхофер полагал, что периоду господства морских держав приходит конец и будущее принадлежит сухопутным державам. Вместе с тем он придавал важное значение и морской мощи как средству защиты и расширения границ. Идея комплексности государственной мощи нашла своё отражение в беспрецедентном для континентальной Германии наращивании военно-морского флота.

Целью государственной политики К.Хаусхофер считал расширение жизненного пространства, а важнейшим способом её достижения – поглощение мелких государств. Он придал ратцелевской концепции жизненного пространства тот вид, в котором она стала частью официальной доктрины Третьего Рейха.

В центре внимания К.Хаусхофера было то унижительное положение, в котором оказалась Германия после поражения в Первой мировой войне. Усеченные согласно условиям Версальского договора границы страны представлялись ему неестественными и уродующими национальную жизнь граждан. Как достаточное пространство для Германии рассматривалась «Срединная Европа», концепция которой была предложена Ф.Ратцелем.

Вышедшая в 1931 г. работе «Панидеи в геополитике» была посвящена обосновыванию глобальных направлений геополитики – панидей. Панидеи, согласно К.Хаусхоферу, провозглашаются народами и охватывают большие пространства. Таковыми он считал, например, пан-Европу (с Африкой), пан-Америку (с юной Америкой, но без Канады), Британскую федеративную империю, Российскую федеративную империю, Восточную Азию. К панидеям К.Хаусхофер относил проекты пангерманистов, панславистов, доктрину Монро¹⁷. Представления К.Хаусхофера о характере и содержании панидей неоднократно корректировались.

Главным геополитическим конфликтом для К.Хаусхофера было противостояние «морских» и «сухопутных» держав. Он постулировал необходимость создания «континентального блока» из Германии, СССР и Японии с целью противостояния «силам моря» - союзу Англии, Франции и США. «Континентальный блок» рассматривался геополитиком и поддерживавшей его нацистской верхушкой как фактор усиления Германии в противостоянии с Англией.

¹⁷ См.: Хаусхофер К. Панидеи в геополитике / Хаусхофер К. О геополитике. М., 2001

По замыслу К.Хаусхофера, доступ Германии к российским транспортным коммуникациям ослабил бы её зависимость от коммуникаций морских, контролируемых Великобританией, и облегчил бы создание евразийского блока, способного разбить Британскую империю. Такую конфигурацию К.Хаусхофер называл «внутренней линией».

Заключение пакта о ненападении между СССР и Германией К.Хаусхофер воспринял как историческое явление, шаг к осуществлению его геостратегических планов создания условий для доминирования Германии. После заключения пакта он начал активно работать над формированием «внутренней линии», «евразийского блока», уделяя особое внимание расширению культурного влияния Германии.

Нападение Германии на СССР противоречило взглядам К.Хаусхофера и сделало невозможным создание «континентального блока». Ученый прогнозировал неизбежность поражения Германии в войне на два фронта и порвал с нацистским руководством, что не спасло его преследований как одного из создателей доктрины «третьего рейха».

Значительный вклад в европейскую геополитику внес юрист и политолог Карл Шмитт (1888- 1985). Содержание его геополитической теории в решающей степени объясняется пониманием политики, исходя из четкого разграничения друзей и врагов. В соответствии с таким критерием сущность политики ему виделась в войнах.

С геополитической точки зрения исторический процесс рассматривался К.Шмиттом как антитеза «номоса» Земли «номосу» Моря¹⁸. Под номосом понимался принцип взаимосвязи между организацией пространства и особенностями государственного устройства, правовой системы и духовного склада нации.

¹⁸ См.: Шмитт К. Новый «номос» Земли //Элементы. 1993. №3.

Тем самым геополитическое соперничество Суши и Моря выводится на уровень историософского обобщения. Преимущество, по мнению К.Шмитта, всегда получали государства, освоившие стихию моря.

В конце 50-х гг. дуализм Суши и Моря рассматривался им как противостояние Востока и Запада, вырастающее из многих противоречий – экономических, политических, духовных¹⁹. Победителем в этом противостоянии, по его мнению, будет тот, кто сумеет добиться лучшей технической оснащенности и сумеет воспользоваться результатами технологического прогресса, в частности, высадиться на Луне или на Марсе.

В первой половине XX века в германской геополитике наряду с националистическим направлением получило развитие либерально-демократическое. Его представителями были прежде всего Й.Парч и Ф.Науманн.

Это направление зародилось в период наполеоновского нашествия, ликвидировавшего Священную Римскую империю германской нации. Именно тогда образованная часть немцев пришла к мысли о том, что будущее Германии должно определяться прежде всего влиянием интеллектуальной элиты.

Начало формированию концепции «Срединной Европы» положил немецкий поэт и историк Эрнст Мориц Арндт (1769-1860). Он рассматривал Германию как сердце Европы и полагал, что немецкий народ как самый укорененный и многочисленный в регионе должен стать воспитателем других народов.

Концепция «Срединной Европы» была обоснована профессором географии Йозефом Парчем (1851-1925) и бывшим пастором, а впоследствии организатором Германской демократической партии Фридрихом Науманном (1860-1919) в изданных в 1906 и 1915 гг. книгах под одним названием – «Mitteleuropa» (Срединная Европа).

¹⁹ См.: Шмит К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря //Элементы. 1996/97. №8.

Согласно проекту Ф.Науманна, предполагалось возрождение Германии в границах Священной Римской империи германской нации путем создания нового субъекта мировой политики – «Срединной Европы», в котором были бы стусеваны границы государств и обеспечена интеграция граждан в основных аспектах жизнедеятельности²⁰. Проект предусматривал объединение рейха с Австро-Венгрией и последующее присоединение к этому ядру всех государств Центральной и Восточной Европы.

В рамках Европейского союза государств Праге отводилась роль срединно-европейского центра, Гамбургу – центра морской торговли, Берлину – биржевого центра, Вене – юридического²¹. Во главе межгосударственного союза должна была стать Германия как страна, занимающая срединное положение в регионе. Ей же отводилась роль интегратора народов Центральной Европы в единое геополитическое и экономическое пространство. Восточноевропейцев в проекте Ф.Науманна привлекала идея Центральной Европы как самодостаточного «большого пространства», но настораживала перспектива их «мягкой ассимиляции»

Представители немецкой классической геополитики, разрабатывая концепцию борьбы за жизненное пространство, ввели в научный оборот понятие демографического давления. Оно использовалось для характеристики опасности, которой подвергались малонаселённые страны, граничащие с государствами, обладающими превосходящим демографическим потенциалом.

Для послевоенной германской геополитики характерны:

1. Стремление реабилитировать геополитику нацистского периода, доказывая, что:
 - не следует ставить знак равенства между наукой и политическим движением;
 - основные идеи геополитики 30-х гг. получили отражение в доктринах и политической практике не только Германии, но и других государств.

²⁰ См.: Науманн Ф. Срединная Европа (Mitteleuropa). Пг., 1918. С.29-31.

²¹ Там же. С.125.

2. Отказ от попыток обосновать наличие непосредственного влияния географических факторов, в первую очередь размеров территории и конфигурации границ, на внешнюю политику государств и концентрация внимания на изучении «пространственного окружения человека», т.е. окружающей его среды. А.Грабовский в книге «Пространство, государство и история» (1962) обосновывал тезис о том, что введение социального аспекта преобразует геополитику в фундаментальную науку, включающую исследование как «мира идей, так и экономики; как пространства, так и климата и народа; как общественного устройства, так и правовой системы»²².

3. Поиск нового теоретического «имиджа», связанного с интерпретацией международных проблем, возникших в результате поражения Германии, и изысканием путей их разрешения, в первую очередь воссоединения страны.

4. Расширение сферы геополитических исследований за счёт глобальных проблем и общечеловеческих интересов. Этот процесс происходил по мере превращения ФРГ в локомотив европейской интеграции и завоевания ею авторитета одного из экономических гигантов современного мира.

5. Появление, как и в Соединённых Штатах, неоклассического направления (Э.Райтер, К.Шлэгель и др.), теоретизирующего с позиций геополитического наследия первых десятилетий XX века, т.е. исходя из приоритетности географических и территориальных факторов в качестве побудительных мотивов политики.

3.3. Французская и итальянская геополитика

Французская геополитика является наименее экспансионистской и наиболее гуманитарной. Её основатель географ Поль Видаль де ла Блаш (1845-1918) изложил свои геополитические взгляды в работах «Картина географии

²² Grabovski A. Raum, Staat und Geschichte. Bonn, 1962. S. 59-60.

Франции» (1903), «Восточная Франция» (1917) и «Принципы географии человека» (1922).

Блаш критиковал Ф.Ратцеля за переоценку роли природного и пространственного фактора в развитии государств и в противовес ему предложил иной подход к анализу геополитических процессов – POSSIBILISME (от франц. possible –возможный). Согласно этому принципу, пространство предоставляет людям возможности для создания различных геополитических конфигураций, но реализация этих возможностей зависит от воли и инициативы людей.

Ведущим историческим процессом Блаш считал постепенную интеграцию социальных ячеек во все более сложные организмы – страны, народы, цивилизации. Он предполагал, что в будущем произойдет интеграция цивилизаций и на ее основе сформируется мировое государство. Эти идеи во многом составляют содержание геополитической концепции европеизма и ее практического воплощения – Европейского Союза.

В отличие от немецких геополитиков, отстаивавших тезис о непримиримости морских и континентальных держав, Блаш исходил из идеи постепенного преодоления противоречий между ними благодаря развитию коммуникаций. Главный тезис его работы «Восточная Франция» - взаимопроникновение Земли и Моря – универсальный процесс.

В этой же работе Блаш предложил способ решения такого жизненно важного для страны геополитического вопроса, как закрепление за ней земель Эльзаса и Лотарингии, перешедших к Франции после первой мировой войны и населенных преимущественно немцами. Он отверг насильственные методы вытеснения немецкого населения и предложил превратить эти земли в зону сотрудничества обоих государств. В настоящее время эта идея воплощается в практике межрегионального сотрудничества европейских государств.

Французская школа активно разрабатывала проблему гибкости и изменчивости геополитического пространства.

Ученик Блаша Жак Ансель (1882-1943) в книге «Геополитика» (1936) предлагал рассматривать границу как условный барьер, отражающий текущий баланс сил, а не извечный рубеж. По его мнению, «граница в действительности – это результат равновесия между жизненными силами двух народов. Она не имеет абсолютной ценности»²³.

Ж.Ансель был жестким критиком немецкой геополитики как агрессивной и экспансионистской. В его франкоцентристской концепции геополитики Франции отводилась роль страны, выполняющей цивилизующую миссию.

Другой ученик Блаша Альберт Демажон (1872-1940) был идейным последователем поссибилизма и оппонентом географического детерминизма немецкой геополитики. С этих позиций им обосновывалась идея европейской интеграции как способа преодоления геополитического упадка Европы после первой мировой войны²⁴.

В связи с ослаблением позиций Франции в условиях экономического кризиса 1929-1933 гг. А.Демажон выступал не только за эффективное использование национальных ресурсов и модернизацию экономики в пределах метрополии, но и за проведение более рациональной колониальной политики. Он предлагал вкладывать больше капиталов в колонии, поощрять эмиграцию в них. В противостоянии океанических и континентальных держав предпочтение отдавалось «морской ориентации» Франции как колониальной державы.

В центре внимания французской геополитики после Второй мировой войны находились новые факторы, изменяющие геополитическое пространство, прежде всего духовные. Для подхода к пространству как сфере взаимодействия людей характерно разработанное последователем Блаша Жаном Готтманном (1915-1994) иконографическое направление в геополитике. Иконография буквально означает систему символов, используемых в иконописи для передачи смысла иконописного образа.

²³ Ancel J. Geopolitique. Paris. 1936. P.55.

²⁴ См.: Demanegon A. Le decline de l'Europe. Paris. 1922

По Ж.Готтманну, термин «иконография пространства» выражает систему представлений о самоорганизованном пространстве, окружающем сообщества. Эти представления сформировались под воздействием национальной, культурной, религиозной и социальной истории данного пространства. Иконография пространства включает также мифы, легенды, произведения искусства и архитектуры, формы общественной жизни и быта. Ж.Готтманн считает, что политические границы определяются в первую очередь действием духовных факторов, а не формой земной поверхности²⁵.

В опубликованной в 1952 г. книге «Политика государств и их география» Ж.Готтманн подверг критике творческое наследие основателей классической геополитики Х.Маккиндера и К.Хаусхофера, оценив ее как науку о войне. К этому выводу он пришел в результате анализа связи между политической практикой фашистской Германией и положениями немецкой геополитики.

Во Франции конца 60-х гг. вокруг журнала «Геродот» сформировалась группа ученых во главе с его основателем географом Ивом Лакостом. Журнал сыграл значительную роль в становлении геополитики как прикладной дисциплины, анализирующей конкретные проблемы и конфликты на их различных стадиях. На основе этого журнала возникла французская региональная геополитика.

Ив Лакост предпринял попытку выявить специфику американской и французской геополитической науки, исходя из их подходов к анализу геопространства. Главное различие, по его мнению, состоит в том, что в американской геополитике преобладает глобалистский и мондиалистский подход, а во французской – локальный анализ, ориентированный на исследование регионов как базовой геополитической единицы.

Ив Лакост исследовал геополитику в контексте формирующегося информационного общества. Он ввел в научный оборот понятие

²⁵ См.: Gottmann J. La Politique des Etats et leur Geographie. Paris. 1952.

«геополитическое представление» и обосновывал тезис о решающей роли информационных систем в формировании таких представлений.

По мнению Ива Лакоста, массовое сознание ориентируется не на рациональный подход к действительности, а на предлагаемую ему картину мира. Поэтому распознавание геополитических процессов широкими слоями населения осуществляется на основе символов, создаваемых средствами массовой информации. По силе воздействия на мировоззрение значительной части общества и опосредованно на геополитику Ив Лакост особо выделял телекоммуникации²⁶.

Предметом исследования одного из авторов «Геродота» Мишеля Фуше были границы, которые он определял как главный элемент геополитики. В качестве границ им рассматривались не только межгосударственные, но и пролегающие внутри государств – между регионами, различными социальными и культурными группами²⁷.

В 1994 г. под редакцией Ива Лакоста вышел в свет «Геополитический словарь», который считается самым большим достижением французской геополитики. В нем обстоятельно анализируются все государства и части национальных территорий, ставшие ареной геополитических конфликтов.

Французским генералом и исследователем Пьером Галлуа была осуществлена радикальная попытка пересмотра традиционных геополитических идей. В работах «Стратегия в ядерный век» (1962) и «Геополитика. Истоки могущества» (1990) он обратил внимание на резко возросшую геополитическую значимость факторов, не исследовавшихся классической геополитикой, - ядерного оружия и средств его доставки, а также СМИ. Изменения в способах ведения войны нивелируют преимущества и недостатки географического положения, уравнивают государства в их возможностях нанести друг другу неприемлемый ущерб. СМИ во многом

²⁶ См.: Lacoste Y. Une mode que n'est pas futile //V.-F. Durand, J.Levy, D.Retaile. La monde: espaces et systemas. Paris. 1993. P.70-74

²⁷ См.: Foucher M. Fronts et Frontieres. Un tour du monde geopolitique. Paris. 1991.

формируют восприятие обществом мировой геополитики и влияют на принятие значимых геополитических решений.

П.Галлуа констатировал, что характерное для классической геополитики противопоставление Суши и Моря утрачивает прежнюю актуальность в связи с возрастанием роли воздушного пространства и космоса как сред, открывающих новых перспективы прогресса человечества²⁸. Он одним из первых включил изучение космического пространства в число перспективных направлений развития геополитики как науки.

Согласно прогнозу П.Галлуа, в XXI веке мир вступит в состояние всесторонней разбалансированности и беспорядка. Под воздействием разнообразных факторов усилится давление недовольных своим положением народных масс на правительства. В результате будет возрастать количество внутригосударственных и межгосударственных конфликтов, а простирающаяся от Атлантического до Тихого океанов дуга нестабильности станет источником перманентных угроз для планеты²⁹.

С конца 1990-х гг. и в 2000-х гг. в рамках французской геополитики складывается геоэкономическое направление. Оно изучает пространство как фактор производства и распределения товаров, завоевания новых сегментов мирового рынка с целью усиления позиций государства. По мнению французского учёного Ф.Моро Дефаржа геоэкономическая мощь в отличие от военно-политической позволяет добиваться решения проблем более мягкими средствами³⁰.

Некоторые аналитики даже считают, что геоэкономика замещает геополитику и делает её ненужной в условиях глобализирующегося мира. Однако такая точка зрения не получила широкого распространения. Преобладает видение геоэкономики как одного из важных и относительно самостоятельных направлений геополитики.

²⁸ См.: Gallois P. Geopolitique. Les voies de la puissance. Paris. 1990.

²⁹ Op. cit., P.378-383

³⁰ Моро Дефарж Ф. Геополитика. М., 1997. С.52.

В рассматриваемый период в стране возникло множество геополитических центров и образовательных структур. Растёт число публикаций по геополитической проблематике. Геополитика не только возвратила себе статус автономной дисциплины, но и заметно усилила свои позиции в духовной сфере Франции.

Из французского геополитического мэйнстрима выбивается консервативное течение «новых правых» (Ален де Бенуа, Р.Стойкерс и др.), выступающее за создание «европейской империи», которая простиралась бы от Бреста до Владивостока. Представители этого течения считают, что Франции как континентальной державе следует активно сотрудничать с Германией и Россией и совместно противостоять атлантическому Западу во главе с Соединёнными Штатами.

В 2000-е гг. французские геополитики значительное внимание уделяют российскому направлению внешней политики Евросоюза. В его оценке просматриваются два подхода – эмоционально-идеологический, и ценностный, и рационально-прагматический³¹. Дискуссии между сторонниками чаще всего не проявляются непосредственно и не носят характера прямого столкновения позиций и взаимной критики обычно оба подхода в разных пропорциях сосуществуют в работах одних и тех же авторов.

Приверженцы преобладающего, идеологического подхода, признавая необходимость экономического и дипломатического сотрудничества России и ЕС, обусловленного взаимозависимостью, полагают, что оно должно ограничиваться рамками совпадения позиций. Условием доверительных отношений они считают лишь принятие Россией европейских ценностей. Внешняя политика России, несмотря на отсутствие воинствующей идеологической составляющей, рассматривается как продолжение советской, т.е. как экспансионистская.

³¹ См.: Цыганков П.А. Французская школа геополитики в 2000-х годах: отношения ЕС с Россией //Международные процессы. Т.9. №2 (26). Май-август 2011.

Сторонники рационально-критического подхода к России полагают, что в интересах Евросоюза способствовать стабилизации этой страны как необходимого партнёра в области экономики и обеспечения безопасности. Они критически относятся к российским внутривнутриполитическим реалиям, но не призывают к воздействию извне с целью их изменения. По мнению геополитиков-рационалистов, ЕС должен избегать обострений в отношениях с Россией, максимально содействуя расширению взаимовыгодного экономического сотрудничества и обеспечению безопасности.

Итальянская школа геополитики представлена прежде всего генералом и военным теоретиком Джулио Дуэ (1869 – 1930). В вышедшем в 1921 г. его главном труде «Господство в воздухе» он акцентировал внимание на резком изменении формы будущих войн в связи с появлением самолета как качественно нового боевого средства с широкими тактическими и стратегическими возможностями. Массированное применение авиации, считал Дж.Дуэ, уменьшает значение других видов вооруженных сил – армии и флота и во многом лишает смысла понятие безопасного тыла. Господство в воздухе рассматривалось им как главный элемент национальной безопасности.

В опубликованной в 1928 г. статье «Вероятные формы будущей войны» прогнозировалось резкое увеличение удельного веса военно-воздушных операций. Это предвидение подтвердилось широким применением авиации в ходе Второй мировой войны, когда англичане и американцы с помощью бомбардировок заставили капитулировать Германию и Италию.

Во время холодной войны доктрина господства в воздухе с атомным оружием на борту вплоть до принятия на вооружение ракетного оружия в конце 50-х годов была основой военной стратегии НАТО и Варшавского договора. Сформулированные Дж.Дуэ основные принципы ведения воздушной войны с применением обычного оружия широко применялись во Вьетнаме, Югославии, Афганистане, Ираке.

3.4. Основные направления евроконтинентальной геополитики

В послевоенный период перед европейской геополитикой встала проблема реабилитации, поскольку в германском варианте она была дискредитирована тесными связями с нацизмом в 30-40-х гг. Понадобились немалые усилия для возвращения геополитике статуса уважаемой научной дисциплины.

С 60-х гг. в европейских геополитических исследованиях просматривается тенденция к переосмыслению роли пространства в качестве решающего фактора глобальной политики. Основное направление геополитического анализа фокусируется не на пространстве как таковом, а на месте и роли человека в этом пространстве, на гуманитарных приоритетах геополитики. Если в начале XX века европейские геополитики обосновывали свои концепции, исходя прежде всего из естественно-географических факторов (климат, рельеф, почва, местоположение), то современные геополитики исследуют иные основы связи человека с пространством – культуру, идеологию, религию, информацию.

Разнообразные геополитические доктрины образуют два направления европейской геополитики – доминирующее *континентальное*, ориентированное на обеспечение геополитической самостоятельности Европы перед наступлением атлантизма, и *мондиалистское*, отстаивающее идею союза Европы и США.

Первое из этих направлений представлено геополитической школой «новых правых», истоки которой берут начало в Германии. «Старые правые» в довоенной Европе представляли собой разнородное объединение политиков и ученых, отстаивавших идею «консервативной революции», под которой понималось восстановление современным обществом связи с традицией. Инструментом решения этой задачи «консервативные революционеры» считали национальную идею, а главным врагом – либерализм. В 20-30-х гг.

немецкая консервативная мысль приняла отчетливо выраженные радикальные формы.

Школа «новых правых» опирается на следующие базовые принципы антиатлантизма:

1) противопоставление Европы (включая Россию) океаническому Западу и прежде всего США;

2) следование основополагающим идеям немецких геополитиков-континенталистов;

3) германофильство и русофильство.

Геополитическая концепция «новых правых» исходит из тезиса о том, что государство-нация в качестве субъекта геополитики уступает место «большим пространствам» - интеграционным образованиям, включающим разные государства и этнические группы с единой изначальной культурой. Этим образованиям и предстоит стать каркасом будущего устройства мира. Индоевропейское происхождение народов Европы предопределяет их общую «континентальную судьбу». Радикализм «новых правых» проявляется в антиамериканизме, поисках союзников Европы на Востоке и структурировании её стратегических альянсов с Китаем и Индией.

С 60-х годов общепризнанным лидером «новых правых» был французский философ *Ален де Бенуа* (1943), выдвинувший проект «Федеральной империи», которая мыслилась как конгломерат государств, интегрированных в единый геополитический блок. Идея такого объединения им была выражена в геополитической формуле «Единая Европа ста флагов».

В настоящее время А.Бенуа, подчёркивая свои антиамериканские взгляды, утверждает, что после окончания «холодной войны» Европа, наконец, освободилась от атлантической опеки. Вслед за К.Шмиттом он исходит из тезиса о принадлежности Европы к силам Земли в их извечном конфликте с

силами Моря. Согласно А.Бенуа, Европа – часть «великого евразийского союза» и её будущее – на Востоке³².

В начале 60-х годов проект «Европа от Владивостока до Дублина» был выдвинут бельгийским консерватором *Жаном Тириаром* (1922-1992). Его проект был более радикальным, чем проект Бенуа. Предлагались унификация геополитического пространства «большой Европы», централизация власти и автаркия³³.

Гражданам России были обещаны европейское гражданство, политическая и финансовая стабильность. При этом подчеркивалась актуальность выдвинутой К.Хаусхофером еще в 30-х гг. идеи создания континентального блока Берлин-Москва-Токио в качестве противовеса морским державам.

«Новые правые» всячески поощряли регионалистские тенденции внутри Европы, утверждая, что регионы сохранили европейскую традицию, а мегаполисы «заражены духом» американизма. В рамках европейской геополитической модели стержнем альянса должен был стать союз Франции и Германии как основа объединения «Срединной Европы».

Идея «Европы регионов» с философских позиций обосновывалась известным французским философом *Дени де Ружмоном*. Он пришел к этой идее от персонализма – философского направления, концентрирующего внимание на проблеме выживания человека в условиях деградации межличностных отношений, вызываемой урбанизацией и разрушением природы индустриальным развитием. Альтернатива «урбанистической деградации, согласно де Ружмону, - создание «мягкой» технологии, которая связана прежде всего с сельским хозяйством, с чувствами, а не абстракциями³⁴.

³² http://www.pravda.ru/world/europe/european/18-09-2013/1174697-alen_de_benua-0/?mode=print

³³ См.: Thiriart J. L'Empire Eurosovietique de Vladivostok jusque Dublin. Brussel. 1988.

³⁴ См.: Rougemont D.de. L'avenir est notre arfaire. Paris, 1978. P.34.

Кризис современного общества он объясняет реализацией государством технократической утопии, а выход из него видит в регионализации Европы. Под регионализацией понимается преобразование общества на основе личностных, коммунитарных и региональных отношений. В качестве естественного основания для создания коммун рассматривается семья.

Согласно де Ружмону, личность требует коммуны, коммуна – региона, регион – континентальной федерации. Важнейшими факторами образования регионов он считает участие в гражданской жизни, автаркию и самоуправление общин.

Проектам объединенной Европы противостоит мондиалистское направление, представители которого связывают перспективу решения существующих в мире проблем с объединением человечества под эгидой мирового правительства³⁵. Это направление разрабатывается при активной финансовой поддержке Соединенных Штатов, стремящихся ограничить политическую самостоятельность объединенной Европы.

Резкое усиление интереса к мондиализму в последнее десятилетие вызвано реструктурированием геополитической карты Европы в результате распада ряда государств, этнополитическими конфликтами в ряде регионов континента, неуверенностью членов Европейского Союза в перспективах интеграции, угрозами, которые исходят от международного терроризма.

Наиболее известными геополитиками мондиалистского направления являются бывший советник президента Франции Ф.Миттерана *Жан Аттали* и руководитель Миланского института международных исследований *Карло Санторо*.

³⁵ Истоки мондиализма восходят к древности и Средневековью. Мондиалистские идеи были характерны для различных направлений общественной мысли – от либералов до коммунистов. Их влияние проявилось и в создании таких организаций, как Лига Наций, а затем ООН и ЮНЕСКО.

Жан Аттали в книге «На пороге нового тысячелетия» (М., 1993) приводит два аргумента в пользу геополитического единства мира и создания Мирового правительства.

Первый из них связан с угрозами, вызываемыми ростом численности периферийных народов, массовой миграцией в развитые страны, экологическими катастрофами, торговлей оружием и наркотиками, дефицитом питьевой воды, уничтожением лесов и т.д. Для нейтрализации этих угроз Ж.Аттали предлагает установить жесткий политический контроль над миром, для чего необходимы мондиалистская власть и создание мирового правительства.

Второй аргумент видится в логике развития информационных технологий и процессах глобализации, по мнению Ж.Аттали, неизбежно порождающей интеграционные процессы и способствующей преодолению геополитических противоречий.

Будущий миропорядок должен основываться на трех принципах: 1) демократия – наилучшая политическая система, *утверждающаяся в глобальном масштабе*; 2) свободный рынок, по выражению Ж.Аттали, «торговый строй» - двигатель прогресса; 3) мондиализм – единственный разумный способ решения наиболее значимых для человечества проблем.

Действие этих принципов, как считает Ж.Аттали, должно привести к размыванию национально-государственных суверенитетов и объединению человечества.

Важное условие реализации мондиалистского проекта Ж.Аттали видит в искоренении бедности, разъединяющей людей. В качестве способа решения этой проблемы он предлагает расширение существующей практики предоставления организациями микрокредитов без залога неимущим слоям населения. Система микрофинансирования, услугами которой можно

воспользоваться, минуя государственные структуры, по мнению Ж.Аттали, способна превратиться в существенный аспект экономики будущего³⁶.

На основе геоэкономического подхода Ж.Аттали прогнозирует возникновение в мире трех важнейших регионов, которые станут центрами новых пространств:

1) американское пространство, объединяющее обе Америки в единую финансово-экономическую зону;

2) европейское пространство, возникшее после экономического объединения Европы;

3) тихоокеанский регион – зона «нового процветания», включающая несколько конкурирующих центров – Токио, Тайвань, Сингапур и т.д.

Между этими тремя мондиалистскими пространствами, по мнению Ж.Аттали, не будет особых различий и противоречий ввиду тождественности экономических и идеологических основ. Их специфика будет связана лишь с географическим местоположением.

Согласно футурологической геополитической модели К.Санторо, после «холодной войны» человечество пребывает в стадии перехода от биполярного мира к ситуации предстоящих цивилизационных катастроф. Сценарий этих катастроф ему представляется следующим:

1) Дальнейшее ослабление роли международных институтов.

2) Нарастание националистических тенденций в странах, входивших в Варшавский договор, и в третьем мире. Это приводит к хаотическим процессам.

3) Дезинтеграция традиционных блоков (кроме Европы) и прогрессирующий распад существующих государств.

4) Начало эпохи войн малой и средней интенсивности, в результате которых складываются новые геополитические образования.

³⁶ См.:Аттали Ж. Понятие «нация» превратится в отзвук былых реалий // Россия в глобальной политике. Т.5, №2. Март-апрель 2007. С.57.

5) Признание блоками необходимости создания новых международных институтов с самыми широкими полномочиями и планетарного государства под эгидой Мирового правительства для предотвращения глобального хаоса³⁷.

Посткатастрофический мондиализм К.Санторо контрастирует с оптимистическим мондиализмом Ф.Фукуямы, прогнозировавшим торжество либерализма после окончания «холодной войны» и оценивавшим существующие международные институты (ООН и др.) как достаточно развитые, чтобы стать ядром «Мирового правительства».

³⁷ См.: Santoro C. Progetto di ricerca multifunzionale 1994-1995 . Milano. 1994

Глава 4

Англо-американская геополитика

4.1. Специфика англо-американской школы

Англо-американскую школу геополитики отличает ряд особенностей.

1. Прежде всего прикладная направленность, проявляющаяся в ориентации на решение актуальных проблем повседневности и силу как главный регулятор геополитических процессов. Эта особенность в немалой степени обусловлена тем обстоятельством, что основатели школы (А.Мэхэн, Х.Маккиндер, Н.Спайкмен) непосредственно участвовали в разработке геополитических стратегий, стремились изменить глобальную расстановку сил в пользу своих государств.

2. Установка на достижение мирового господства, реализуемая через мондиалистский подход к глобальным процессам, т.е. создание мирового правительства под эгидой США. Мондиалистские идеи и планы разрабатывались тремя международными центрами – созданным в 1921 г. американским банкиром Л.Морганом Советом по международным отношениям, образованным в 1954 г. Бильдербергским клубом и функционирующей с 1973 г. «Трехсторонней комиссией» (Трилатераль) со штаб-квартирой в Нью-Йорке, стремящейся объединить три больших пространства – Северную и Южную Америку, Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион. Во главе Бильдерберга и Трилатеряля стоит крупнейший американский финансист Д.Рокфеллер, а ведущими аналитиками этих структур являются Зб.Бжезинский и Г.Киссинджер.

В 50-60-е гг. основной версией мондиализма была теория конвергенции, предполагавшая возможность создания новой цивилизации, которая сочетала бы элементы обеих общественных систем – капитализма и социализма и управлялась мировым правительством. Последующий ход событий не подтвердил эту теорию, но она сыграла определенную роль в подготовке

идейно-политической почвы для разрядки начала 70-х годов и формирования нового политического мышления.

В 90-е идею универсализации мира развивал С.Тэлбот, известный журналист-советолог, впоследствии заместитель госсекретаря США в администрации Б.Клинтона, а в настоящее время президент Института Брукингса – внешнеполитической «кузницы» кадров и «генератора» идей для Демократической партии. В духе вильсоновско-рузвельтовской мондиалистской традиции он прогнозировал, что в конце XXI века термин «человек мира» войдёт в повседневный обиход, а государства будут стремиться к созданию всемирной конфедерации под руководством некоего мирового правительства³⁸. С этих позиций С.Тэлбот активно отстаивал идею интеграции России в глобальное вестернизированное общество на условиях, продиктованных Западом, т.е. сдав некий экзамен на демократичность.

3. Мессианский характер претензий на глобальную гегемонию Америки, всепланетный характер ее стратегических целей, следование концепции однополярного мира. Эта особенность англо-американской школы геополитики обусловлена спецификой политической культуры США, проникнутой верой в особое предназначение страны и универсализм её опыта. Убежденность в избранности Америки является доминантой в том комплексе идей, чувств и символов, который получил название «американизма».

В последние десятилетия мессианство Соединенных Штатов нашло концентрированное выражение в представлениях об особой значимости американской демократии для мирового сообщества и необходимости распространения ее принципов в глобальном масштабе. Попытки внедрения демократической системы в традиционные общества Ближнего Востока оказались контрпродуктивными.

4. Атлантическая, талассократическая ориентация, проявляющаяся в акцентировании морской силы как наилучшего и наиболее эффективного

³⁸ Talbott S. The Birth of the Global Nation // Time. 20.07. 1992. P.70.

способа освоения пространства и обеспечения мировой гегемонии. Обусловлена географическим положением англосаксонского мира, господствующего на морях и рассматривающего флот как важнейшее орудие имперской геостратегии.

5. Доминирование бихевиористской (поведенческой) парадигмы, в соответствии с которой поведение государств на международной арене основывается на общей схеме «стимул-реакция» и сводится к различным формам контроля над территорией с помощью преимущественно силовых средств. На практике при таком подходе к геополитическим процессам игнорируются их моральные аспекты.

4.2. Концепции классической геополитики

Американская геополитическая школа сформировалась под влиянием идей военно-морского историка адмирала *Альфреда Мэхэна* (1840 – 1914). Парадокс состоял в том, что А.Мэхэн не использовал термин «геополитика», но его подход к расстановке сил в глобальной политической структуре носил геополитический характер.

А.Мэхэн был приверженцем американского президента Джеймса Монро (1758 – 1832). Объявившего сферой жизненных интересов соединённых штатов всё Западное полушарие и деклариовавшего интервенционизм в центральную и Латинскую Америку. В тихоокеанский регион («доктрина Монро», 1823). А.Мэхэн считал, что Соединённые Штаты – государство «морской судьбы», которая заключается в стратегической интеграции всего американского континента. А впоследствии и в установлении мирового господства.

В работах «Влияние морской силы на историю» (1660-1783) и «Заинтересованность Америки в морской силе» А.Мэхэн выдвинул концепцию «морской силы» как фактора, обеспечивающего геополитическое

доминирование. «Морская сила» понималась как объединенная мощь военно-морского флота в сочетании с военно-морскими базами.

А.Мэхэн рассматривал историю как противостояние морских и сухопутных держав и предлагал использовать в качестве глобальной геополитической стратегии «принцип анаконды», т.е. удушения противника путем морской блокады его стратегических объектов.

Акцентирование А.Мэхэном роли морской силы в геополитике основывалось на учете шести основных геополитических параметров, которые определяют *планетарный* статус государства ³⁹.

1. Общее географическое положение государства, его открытость морям и возможность морских коммуникаций с другими странами. Способность флота государства угрожать территории противника. Протяженность сухопутных границ и способность контролировать стратегически важные регионы.

2. «Физическая конфигурация» государства, прежде всего очертания морских побережий и наличие необходимого количества портов, от которых зависит процветание торговли и стратегическая защищенность страны.

3. Общая протяженность береговой линии.

4. Численность населения страны, которая важна для оценки способности государства строить флот и обслуживать корабли.

5. Национальный характер, проявляющийся в способности народа заниматься торговлей, поскольку морская сила основывается на мирной и широкой торговле.

6. Политический характер правления, от которого зависит ориентация лучших природных и человеческих ресурсов на создание морской силы.

Ключевым пространством в борьбе за мировое влияние А.Мэхэн считал «северную континентальную полусферу», южная граница которой пролегает по Суэцкому и Панамскому каналам. Соединенные Штаты он рассматривал как авангард европейской цивилизации, преемника и наследника Великобритании.

³⁹ См.: Мэхэн А. Влияние морской силы на историю (1660-1783). М.-Л., 1941. С.21-23.

Главная опасность для морской цивилизации, согласно А.Мэхэну, исходит от континентальных держав Евразии, в первую очередь от России и Китая, во вторую – от Германии. Поэтому борьба с Россией, протянувшейся от Западной Малой Азии до японского меридиана на востоке, представлялась ему главной долговременной стратегической задачей «морской силы». По мнению А.Мэхэна, евразийские державы – Россию, Китай, - Германию следует удушать исходя из принципа анаконды – путём сокращения сферы их контроля над береговыми зонами и ограничения возможностей выхода к морским пространствам.

В целом А.Мэхэн рассматривал США как мировую державу будущего, а укрепление их военноморской мощи – как средство выполнения имперского предназначения. Наличие у Соединённых Штатов могущественного морского флота избавляло их от необходимости содержать многочисленную и уступающую ему по эффективности сухопутную армию.

Для расширения американского влияния А.Мэхэн придавал большое значение реализации технологических проектов за пределами США, таких как Панамский канал и железные дороги на территории Китая. Стратегическая важность Панамского канала с точки зрения осуществления контроля за морскими путями и по сей день велика.

Мысль А.Мэхэна о необходимости превращения США в могущественную военно-морскую державу, способную соперничать с наиболее сильными государствами, в начале XX века вызвала интерес у американского президента Т.Рузвельта, проводившего политику «большой дубинки». С конца XIX века в американском обществе начал формироваться менталитет хозяина морских пространств. В целом геополитическая концепция А.Мэхэна определила основные геополитические ориентиры для США на протяжении всей последующей их истории.

Наращивание мощи ВМС США происходило в период Первой и особенно Второй мировой войны в связи с развертыванием боевых действий против

Японии, доставкой вооружённых сил, стратегических материалов и продовольствия в Европу. Стратегия «военно-морского доминирования» была весьма популярна в США в период холодной войны, когда реализовывалась концепция «передовых рубежей», направленная на изоляцию континентальной мощи Советского Союза, сковывание его вооружённых сил по периметру территории.

Распад СССР и окончание холодной войны обеспечили Соединённым Штатам «свободу рук» в реализации геополитических интересов по всему миру. В настоящее время США – сверхдержава с беспрецедентными геополитическими амбициями и средствами их реализации, контролирующая морскую среду. «Морской мощи» отводится первостепенная роль в осуществлении стратегии глобального лидерства, в частности, путём создания и развёртывания мобильной системы ПРО.

В *британской геополитической школе* до ее маргинализации в связи с распадом империи наиболее значимы концепции, сформулированные географом и политиком *Хэлфордом Маккиндером* (1861 – 1947). Он первым разработал глобальную геополитическую модель, которая оказала существенное влияние не только на британскую, но и на американскую стратегическую мысль.

В докладе «Географическая ось истории», опубликованном в 1904 г., Х. Маккиндер обозначил четыре основных принципа своих геополитических воззрений:

1. географические факторы оказывают непосредственное воздействие на ход исторического процесса;
2. географическое положение во многом определяет потенциальную силу или, наоборот, слабость государств;
3. технический прогресс изменяет географическую «среду обитания» государств и отражается – позитивно или негативно – на их потенциальном могуществе;

4. Евразия оказывает стратегическое влияние на глобальные политические процессы.

По мнению Х. Маккиндера, Россия, расположенная в центре осевого региона, заменила Монгольскую империю. Он сравнил давление России на соседние государства с исходившими из одного центра набегами степняков⁴⁰.

Во второй работе – «Демократические идеалы и реальность», увидевшей свет в 1919 г., Х. Маккиндер сформулировал концепцию «хартлэнда» (сердца земли). Под хартлэндом понималась Евразия, которая оценивалась как гигантская естественная крепость, недоступная для морских империй и богатая природными ресурсами.

Согласно Х. Маккиндеру, береговые пространства Евразии образуют «внутренний полумесяц», а острова и континенты за его пределами – «внешний полумесяц». Европу, Азию и Африку он включал в Мировой Остров.

Особое место в границах хартлэнда отводилось России. Она, по выражению Х. Маккиндера, «земля сердцевины».

Ввиду особых качеств евразийского пространства Х. Маккиндер считал его «осью истории». Отсюда известный тезис: тот, кто контролирует хартлэнд, тот контролирует весь мир.

Таким образом, согласно Х. Маккиндеру, планетарное пространство структурировано в виде системы концентрических кругов, в центре которой находится «географическая ось истории», или «осевой ареал».

Исходя из этой концепции, Х. Маккиндер опасался усиления позиций России на евразийском континенте, создания коалиции с Германией. Такое развитие событий было бы способно, во-первых, ослабить мощь стран «внешнего полумесяца» и, во-вторых, создать угрозу их морским коммуникациям.

Оценивая геополитические перспективы Германии, Х. Маккиндер считал, что она может стать доминирующей силой в мире лишь в том случае,

⁴⁰ См.: Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С.169.

если в ее распоряжении окажутся российские ресурсы. Это позволило бы ей соединить достоинства континентальной и морской державы.

Главную задачу британской геополитики Х. Маккиндер видел в том, чтобы не допустить образования стратегического континентального союза вокруг «географической оси истории». По его мнению, государства «внешнего полумесяца» должны стремиться оторвать от Хартлэнда максимум береговых пространств и поставить их под свой контроль.

После назначения лордом Дж. Керзоном в 1919 г. на пост представителя Британской империи в Южной России Х. Маккиндер в течение двух лет пытался осуществить план дробления России на множество отдельных государств. Таким путем, считал он, можно было бы остановить «долгую историю российского экспансионизма». Х. Маккиндер сравнивал стремительное распространение идей большевизма по евразийскому континенту с пожаром в прерии, который стремительно движется к границе Индии.

План Х. Маккиндера, по его замыслу, должен был способствовать реализации идеи создания «санитарного кордона» вокруг Советской России, выдвинутой лордом Дж. Керзоном в период заключения Версальского мира. В осуществлении этой идеи значительная роль отводилась территориям, ранее входившим в Российскую империю.

Доказывая необходимость наращивания морского могущества Великобритании с целью расширения ее влияния в мире, Х. Маккиндер не разделял мнения А. Мэхэна относительно априорного преимущества морских держав над континентальными. Подробный экскурс в историю позволил ему показать, что речные, а затем и морские цивилизации часто проигрывали континентальным.

В годы второй мировой войны Х. Маккиндер существенно скорректировал свою первоначальную концепцию, отказавшись от жесткого противопоставления сухопутных и морских держав. Корректировка отражала

тот факт, что в обеих мировых войнах континентальные и морские державы заключали между собой союзы.

В статье «Земной шар и достижение мира» (1943) Х. Маккиндер прогнозировал глобальный конфликт как противостояние между «центральным материком», который ассоциировался с Советским Союзом, и державами «внешнего полумесяца» – США, Англией и Японией. По его мнению, эти державы в состоянии сбалансировать могущество страны, доминирующей на «материковой сердцевине». В своем геополитическом завещании Х. Маккиндер призвал западных лидеров сплотиться вокруг концепции «атлантической цивилизации» и сообща противостоять коммунизму.

4.3. Концепции англо-американской геополитики периода холодной войны

В годы Второй мировой войны и последующий период геополитическая мысль Запада особенно активно развивалась в США. В контексте биполярного противостояния переосмысливались классические геополитические концепции А.Мэхэна и Х.Маккиндера.

Николас Спайкман (1893 – 1944) определял геополитику как научную дисциплину, разрабатывающую основы безопасности страны, и был сторонником активного вмешательства США в дела Евразии. Вслед за Х.Маккиндером он исходил из идеи противостояния Суши и Моря, хартленда – СССР и океанической Америки. Однако в отличие от Х.Маккиндера геополитической осью мира считал не неподвижный Хартленд, а опоясывающую его пограничную зону – Римлэнд (rimland – обод)⁴¹.

Для нейтрализации давления со стороны враждебной державы Советского Союза США, по мысли Н.Спайкмана, должны стремиться к ее окружению, насыщая Римлэнд военными базами и создавая там военно-

⁴¹ Spykman N. The Geography of the Peace. N.Y., 1944.

морские союзы. Подчинение Соединенными Штатами своему влиянию хартлэнда и особенно главной материковой державы СССР, будет способствовать утверждению в Евразии свободы и демократии американского образца.

Концепция Н.Спайкмэна легла в основу внешней политики США периода «холодной войны» и прежде всего послевоенной доктрины президента Г.Трумэна, ориентированной на жесткий военно- силовой курс в отношении СССР – «сдерживание и освобождение».

Концептуально политика «сдерживания» СССР была сформулирована дипломатом *Джорджем Кеннаном* (1904-2005) в статье «Истоки советского поведения», опубликованной в 1947 г. в журнале “Foreign Affairs” под псевдонимом «Икс». Он объяснял внешнеполитическое поведение Советского Союза органически присущими коммунистической идеологии и советской системе враждебностью к Западу. Отсюда его рекомендация – противодействовать СССР повсеместно, где проявляются признаки покушения на интересы «свободного мира»⁴².

В соответствии с доктриной «сдерживания» были созданы военные блоки для «изоляции» СССР и его союзников: НАТО - организация 20 государств Европы Северной Америки; СЕНТО – в Западной Азии (Турция, Ирак, Иран, Пакистан, Великобритания) и СЕАТО – в Восточной Азии (Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд, Филиппины, Великобритания и Франция) .

«Доктрина сдерживания» послужила основой для создания локальных пространственных моделей с целью обеспечить американское доминирование в отдельных секторах хартлэнда. Таковой была теория «домино», смысл которой состоял в том, что «падение» одной страны-сателлита США ослабит их позиции в других странах.

Версией теории «домино» применительно к Западной Европе была так называемая «финляндизация». Имелось в виду, что ради обеспечения своего

⁴² Kennan G. The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. July 1947. Vol.25. N4.

суверенитета Финляндия брала на себя обязательство воздерживаться от антисоветских акций. Допускалась экстраполяция этой модели на другие страны Западной Европы.

В связи с выходом СССР из «кольца окружения» благодаря появлению баллистических ракет и укреплением его позиций в ряде развивающихся стран доктрина «сдерживания» трансформировалась в «динамическое сдерживание», осуществляемое по всему геополитическому полю. Рост влияния стран «третьего мира» способствовал отказу американской геополитики от жесткого дуализма общественных систем.

Существенные коррективы в модель Н.Спайкмена внес политолог *Коллин Грэй*, который одним из первых отметил тенденцию трансформации биполярного мира в многополярный.

В связи с тем, что Советский Союз благодаря активной внешнеполитической экспансии преодолел рамки римлэнда и утвердился на его внешней стороне, К.Грэй рекомендовал распространить «сдерживание» на те регионы, где он стремится создать зоны своего влияния. В качестве ключевого региона «сдерживания» рассматривалась Евразия⁴³. Для обозначения новой версии «сдерживания» был предложен термин «динамическое сдерживание».

Исследователями высказывалась мысль о необходимости серьёзной корректировки традиционных геополитических моделей, основывавшихся на географическом детерминизме, с учётом появления реактивной авиации и особенно ракетно-ядерного оружия. Американский учёный Александр Северский еще в 1952 г. разделил мир на два огромных круга воздушной мощи – американский и советский. Первый покрывал большую часть Западного полушария, второй - Евразию⁴⁴.

В середине 60-х гг. американским политологом *Гаром Алтеровицем* была разработана доктрина ядерного сдерживания, которая учитывала реалии

⁴³ См.: Gray C. The Soviet-American Arms Race. Lexington.,1976; Geopolitics of the Nuclear Era: Heartland, Rimlands and the Technological Revolution. N.Y., 1977.

⁴⁴ См.: De Seversky A.P. Air Power: Key to Survival. L-n. 1952

геополитики, возникшие с появлением ядерного оружия. Констатировалось, что в связи с огромной разрушительной силой ядерное оружие представляет собой мощный сдерживающий фактор, способный существенно снизить вероятность развязывания мировой войны. Был даже введен термин «атомная дипломатия»⁴⁵.

В обстановке деколонизации и роста влияния СССР последователь Н.Спайкмэна *Дональд Мэйниг* развивал культурологический аспект геополитики. В середине 50-х годов им была предпринята первая и единственная попытка отойти от основополагающего принципа «баланса сил» при достижении геополитических целей, введя в геополитику привлекательный компонент культуры. С его точки зрения культурная составляющая геополитики может быть более эффективной, чем военная сила. В этой связи Д.Мэйниг ссылался на преимущества культурно-завоевательной политики продвижения России по сравнению с британским типом колонизации⁴⁶.

Разработанная Д.Мэйнигом концепция ориентировала на решение геополитических проблем методами культурного влияния. В период президентства Д.Эйзенхауэра американская культурная экспансия сочеталась с беспрецедентной идеологической войной против СССР, которую возглавил сенатор Дж.Маккарти.

По мере ослабления жёсткой структурированности двухполюсного мира получали распространение идеи полицентризма и регионализма. Во внимание стал приниматься пятиугольник мировых центров силы, включавший помимо США и СССР, также Западную Европу, Японию и Китай. Ведущая роль в условиях формировавшейся многополярности отводилась Соединённым Штатам, которые, проводя рациональную политику, должны были обеспечить благоприятный для себя баланс сил.

⁴⁵ См.: Alperovitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. The Use Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power. N.Y., 1965.

⁴⁶ См.: Meinig D.W. Heartland and Rimland in Eurasian History // The Western Political Quarterly. Vol.9. No 3.(Sept., 1956).

Такой подход к геополитическому моделированию был характерен, в частности, для известного американского учёного и политика Генри Киссинджера. приверженца курса австрийского канцлера Меттерниха на восстановление равновесия европейских государств после наполеоновских войн. В качестве государственного секретаря США Г.Киссинджер определял политику администрации Ричарда Никсона, ориентированную на достижение разрядки международной напряжённости.

В период «холодной войны» американским географом *Саулом Коэном* в книге «География и политика в разделенном мире» (1964) была предложена модель региональной геополитики, основанная на иерархическом принципе. В ней выделены следующие уровни.

Первый - геостратегические сферы – Морская и Евразийская, имевшие первостепенное значение для прежней геополитики.

Второй - геополитические регионы, представляющие собой сравнительно однородные части геополитических сфер (например, Англо-Америка, Южная Америка – в Морской сфере, русский Хартленд и Восточная Азия – в Евразийской сфере).

Третий уровень – великие державы (США, СССР, Япония, Китай) и интегрированная Европа, имеющие свои ключевые территории.

Четвертый уровень – новые державы, доминирующие в рамках регионов (например, Иран) и еще не оказывающие решающего влияния на глобальный геополитический порядок.

Пятый уровень представлен субнациональными территориями – воротами, международными центрами, обслуживающими коммуникации между государствами (Ближний и Средний Восток, Юго-Восточная Азия). Значимость этих регионов вызвана тем, что они позволяют контролировать морские пути, обладают огромными запасами сырья, через них проходят сухопутные пути, ведущие в стратегически важные районы Евразии⁴⁷.

⁴⁷ См.: *Geography and Politics in a Divided World / Saul Bernard Cohen*. London. 1964

С.Коэн одним из первых обосновал возможность распада биполярного миропорядка и возрастания роли геополитических регионов со сравнительно одинаковыми экономическими, политическими и культурными признаками.

В связи с активизацией процесса регионализации после окончания «холодной войны» и постепенным превращением регионов в ведущий геополитический уровень, формирующий многополярный мир, С.Коэн предложил применительно к ним использовать понятие энтропии – степени неопределенности, хаоса, утраты динамической энергии (понятие энтропии заимствовано из физики и характеризует степень близости системы к состоянию равновесия). К регионам с низким уровнем энтропии он отнес все страны Запада, средним – Хартлэнд, высоким – Южную и Восточную Азию, крайне высоким – черную Африку и Латинскую Америку.

Геополитические регионы с низким и средним значениями энтропии, по С.Коэну, определяют равновесие и дальнейшее развитие мировой геополитической системы, а высокоэнтропийные регионы выступают в качестве источника проблем и глобальной нестабильности.

В 60-80-е годы аналитики Запада пересмотрели параметры геополитического измерения мира, к числу которых кроме земной и водной поверхности были отнесены атмосфера и космос. С тех пор геостратегия строится с учетом качественно новых видов вооружений, обеспечивающих досягаемость самых отдаленных территорий Земли. В связи с такими переменами в геополитическом мышлении утратили актуальность концепции А.Мэхэна, Х.Маккиндера и Н.Спайкмэна. Новая ситуация объективно предопределяла необходимость отказа от жесткого противопоставления Моря и Суши, перехода от геополитики конфронтации к геополитике сотрудничества.

4.4. Концепции современной геополитики США

После окончания «холодной войны» геополитические исследования в США осуществляются в рамках следующих основных направлений.

Представители первого из них - известные политические мыслители и влиятельные государственные деятели Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский. Первый из них занимал пост государственного секретаря Соединенных Штатов при президенте Р.Никсоне, был одним из главных архитекторов разрядки в отношении с Советским Союзом. Второй – в период президентства Д.Картера занимал пост советника по вопросам национальной безопасности. Оба аналитика активно участвовали в избирательной кампании 2008 г. по выборам президента США от республиканской партии (Г.Киссинджер) и демократической (Зб.Бжезинский).

По мнению *Г.Киссинджера*, система международных отношений будет включать в себя шесть основных участников – США, Европу, Китай, Японию, Россию и, вероятно, Индию⁴⁸. Хотя в предлагаемой им схеме «полюсов», или центров влияния, политика по крайней мере трех государств – России, Китая и Индии – во многих отношениях будет независимой от Запада, тем не менее США сумеют обеспечить себе лидирующую роль в международных отношениях.

В книге «Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века (М., 2002) Г.Киссинджер на основе анализа изменений в мировой политике с ХУ111 по ХХ в. проводит мысль о бесперспективности американской стратегии геополитического доминирования в качестве имперской державы, необходимости ориентации мощи страны на достижение «морального консенсуса» в мире и создания условий, которые способствовали распространению рыночных и демократических ценностей.

⁴⁸ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С.23-24.

Г.Киссинджер высказывает опасения по поводу непредсказуемых последствий вмешательства во внутренние дела других государств. Отнесение гуманитарных интервенций к числу приоритетов американской внешней политики, по его мнению, возможно лишь при наличии таких условий, как повсеместность, поддержка американского общественного мнения, одобрение мирового сообщества и учёт исторического контекста⁴⁹.

В новой книге Г.Киссинджера «О Китае» (2011) показано влияние древней и современной истории Китая на формирование его внешнеполитического курса и отношение к Западу. Констатируется настороженность политического класса США в связи перспективами «мирного возвышения» Китая. Автор придерживается той точки зрения, что основанные на сотрудничестве отношения между США и Китаем необходимы для обеспечения глобальной стабильности и мира, а холодная война способна затормозить прогресс для целого поколения по обе стороны Тихого океана.

З.Бжезинский с конца 1970-х гг. до начала 2000-х гг. разрабатывал идеи однополярного имперского доминирования США, расчленения СССР и затем России, создания «глобальных Балкан от Косово до Синьцзяна». недопущения того, чтобы на пространстве Евразии появился соперник, способный бросить вызов Соединённым Штатам.

В связи с ослаблением глобальных позиций единственной сверхдержавы и усложнением международной системы З.Бжезинский выступает за ее адаптацию к реалиям формирующейся многополярности. Содержание этой адаптации, с его точки зрения, должно состоять в отказе от претензий на доминирование в мировой политике, налаживании конструктивного сотрудничества с главными «центрами силы» - Европейским Союзом и Китаем, партнерстве с Индией, Японией и Россией, демонстрации преимуществ американского социального устройства и обеспечении его привлекательности для остального мира. Оптимальный статус Соединенных Штатов в

⁴⁹ См.:Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М., 2002. С.263.

полицентрическом мироустройстве ему видится в лидерстве среди ведущих держав мира, которое позволило бы повысить уровень управляемости международными процессами.

Эти идеи отражены в книгах Зб.Бжезинского, вышедших в последние годы: «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» (М., 1998); «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» (М., 2004); «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. (М., 2007), «Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис» (М., 2012).

Зб.Бжезинский критически оценивает предпринимавшиеся при Дж.Буше попытки искусственного внедрения демократической системы в традиционные общества Ближнего Востока, расценивает их как подрывающие геополитические позиции США. Для продвижения демократии он предлагает изучать демократические процессы в различных регионах мира и оказывать помощь тем из них, которые выражают глубинные чаяния народов соответствующих государств.

По мнению Зб.Бжезинского, идея борьбы с терроризмом не может быть центральным системообразующим принципом внешней политики США, поскольку узка по своей направленности, расплывчата в определении противника, и, что важнее всего, не способна повлиять на фундаментальные причины, порождающие нестабильность в зоне Евразии.

В качестве основного инструмента внешней политики США мэтр американской геополитики утверждает идею использования «разумной силы» (smart power) – сочетания «жесткой» военной и экономической мощи с «мягкой» силой публичной дипломатии.

Модернизация России, считает Зб.Бжезинский, важна для всего мира и создает возможности для её сотрудничества как с Европой, так и с США и Китаем. По его прогнозу Россия, хотя и с зигзагами, всё же будет двигаться к Европе и имеет все возможности, чтобы стать успешной европейской страной.

Зб. Бжезинский высказывается за создание к 2050 году нового содружества от Ванкувера до Владивостока.

В ряде публикаций оба эксперта значительное внимание уделяют обоснованию необходимости расширения американско-китайского геостратегического сотрудничества для преодоления финансово-экономического кризиса. Учитывая уникальность потенциала обоих государств, предлагается создание «большой двойки», которая сконцентрировала бы усилия на совместном решении общемировых и региональных проблем.

Идея выстраивания особых отношений между США и Китаем выражает позицию той части американской элиты, которая стремится избежать гигантских затрат на противостояние с Китаем, заинтересовать его в целесообразности постепенного, плавного продвижения к новому мироустройству, а заодно попытаться превратить основного конкурента в зависимого партнера, т.е. нейтрализовать его.

Цивилизационный подход к геополитике характерен для концепции «столкновения цивилизаций», разработанной *Сэмюэлом Хантингтоном* (1927-2008). По его мнению, основой для международных конфликтов служат межцивилизационные противоречия, а осью мирового развития является противостояние локальных цивилизаций Западу по принципу “The West on the Rest” (Запад против остального мира)⁵⁰. Наиболее наглядное доказательство межцивилизационного соперничества он видит в активности ислама, стремящегося создать всемирный халифат и подорвать позиции Соединенных Штатов.

С.Хантингтон считает, что ведущим странам мира следует договариваться между собой о сдерживании и предотвращении войн, а людям необходимо стремиться понять фундаментальные основы других цивилизаций. С его точки зрения, конфронтация государств, в том числе в форме

⁵⁰ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003

вооружённой борьбы, должна уступить место их состязательности во всех сферах жизни общества и конструктивному диалогу

Концепцию С.Хантингтона выгодно отличает критическое отношение к популярным в США и Европе идеям универсальности западных ценностей. отождествления модернизации и вестернизации, а, следовательно, и к попыткам повсеместного навязывания этих ценностей. Отражает современные реалии и следующая констатация: «В наступившую эпоху США не имеют возможности ни доминировать в мире, ни отгородиться от него»⁵¹.

Исходя из тезиса о становлении мирового порядка, основанного на взаимодействии цивилизаций, С.Хантингтон рекомендовал американским политикам сосредоточиться на собственном цивилизационном ареале и признать за Россией полную ответственность за политические процессы, развивающиеся на пространстве славяно-православной цивилизации, ядром которой она является.

Отечественными и зарубежными исследователями концепция «столкновения цивилизаций» С.Хантингтона по ряду причин оценивается неоднозначно - «дуги нестабильности» и конфликтности нередко образуются не на границах цивилизаций, а внутри них; неясны критерии отнесения к цивилизациям тех или иных регионов (например, Африки).

Цивилизационный подход к геополитике реализуется и в иной плоскости – в виде анализа последствий для Запада глобальных миграционных процессов. С.Хантингтон обращает особое внимание на угрозу, создаваемую для Соединённых Штатов новой иммиграционной волной из Мексики, способной привести к расколу страны на две культуры (англо-американскую и испаноязычную) и два языка⁵².

Американский политик Патрик Дж.Бьюкенен, ссылаясь на данные статистики о масштабах вымирания англо-саксонского населения и притока

⁵¹ Хантингтон С. Указ. соч. С.515

⁵² См.: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американкой национальной идентичности. М.: Транзиткнига. 2004.

иммигрантов, прогнозирует неизбежность гибели Америки и всей иудео-христианской цивилизации под напором огромных масс переселенцев из развивающихся стран. Из-за продолжающейся депопуляции стран Запада выходцы из зоны «отсталости» способны за несколько десятилетий превратиться в этническое большинство и мирным путем колонизовать бывшие метрополии. Правящие элиты стран Запада, сетует он, проглядели эту опасность и теперь им будет крайне сложно поправить положение⁵³.

Несомненный интерес представляют оценки П.Дж.Бьюкененом процессов и перспектив миграции в РФ. «Уже сейчас китайские поселенцы перебираются в Россию, как американцы когда-то заселяли север мексиканского штата Техас, позднее отошедшего к США»⁵⁴. Согласно его прогнозу, демографическое давление со стороны Китая и других южных соседей РФ будет настолько сильным, что к 2050 г. Россия фактически уйдет из Сибири и будет вынуждена оставить Кавказ⁵⁵.

Суть *третьего направления* геополитических исследований в США сводится к утверждению об уже свершившейся победе либеральных ценностей и наступившем в связи с этим «конце истории». Наиболее известные представители этого направления американские политологи Френсис Фукуяма, Майкл Дойл и Айр Страус.

Ф.Фукуяма в конце 80-х гг. выдвинул тезис об универсализации западной демократии, распространившейся на весь мир. Его базовый постулат – новая геополитическая структура мира будет основываться на ценностях свободного рынка и демократии⁵⁶.

Ф.Фукуяма исходил из того, что после победы в «холодной войне» у либеральной демократии исчезла альтернатива – общественно-экономическая система СССР. Если прежде распространению западных ценностей

⁵³ См.: Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М.: 2004.; Его же. На краю гибели. М., 2008.

⁵⁴ Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. С.147.

⁵⁵ Там же. С.150.

⁵⁶ См.: Фукуяма Ф. Конец истории. Антология. 1994. С.290-291.

препятствовала советская идеология, то в новой ситуации открывается перспектива вестернизации мира и универсализации западной либеральной демократии. Конец истории мыслится как переход к глобальному постиндустриальному обществу, в котором определяющую роль играют наука и техника.

Вопреки прогнозам Ф.Фукуямы мировое развитие становится все более непредсказуемым и конфликтным, возрастает анархическое начало в мировой политике. Масштабы происходящих перемен таковы, что многие традиционные представления и понятия теряют свою объясняющую способность. Выявились неспособность и нежелание ряда государств воспринять каноны либеральной демократии. Все это вынудило Ф.Фукуяму признать упрощенность своей концепции.

В своих последних публикациях Ф.Фукуяма связывает надежды на формирование новой геополитической картины мира с модернизаторской ролью Соединенных Штатов, а условием ее выполнения считает признание американской элитой принципов коллективизма и многополярности. Для его позиции в вопросе будущего мироустройства характерны следующие положения, сформулированные в работе «Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие». Первое: внешняя сила эффективна там, где она «подталкивает» преобразования, к которым народ уже подготовлен, а не там, где навязываемые ценности и практики рассматриваются как чуждые и враждебные. Второе: применение силы вне международно-правового контекста, с нарушением норм международного права и без учета мнения международных организаций ставит под сомнение саму причину ее использования и резко снижает, если не обесценивает, ту цель, ради достижения которой она применяется. Третье: одна лишь вера в незыблемость

собственных нравственных принципов не может служить основанием для политических решений⁵⁷.

Майкл Дойл значительное внимание уделил разработке идеи о невозможности войн между либеральными демократиями и, следовательно, необходимости распространения демократии для обеспечения международной безопасности⁵⁸. Идея восходит к традициям поиска западной либеральной мыслью идеального государственного устройства и вечного мира между народами. В результате усилий по популяризации идеи «демократического мира» она приобрела статус закона в общественных науках («закон Дойла») и стала одним из постулатов либерального интервенционизма Соединенных Штатов.

На самом деле демократии если и демонстрировали миролюбие, то отнюдь не в силу присущих им нормативных и институциональных ограничений, а вследствие конкретных обстоятельств военно-стратегического свойства. В истории демократии сплошь и рядом руководствовались поисками экономической выгоды или стремлением укрепить военно-стратегические позиции. Наглядное тому доказательство - недавний курс Соединенных Штатов на демократизацию Большого Ближнего Востока.

Айр Страус выдвинул концепцию «глобального униполюса», т.е. гомогенного идейно-политического пространства, основанного на общих демократических ценностях и объединенного вокруг Соединенных Штатов. По его мнению, это пространство должно включать в себя большинство ведущих геополитических субъектов, в том числе Россию. Интеграция России рассматривается как фактор упрочения «униполюса» и расширения его базы⁵⁹.

Сторонники «униполюса» полагают, что при всех переменах в структуре, принципах организации и других параметрах формирующегося миропорядка он

⁵⁷ Fukuyama F. America at the Crossroads. Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy. New Haven (Ct.), London. 2006. P.64-65, 103, 153.

⁵⁸ См.: Doyle M.W. Ways of War and Peace: Realism, Liberalism, and Socialism. N.Y., 1997.

⁵⁹ См.: Страус А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового миропорядка и позиция России// Полис. 1997. №2.

надолго сохранит свое «однополюсное» качество и послужит гарантом глобальной стабильности. При этом они ссылаются прежде всего на превосходство Соединенных Штатов над реальными и потенциальными соперниками в военной, экономической и технологической областях, сочетающееся с выгодным геополитическим положением.

Такая позиция метафизична, поскольку не принимается во внимание ускорение глобальных процессов и возрастающая сложность их прогнозирования. Высокая подвижность современного мирового развития в полной мере проявилась в непредвиденном ни по срокам, ни по скорости крушении СССР и распаде мировой системы социализма.

Четвертое направление американской геополитики представлено геоэкономической моделью, разработанной *Иммануилом Валлерстайном* на основе миросистемного подхода. Основные идеи, лежащие в основе этой модели изложены в книге «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире» (М., 2001).

Согласно И.Валлерстайну, структурирование мировой экономики осуществляется в рамках дихотомии «центр-периферия», где развитие центра оказывается возможным за счет эксплуатации периферии и полупериферии. Неравноправное положение центра и периферии генерирует глобальную конфликтность, которая может проявиться в прямых нападениях государств «бедного» «Юга» на страны «богатого» «Севера», захватнических войнах между государствами «Юга», нестабильности внутри ядра «мир-системы». Главной же угрозой «Северу» он считает массовые миграции населения «Юга» на «Север», которые способны дестабилизировать ситуацию в ядре «мир-системы». Преодоление системы неравенства И.Валлерстайн считает возможным только в том случае, если народы периферии смогут консолидировать усилия для борьбы против монополий центра за социальную справедливость и перераспределение богатства.

Россия рассматривается И.Валлерстайном как полупериферийное государство, которое, несмотря на все попытки его реформирования, не сумело войти в состав ядра «мир-системы», но избежало участи периферийных стран, ставших колониальными придатками наиболее развитых государств. По его мнению, с геополитическим положением и военной мощью России не смогут не считаться другие государства.

Очевидным недостатком миросистемного подхода является упрощенная интерпретация геополитических реалий современного мира лишь по оси «богатство – бедность». Не принимается во внимание культурно-цивилизационное многообразие человечества.

Пятое направление представлено мондиализмом в коммунитаристской версии, разработанной *Амитаем Этциони* в книге «От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям» (М.: Ладомир. 2004) С его точки зрения, наличие устойчивых совместных целей у группы государств открывает путь к созданию мирового правительства.

По прогнозу А.Этциони, в обозримой перспективе будут взаимодействовать несколько десятков государств, объединенных общими ценностями и поддерживаемых легитимными институтами глобального управления. К числу таких стран он относит и Россию. Важный вклад в решение общественных проблем, по его мнению, вносят международные неправительственные структуры и общественные движения, объединяемые рубрикой «коммунитарные организации», которые влияют на массовое сознание и ценностные ориентации, способствуя формированию социально значимого поведения.

А.Этциони считает, что стратегия создания однополярного мира оказалась несостоятельной и пришло время трансформировать американскую квазиимперию в легитимную глобальную конструкцию, в которой США могли бы играть важную позитивную роль, способствовать упорядочению международных отношений. Ростки глобального управления он усматривает в

антитеррористической коалиции во главе с Соединенными Штатами, участники которой делятся разведанными, совместно проводят аресты подозреваемых, отслеживают финансовые потоки, питающие терроризм. По его убеждению, в дальнейшем антитеррористическое сотрудничество должно выйти за пределы поддержания международного правопорядка и распространиться на все глобальные проблемы.

А.Этциони придерживается той точки зрения, что в современном мире право на безопасность значимее всех прочих прав. Принцип приоритета безопасности личности приводит его к отрицанию идеи абсолютного суверенитета и требованию к мировому сообществу незамедлительно и решительно реагировать на ситуации, чреватые этническими чистками и геноцидом. Он трактует суверенитет как ответственность и полагает, что XXI век должен стать эпохой активного вмешательства в дела тех государств, которые неспособны обеспечить безопасность граждан или создают для нее угрозы⁶⁰.

Мир будущего видится А.Этциони как всемирное сообщество, объединяющее региональные сообщества и возглавляемое глобальной властью, образованной на базе радикально трансформированной ООН.

Шестое направление – неоклассическое, связанное с неоконсервативными исследовательскими центрами и военными учебными заведениями. Его адепты исходят из того, что несмотря на существенные изменения в содержании и целях геополитики по сравнению с рубежом XIX и XX столетий, сохраняется и даже возрастает значение географических, территориальных факторов в качестве побудительных мотивов политики. При этом особо акцентируется императивная роль природных ресурсов в обеспечении устойчивого экономического развития государств.

Наиболее заметной фигурой неоклассического направления является Роберт Каплан, исследователь из консервативного Центра за новую

⁶⁰ См.: Etzioni A. Security First. For a Muscular, Moral Foreign Policy. New Haven (Ct.), London.2008.

американскую безопасность. Опираясь на понятийный аппарат классической геополитики, он описывает всемирную историю в терминах столкновений между Сушей и Морем.

В публикациях о геополитике XXI века Р.Каплан подчёркивает преемственность с теориями классиков геополитики - А.Мэхэна , Х.Маккиндера, Н.Спайкмена и активно разрабатывает тезис о значимости мореплавания для процветания развитых стран Запада⁶¹. Особое значение придается упрочению позиций Соединённых Штатов в регионе Индийского океана с целью ограничения китайской экспансии и осуществления контроля за энергетическими ресурсами Ближнего Востока. Не исключено, прогнозирует Р.Каплан, что американское противодействие Китаю в его намерении стать гегемоном большей части Восточного полушария «...станет самой потрясающей драмой нашей эпохи»⁶².

К числу представителей неоклассического направления относят и аналитиков, исследующих новые пространства, ставшие доступными благодаря развитию техники. Один из них, основатель космической геополитики Э.Долман, перефразируя известную формулу Х.Маккиндера, следующим образом постулирует своё геополитическое кредо: «Кто контролирует низкие орбиты – тот контролирует околоземное пространство, кто контролирует околоземное пространство – доминирует на Земле, кто доминирует на Земле - определяет судьбу человечества»⁶³.

Наиболее уязвимым местом методологии неоклассического направления является доминирование государственноцентричного подхода к исследованию геополитической проблематики, недооценка растущих возможностей и влияния негосударственных акторов.

⁶¹ См.:Kaplan R. Center Stage for the Twenty-first Century //Foreign Affairs, March-April, 2009; Kaplan R. The Revenge of Geography // Foreign Policy.. May-June . 2009; Kaplan R. The Geography of Chinese Power // Foreign Affairs.. N3. May-June. 2010.

⁶² Kaplan R. The Geography of Chinese Power // Foreign Affairs.. N3. May-June. 2010. P.29.

⁶³ Dolman E.C. Astropolitic: Classical Geopolitics in Space Age. London., 2002. P.8.

Глава 5

Российская геополитика

5. 1. Российская геополитическая мысль XIX века

В России, как и на Западе, предпосылки для возникновения геополитических идей формировались в процессе изучения роли природной среды и особенно географического фактора в жизни общества. Проявлениями географического детерминизма были: идеи Александра Николаевича Радищева (1749-1802) о взаимосвязи общественной жизни и природной среды; принципы декабристских проектов политико-административного устройства России (упрочение государственных границ, эффективное управление обширными территориями и др.); вывод одного из приближенных Николая I Константина Ивановича Арсеньева (1789-1865) об уникальности местоположения России, позволяющем ей активно воздействовать на судьбу других государств; взгляды западников и славянофилов на перспективы России с учетом ее географических условий.

Конец XIX – начало XX века был периодом подъема русской школы географического детерминизма. Ее представители внесли значительный вклад в осмысление геополитического положения и роли России в мире.

В труде *Николая Яковлевича Данилевского* «Россия и Европа» (1869 г.) географическое положение России впервые рассматривалось как решающий фактор в формировании ее отношений с остальным миром, прежде всего с Западной Европой.

Основополагающие идеи теории Н. Я. Данилевского таковы:

1) необходимость создания всеславянского православного союза во главе с Россией;

2) антагонистичность Европы по отношению к России в силу масштабов последней и невозможности извлекать выгоды, как из Китая, Индии и Африки, а также решающим образом влиять на ее развитие⁶⁴;

1) невозможность и вредность устраниения от европейских дел и в то же время полезность смотреть на них с собственной, русской точки зрения⁶⁵.

К тому времени идея панславизма на основе православной идеологии в значительной степени себя исчерпала. Славянские народы не проявляли особого желания войти в состав Российской империи.

Утверждение Н. Я. Данилевского о некоей органической неприязни и враждебности Европы по отношению к России вызвало небезосновательные нарекания современников. Вместе с тем для российского мышления того времени новаторский характер носили такие установки его концепций, как важность учета пространственного фактора в определении политических приоритетов, целесообразность соотнесения масштабов страны и проводимой политики. Идея же специфичности русского цивилизационного пути, необходимости самостоятельных действий в мировых делах актуальна и в наши дни.

Лев Ильич Мечников (1838–1888), географ, социолог и публицист, брат известного биолога И.И. Мечникова, посвятил книгу «Цивилизация и великие исторические реки». Географическая теория развития современного общества исследованию роли рек, приморских районов и территорий в зарождении и пространственно-временном развитии цивилизации. В зависимости от того, что именно составляет основу цивилизации – река, море или океан, он разделил историю человечества на три периода:

1) *речной*, охватывающий четыре древних цивилизации (Египет на Ниле, Месопотамия на Тигре и Евфрате, Индия на Инде и Ганге, Китай на Янцзы и Хуанхэ). Отличительные черты этого периода – деспотизм и рабство;

⁶⁴ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С.51.

⁶⁵ Там же. С.441.

2) *средиземноморский*, или средневековый (с основания Карфагена до Карла Великого), характеризующийся крепостничеством, подневольным трудом, олигархическими и феодальными федерациями;

3) *океанический*, охватывающий Новое время (с открытия Америки). Этот период только начинается, в нем должны осуществиться свобода (уничтожение принуждения), равенство (ликвидация социальной дифференциации), братство (солидарность согласованных индивидуальных сил)⁶⁶.

Разработанная Л.И. Мечниковым концепция цивилизации с акцентом на роли водных путей в ее становлении во многом близка к геополитическим идеям Ф. Ратцеля и геополитической концепции Х. Маккиндера.

Анализ природных и географических факторов в истории России и ее государственности занимал существенное место в работах историков Сергея Михайловича Соловьева (1820–1879), Василия Осиповича Ключевского (1841–1911) и Ивана Лукьяновича Солоневича (1891–1953), а также правоведа и политолога Бориса Николаевича Чичерина (1828–1904) и др.

Пространственное расширение России С.М. Соловьев объяснял прежде всего течением больших рек. Причину ее отставания от Западной Европы видел в неравенстве изначальных условий развития. Русскому народу пришлось вести жестокую борьбу за выживание и в буквальном смысле отвоевывать жизненное пространство у природы. Это наложило особый отпечаток на весь уклад его жизни⁶⁷.

С.М. Соловьев отмечал географическую предопределенность зарождения русской государственности и наиболее интенсивного хозяйственного освоения земель в центре Среднерусской возвышенности. Он показал, что возглавить объединение русских земель и создание крепкого централизованного государства могла именно Москва.

⁶⁶ См.: Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М., 1995.

⁶⁷ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.1. М., 1959. С.76-78.

Идеи географического детерминизма просматриваются и в трудах другого выдающегося русского историка – В.О. Ключевского. По его мнению, природа страны – та сила, «которая держит в руках колыбель каждого народа»⁶⁸.

Анализируя влияние географического положения России на ее роль в истории, В.О. Ключевский высказывал идеи, которые впоследствии и были концептуализированы как евразийское направление в геополитике. В географическом очерке о сходстве России с Азией констатировалось, что Россия – переходная страна, посредница между Европой и Азией. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа предопределила такие особенности страны, которые влекли ее к Азии или в нее влекли Азию⁶⁹.

И. Л. Солоневич считал, что русский народ никогда не будет иметь такие свободы, какие имеют народы Англии и США. Безопасность последних гарантирована океанами и проливами, а наша – только воинской повинностью. По его мнению, история России есть история преодоления географии России⁷⁰.

Антизападник и сторонник «народной монархии», И.Л. Солоневич отстаивал принцип государственного изоляционизма России. Он был убежден в том, что грядущая Россия закончит свое территориальное расширение и займется устройством имеющихся территорий.

Б.Н. Чичерин констатировал, что громадность территории России, ее малонаселенность, постоянная угроза нападений извне обусловили потребность в крепкой центральной власти. Наиболее разумной формой правления для России ученый считал конституционную монархию, которая, как он полагал, способна гарантировать устойчивость и гибкость государственной власти.

В.П. Семенов-Тянь-Шанский (1870–1942), сын знаменитого путешественника и профессор Ленинградского университета в 20–30-х годах, в

⁶⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории//Ключевский В.О. Соч. в 9 т.-Т.1. М., 1987. С.63.

⁶⁹ См.: Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. Кн.1. М., 1993. С.35

⁷⁰ См.: Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991. С.48, 69.

исследовании «О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерки политической географии» (1915) разработал оригинальную концепцию географического детерминизма, имеющую русскоцентричный характер. Эта концепция оппонировала главному догмату европейской геополитики – о противостоянии Суши и Моря. По мнению ее создателя, в исторически сложившихся типах территориального политического могущества тем или иным образом синтезированы морское и сухопутное начало.

В.П.Семенов-Тянь-Шанский полагал, что для укрепления территориальных позиций России необходимо «подтянуть» периферию по плотности населения и развитию инфраструктуры до центра. Осуществить это можно двумя способами: перенести центр в Екатеринбург или создать в азиатских владениях культурно-экономические «колониационные базы» – анклав ускоренного развития. Таких баз, по его мнению, должно быть четыре: Урал, Алтай с горной частью Енисейской губернии, Горный Туркестан с Семиречьем, Кругобайкалье⁷¹.

Размышляя об особенностях территориального владения России, В.П. Семенов-Тянь-Шанский считал серьезной проблемой страны несовпадение географического центра территории с центром населения на 3 тысячи километров (в США – на 100 км). В этой связи он подчеркивал необходимость приближения государственного центра территории России к ее географическому центру.

В рассмотренной концепции просматриваются такие важнейшие черты, которые в той или иной форме будут наличествовать в последующих геополитических концепциях, - отказ от однозначного отождествления России с Сушей, стремление осмыслить прежде всего внутренние проблемы страны – интеграции территории и населения, налаживания коммуникаций.

Концепция В.П. Семенова-Тянь-Шанского не получила дальнейшего развития в СССР, но советская геополитическая реальность (в частности, освоение территории его азиатской части) в основных чертах соответствовала

⁷¹ См.: Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России / Рождение нации. М., 1996. С.16-19.

его проекту. В обозначенных им пределах «колониционных баз будущего» – Уральской, Алтайской, Прибайкальской, Туркестанской целенаправленно создавались мощные социально-экономические регионы, обеспечившие стране геополитическую стабильность в годы второй мировой и «холодной войн»⁷². Идеи В.П. Семенова-Тян-Шанского сохраняют свою актуальность и в современных условиях, когда перед Россией стоит задача сохранения территориальной целостности и интеграции в мировую экономику.

В последних работах выдающегося ученого-химика Дмитрия Ивановича Менделеева (1834-1907) «К познанию России» и «Дополнение к познанию России» проводилась мысль о «срединном» положении России в мире как факторе, предопределяющем ее стратегические интересы – упрочение позиций на Дальнем Востоке, выполнение связующей роли между Западной Европой и США, с одной стороны, Китаем и другими странами Дальнего Востока – с другой⁷³. Такие воззрения дают основания видеть в Д.И. Менделееве одного из предшественников евразийского направления российской геополитики.

Рассмотренные идеи русской школы географического детерминизма оказали значительное влияние на геостратегию страны во второй половине XIX века, когда присоединение в 50-х годах Приамурья и Приморья, а в 60-80-х годах – Средней Азии завершило формирование Российской империи как одной из мировых держав.

⁷² Геополитические и геоэкономические проблемы России: матер. Науч. Конф. В РГО, октябрь 1994 гю/ отв. Ред. С.Б.Лавров. СПб., 1995.

⁷³ См.: Менделеев Д.И. К познанию России. СПб., 1906. С.3; В поисках своего пути. Россия между Европой и Азией: Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков / Сост. Н.Г.Федоровский. М., 1997. С.421-423.

5.2. Геополитические идеи евразийства

Автономно от обеих ветвей западной геополитики – океанской и континентальной развивалось отечественное направление геополитики – евразийство. Евразийцы первыми в России начали употреблять термин «геополитика», использовать основные геополитические понятия и категории, разработали национальные задачи и приоритеты в области геополитики.

Евразийство формировалось под влиянием взглядов Н.Я.Данилевского – концепции «культурно-исторических типов» и идеи об извечном противостоянии славянского и романо-германского миров. В основе евразийства лежало представление о грядущем «закате Европы» и утверждение самобытности исторического пути России и православия как духовно-нравственной основы русской культуры.

Элементы неоевразийства в политическом плане были присущи известному политическому деятелю и мыслителю Григорию Николаевичу Трубецкому (1873-1930), а в плане философском – его брату, выдающемуся русскому философу Евгению Николаевичу Трубецкому. В полной же мере «евразийство» оформилось в среде русской эмиграции в двадцатых годах.

В трудах Григория Николаевича Трубецкого дальнейшую разработку получила мысль Н.Я. Данилевского о том, что Россия не должна быть привязана ни к европейским, ни к азиатским делам, но должна одинаково влиять на проблемы обоих континентов. В работе «Россия как великая держава» (1910 г.) в вопросе о соотношении европейских и азиатских интересов страны Г.Н. Трубецкой отдает предпочтение последним и выступает против вмешательства в европейские конфликты. С этих позиций он положительно оценивал решение администрации Александра III о строительстве транссибирской железнодорожной магистрали, с которой была связана перспектива развития русско-китайских отношений⁷⁴.

⁷⁴ См.: Трубецкой Г.Н. Россия как великая держава. СПб., 1910. С.37, 47.

Г.Н. Трубецкой был противником территориальных приобретений России, считал, что нужно сохранить имеющееся. По его мнению, «политика поступательного империализма должна уступить место политике обеспечения и сохранения того, что оставалось»⁷⁵. Главную задачу России Г.Н. Трубецкой видел в расширении сети трансконтинентальных путей.

Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) основное внимание уделял соотношению исторического и географического в политическом процессе. По его мнению, это влияние применительно к России проявляется в нескольких аспектах:

4) равнинность территории сформировала в сознании людей приоритет равенства в общественном развитии, неприятие всего, что возвышается над окружающим;

5) трудности в освоении огромных пространств сформировали в национальном характере принцип «все или ничего», предпочтение рывков поступательному развитию;

6) огромность территории сформировала в России неагрессивное самосознание, отсутствие интереса к дальнейшему увеличению территории.

Е.Н. Трубецкой, как и его брат, считал, что политика захватов может принести России только вред и потому следует не умножать, а сохранять территорию. Такой подход, по его мнению, можно охарактеризовать как «территориальный консерватизм».

С этих позиций Е.Н. Трубецким проводилась мысль о мессианстве как национальной особенности российского самосознания, проявляющейся в стремлении защищать малые и слабые народы, препятствуя насилию над ними.

Таким образом, Е.Н. Трубецкой оценивал геополитические цели России с философских позиций. Но, в отличие от своего брата, он акцентировал внимание не на вопросах технологического развития, дипломатического или

⁷⁵ Там же. С.60.

военного присутствия, а на осознании народом своего мирового предназначения.

Основателями евразийства стали племянник Г.Н. и Е.Н. Трубецких – лингвист и филолог Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938), а также географ и экономист Петр Николаевич Савицкий (1895–1968). В разработке евразийских концепций на разных этапах участвовали лучшие интеллектуальные силы русского зарубежья – философы Лев Платонович Карсавин (1882–1952) и Иван Александрович Ильин (1882–1954), историк Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) и др.

Ученых-«евразийцев» объединяло видение России как особого мира, порожденного Евразией со свойственным ему национальным самосознанием. Они были убеждены в великом будущем страны в силу занимаемого ею уникального геополитического положения в центре гигантского континента, обладания огромной территорией и самобытности культуры.

Главный геополитический тезис евразийцев – «...Россия не есть ни Азия, ни Европа, но представляет собой особый географический мир»⁷⁶. В его основе лежит понятие «месторазвитие», первоначально использовавшееся в естествознании для обозначения взаимосвязи живых организмов и среды их обитания. П.Н. Савицкий применил это понятие к анализу целостности духовно-исторической и географической среды России как особого цивилизационного образования.

Согласно П.Н. Савицкому, Россия сложилась на основе нескольких составляющих – арийско-славянской культуры, тюркского кочевничества и православной традиции. Великороссов он считал не просто ответвлением восточных славян, а особым имперским этническим образованием, сочетающим славянский и тюркский субстраты. В этой связи он косвенно оправдывал татаро-монгольское иго, благодаря которому Россия якобы обрела этническую уникальность и сохранила духовную независимость от Европы.

⁷⁶ П. Савицкий. Континент Евразия. М., 1997. С.297.

Тезис П.Н. Савицкого – «без татарщины не было бы России» был ключевой формулой евразийцев.

По мнению П.Н. Савицкого, геополитический смысл России – Евразии состоит в синтезе двух реальностей: европейского Леса и азиатской Степи. Этот синтез представляет собой нечто цельное, оригинальное, обладающее выраженной спецификой.

Источниками своих взглядов евразийцы считали мессианскую идею исторического предназначения России «Москва – третий Рим», сформулированную монахом Филофеем в XVI веке, и славянофильство⁷⁷.

Существенное влияние на становление евразийской концепции оказали идеи Константина Леонидовича Леонтьева (1831–1891) и, особенно, Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885). Мысль К.Н. Леонтьева об органической связи Православной церкви с русской культурой и государственностью получила развитие во многих программных документах евразийцев, в трудах Л.П. Карсавина. Выделение евразийцами особого типа «евразийской» культуры базировалось на теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, разработанной в книге «Россия и Европа».

Значительный вклад в формирование евразийского направления внес философ И.А.Ильин. Его идеи перекликаются с «органической теорией» шведского ученого Р.Челлена, который ввел в научный обиход термин «геополитика». Как и Р.Челлен, он рассматривал государство, страну с ее населением как «живой организм», в формировании которого решающую роль играют земля и географическая среда.

Согласно И.А.Ильину, Россия складывалась веками не как «механическая сумма территорий», а как «органическое единство», оплот европейско-азиатского, а значит и вселенского, равновесия. Он предупреждал, что гражданские войны в России и попытки ее расчленения на малые государства создадут угрозу глобальных катаклизмов.

⁷⁷ П.Савицкий. Указ. соч. С.97.

Крупнейший историк русского зарубежья ученик В.О. Ключевского Г.В. Вернадский разработал схему «периодической ритмичности» в истории Евразии, проявляющейся в пульсации – чередовании пространственно-политической интеграции и дезинтеграции⁷⁸. Эта схема помогла евразийцам объяснить пульсирующий характер сжатий и расширений территории страны на протяжении российской истории.

Наиболее известным приверженцем евразийства в СССР был профессор Ленинградского университета Лев Николаевич Гумилев (1912–1992), сын двух поэтов – Николая Гумилева и Анны Ахматовой. По признанию самого автора, с евразийских позиций написаны его основной труд – «Этногенез и биосфера Земли» (1989) и другие работы – «Древняя Русь и Великая степь» (1989), «География этноса в исторический период» (1990).

Хотя Л.Н. Гумилев непосредственно геополитическую проблематику не рассматривал, его теория этногенеза и этнических циклов является продолжением «органицистского подхода» и отчасти географического детерминизма, характерных для геополитики Ф. Ратцеля, Р. Челлена, К. Хаусхофера. Концепция пассионарности объясняет смену геополитических картин в мире – исчезновение одних государств и появление других, изменение государственных границ.

Вслед за П.Н. Савицким Л.Н. Гумилев проводил мысль о том, что этнические русские представляют собой не просто ветвь восточного славянства, но особый этнос, сложившийся на основе славянского и тюркского субстратов. Согласно Л.Н. Гумилеву, великорусская цивилизация сформировалась в результате славяно-тюркского этногенеза, который в географическом плане реализовался как исторический альянс Леса и Степи.

Особенностью евразийства были элементы антизападничества. Они особенно прослеживаются в работе Николая Сергеевича Трубецкого «Европа и человечество», вышедшей в Софии в 1920 году. С его точки зрения,

⁷⁸ См.: Евразия. Исторические взгляды русской эмиграции. М., 1992. С.105.

европеизация – не «благо, а зло» означающее романо-германизацию России. Европеизированный народ, по мнению Н.С. Трубецкого, утрачивает свою самобытность.

С этих позиций политика Петра I и его преемников рассматривалась Н.С. Трубецким как антinationальная, принеся громадный вред евразийской консолидации России. Еще более пагубной для страны он считал европеизацию ее внешней политики. Участие в союзах европейских государств вынуждало страну принимать участие в бесконечных войнах, отстаивая не собственные национальные, а чужие интересы. Революция расценивалась Н.С. Трубецким как расплата за «двухвековой режим антinationальной монархии», восстановивший против себя все слои населения, большие и малые народы.

Впоследствии сходных взглядов в отношении Запада придерживался Л.Н. Гумилев. Для него Европа – это чуждый суперэтнос «отрицательной комплиментарности», не подлежащий смешению с Россией.

Проявляя крайне негативное отношение к коммунистической идеологии как прозападной, атеистической и антинародной, евразийцы видели свою задачу в ее вытеснении из России и замене идеологией евразийской, основанной на догматизированном христианстве. Эту замену они предполагали реализовать путем использования большевистских структур власти, и прежде всего единственной правящей партии и Советов, являвшихся формой декоративно-ритуальной связи правящего слоя с массами.

Таким образом, евразийство стягивало в один узел сложнейшие проблемы российской истории и современности, давая им оригинальную интерпретацию. Обозначенные евразийством ориентиры геополитики России в конце XX века были восприняты левыми и националистическими кругами и стали теоретической базой геостратегических моделей неоевразийства и антизападничества.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что русская геополитика, возникшая в первой половине XX в., как и германская, носила

органицистский характер. На основе пространственного отождествления России и Евразии делался вывод о центральной роли страны в мировой истории. В настоящее время органицистские подходы к геополитике развиваются в Западной Европе «новыми правыми», а в России – неоевразийцами.

Глава 6

ГЕОПОЛИТИКА В СССР И РОССИИ

6.1. Геополитика в советский период

В СССР геополитика традиционно рассматривалась как «реакционная антинаучная доктрина, использующая для обоснования агрессивной политики империалистических государств извращенно истолкованные данные физической, экономической и политической географии»⁷⁹.

Основные причины резко отрицательного отношения властей к геополитике состояли в следующем. Во-первых, фундаментальные положения этой науки противоречили догмам официального марксизма, особенно так называемому классовому подходу к общественному развитию и идее пролетарской солидарности. Во-вторых, немецкая геополитика обосновывала территориальные притязания нацизма, что дискредитировало геополитику как таковую, особенно в стране, понесшей наибольшие потери от нацистской агрессии. В-третьих, при разработке и проведении в жизнь советской внешней политики предпочтение отдавалось идеологическим факторам в ущерб всем остальным – экономическим, географическим, демографическим и прочим.

Такое пренебрежение к геополитике не позволяло адекватно анализировать политическое поведение государств, прежде всего соперников в «холодной войне», что явилось причиной ряда крупных ошибок. Последняя из них по времени – вторжение в Афганистан.

При официальном отторжении геополитики как «лженауки» она существовала в СССР де-факто. Геополитическими соображениями были вызваны: подписание Пакта Молотова-Риббентропа, который включал советско-германские договоры о ненападении и разделе сфер влияния в Европе; создание после Второй мировой войны вокруг границ СССР пояса зависимых государств; появление так называемой «доктрины Брежнева», в соответствии с которой

⁷⁹ Словарь иностранных слов. М., 1990. С.122.

предусматривалось применение силы для сохранения советской сферы влияния; введение советских войск в Чехословакию в 1968 г. с целью предотвратить создание в этой стране прозападного режима; курс на расширение «социалистического лагеря» за счет стран так называемой социалистической ориентации. Советские военные специалисты и дипломаты небезуспешно разрабатывали геостратегии, не используя при этом геополитическую теорию и ее терминологию, но активно апеллируя к фактору географического положения.

В конце 70-х годов некоторыми учеными, в частности, президентом Советской ассоциации политических наук Г.Х. Шахназаровым, ставился вопрос о необходимости разработки теории советской геополитики. В период перестройки, после снятия табу на «буржуазные» направления общественной мысли активно обсуждались основы геополитического порядка, связанного с «новым политическим мышлением», улучшением отношений между Востоком и Западом, перспективами совместного решения глобальных проблем, строительством «общеевропейского дома» и т.д. В опубликованных в этот период работах историков, политологов, экономистов и географов анализировались геостратегии мировых держав, соотношение в них экономических, политических и военных компонентов. Эти проблемы интенсивно исследовались Г.А. Арбатовым, А.Е. Бовиным, Н.В. Загладиным, А.А. Кокошиным, В.А. Кременюком, И.Б. Пономаревой, А.И. Уткиным и другими авторами.

В конце 80-х гг. в академических изданиях наметилась тенденция отказа от идеологизированных негативных определений геополитики. В «Философском академическом словаре» геополитика определяется как западная политологическая концепция, утверждающая, что «политика государства, особенно внешняя, в основном предопределена различными географическими факторами: пространственным положением,

наличием либо отсутствием определенных природных ресурсов, климатом, плотностью населения и темпами его прироста и т.п.»⁸⁰.

Несмотря на официальное неприятие в СССР геополитики как «лженауки» и запрет на геополитические исследования, эта область знания развивалась прежде всего в военно-политической среде. В этой связи заслуживают внимания геополитические идеи адмирала *Сергея Георгиевича Горшкова* (1910-1988), создателя советского атомного флота.

В работе «Морская мощь государства» (М., 1976) С.Г.Горшков обосновывал радикально отличную от А.Мэхена интерпретацию «морской мощи». Если для А.Мэхена море – это нейтральная коммуникативная среда, то для С.Г.Горшкова Мировой Океан – объект хозяйственного освоения. Морская мощь им не сводится лишь к контролю за коммуникациями, а предполагает наличие военного, торгового, промыслового и океанологического флотов, которые служили бы одновременно средствами овладения морскими богатствами и политического доминирования.

Для концепции С.Г.Горшкова характерен мотив «обживания» и освоения моря. Отсюда ставка на подводный флот как важнейший инструмент решения этой задачи.

6.2. Современные концепции российской геополитики

В конце XX века геополитика получила признание в России со стороны власти и научной общественности. В декабре 1993 г. Государственная Дума Российской Федерации учредила Комитет по геополитике. Со второй половины девяностых годов термин «геополитика» прочно занял место в официальных документах, в частности в посланиях Президента Федеральному Собранию и в «Концепции внешней политики Российской Федерации» (2000 г.). Свои

⁸⁰ Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С.116.

идеологические кредо опубликовали оппозиционные политики В.В. Жириновский, Г.А. Зюганов, С.Н. Бабурин, А.В. Митрофанов.

В начале девяностых годов был восстановлен статус геополитики как дисциплины в системе политических наук. За прошедший период в этой области появилось значительное число работ отечественных ученых, изданы труды классиков геополитики. С середины девяностых годов геополитика преподается в вузах.

Разработка российской геополитики осуществляется по нескольким направлениям.

Первое образуют исследования, проводимые в рамках теории международных отношения. Обращение ученых-международников (в частности, А.Д.Богатурова, С.А.Косолапова, Э.А.Позднякова, К.Э.Сорокина, П.А.Цыганкова и др.) к геополитическим проблемам придаёт их исследованиям более углублённый и всесторонний характер.

Второе направление представлено работами преимущественно философского характера. Их авторы К.С.Гаджиев, М.В.Ильин, А.С.Панарин, К.В.Плешаков, В.Л.Цымбурский и др. видят в геополитике не дополнительный инструмент прикладного анализа, а научную теорию, ориентированную на изучение взаимосвязей между политикой и пространством.

Третье направление разрабатывается политгеографами (Д.Н.Замятин, В.А.Колосов, Н.С.Мироненко, В.Б.Тихомиров, Р.Ф.Туровский и др.). В их публикациях геополитика по существу смыкается с политической географией, отличаясь от неё лишь планетарным характером исследований.

Становление геополитики в России происходит на фоне оживленных дискуссий о геополитической идентичности страны, о ее месте и роли в современном мире, характере отношений с другими странами и регионами. По этой причине российская геополитика изначально оказалась идеологизированной, отражая соперничество различных политических групп в борьбе за власть.

На первых порах геополитика была монополизирована национал-патриотическими кругами, которые проявили инициативу в деле её пропаганды. В качестве теоретической основы дисциплины были избраны постулаты германской и англосаксонской геополитики и прежде всего концепция «хартлэнда».

Упрощённое восприятие взглядов Х.Маккиндера привело к появлению ряда клише о роли России в мире – как географическом центре мировой политики, «держателе равновесия между Западом и Востоком». Прогнозировалось обретение Россией статуса великой державы лишь за счёт географического положения и ресурсного потенциала.

Такое видение геополитических перспектив России являлось реакцией не только на стремительное падение геополитического статуса страны в результате распада СССР, но на недооценку тогдашней либеральной элитой национальных интересов страны, её увлечённости «общечеловеческими ценностями» в отрыве от обстоятельств места и времени.

Наибольшую известность получила школа неоевразийства, представленная прежде всего трудами ее создателя *Александра Гелиевича Дугина* «Основы геополитики. Геополитическое будущее России, Мыслить пространством» (М., 2000), «Евразийский путь как «Национальная идея» (М., 2002), «Геополитика постмодерна. Время новых империй, Очерки геополитики XXI века» (СПб., 2007). В его геополитическом проекте синтезированы идеи Х.Маккиндера, К.Хаусхофера и русских евразийцев.

Доктрина неоевразийства исходит из главного постулата классической геополитики – о пространстве как определяющем факторе геостратегии государств. Политика, культура и даже религия с точки зрения неоевразийства менее значимы для формирования геостратегии, чем пространство. Проводя параллель с марксизмом и классической буржуазной политэкономией А.Дугин полагает, что подобно экономическим идеологиям, утверждающим особую категорию «человека экономического», «...геополитика говорит о «человеке

пространственном», предопределённом пространством, сформированным его специфическим качеством – рельефом, ландшафтом»⁸¹.

Согласно неоевразийской доктрине, главным законом геополитики является фундаментальный дуализм двух типов цивилизаций «теллукратических», базирующихся на «сухопутном могуществе», и «талассократических», опирающихся на «морскую мощь». Вслед за классической геополитикой постулируется, что степень антагонистичности этого типа противостояния и преобладания той или иной цивилизации варьирует в различные периоды истории. В холодной войне 1946-1991 годов извечный геополитический дуализм, по мнению А.Г.Дугина, достиг максимальных пропорций и завершился поражением СССР, тождественным поражению «цивилизации «Суши».

Согласно А.Г.Дугину, Россия – Евразия – это центр и сплачивающее начало Суши в противостоянии с морским «атлантизмом», представленным прежде всего Соединенными Штатами. Созданная усилиями России Евразийская империя должна вначале привести к возникновению новой биполярности, а впоследствии к сокрушению Соединенных Штатов в результате победы Суши над Морем. Средствами подрыва могущества Соединенных Штатов он считает экспансию в Центральную и Южную Америку с целью вывода их из-под американского контроля, дестабилизацию самих Соединенных Штатов прежде всего путем разжигания этнополитических конфликтов внутри страны, оказание на США геополитического давления.

Реализация этих построений неосуществима уже в силу невозможности объединения евразийских государств, придерживающихся различных культурных и религиозных ориентаций. Весьма проблематична способность России к выполнению интегрирующей роли в пространстве Евразии в силу ее слабости. Кроме того, попытки сокрушения наиболее могучей державы привели бы к опасной дестабилизации международных отношений.

⁸¹ Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 2000. С.13.

В работе «Евразийский путь как Национальная идея» (М., 2002) А.Дугин отказался от радикальной идеи сокрушения Соединённых Штатов как оплота атлантизма в пользу ориентации на создание многополярного мира, в котором силовые центры геополитики будут находиться в состоянии динамического баланса. В рамках полицентризма Евразии предстоит уравнивать атлантический вектор, создавая этим геополитическое пространство для свободы выбора пути развития стран третьего мира.

Если для имперски ориентированных евразийцев российская специфика определяется прежде всего геополитическим фантомом «хартленда» (континентального ядра), противопоставленного атлантической цивилизации. респектабельные неоевразийцы выстраивают более сложную систему аргументов, отмежевываясь как от западничества, так и наиболее уязвимых тезисов национал-патриотов и православных мыслителей. Эта позиция изложена прежде всего в книгах А.С.Панарина «Россия в циклах мировой истории» (М., 1999), «Искушение глобализмом» (М., 2000), «Стратегическая нестабильность» (М., 2003) и др.

По мнению А.С.Панарина, после распада СССР Россия оказалась перед жестким выбором: либо восстановить прежнее пространство, причем в новом духовном, моральном и экономико-технологическом качестве, либо стать одной из стран третьего мира, лишившись всяких шансов занять достойное место в мировом сообществе. Естественно, что при такой альтернативности восстановление утраченного геополитического статуса представляется единственным для России способом обеспечить выживание и избежать неблагоприятного развития событий.

Путь выхода России из кризисного состояния А.С.Панарин видит в борьбе с разрушительным влиянием глобализма, за сохранение самобытности российской цивилизации и создание суверенной государственности с протекционистской экономикой. В сборнике его статей «Правда о железном занавесе» (2006), написанных в разные годы, проводится мысль о том, что

спасти Россию от полного уничтожения Западом может возвращение к традиционному обществу, основанному на традиционных религиях, прежде всего православии. По его мнению, России в целях самозащиты следует закрыться от Запада, создав свой «железный занавес».

Новейшая версия неоевразийства изложена в статье В.В.Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» (Известия. 3 октября 2011 г.), опубликованной в преддверии президентских выборов 2012 г. Новое объединение – Евразийский союз - предполагается создать по образцу Евросоюза. В его рамках предусматривается функционирование комиссий и суда, принятие обязательных для исполнения решений. Евразийский союз рассматривается как структура, способная с течением времени превратить регион в сильного экономического актора. Заявлено и стремление к активному взаимодействию с Евросоюзом с целью формирования единого экономического пространства от Атлантического до Тихого океана. Как и дугинский, этот внешнеполитический проект далёк от классического евразийства и евразийской версии Л.Н.Гумилёва.

Активные адепты выдвинутого проекта – в основном представители советской и постсоветской номенклатуры, выходцы из КГБ, мечтающие об обеспечении существенного влияния, а при возможности, и контроля над территориями за пределами Российской Федерации. Кроме Казахстана, самого близкого стратегического партнёра России на постсоветском пространстве и Белоруссии, не имеющей особого выбора в союзниках из-за дистанцирования наиболее развитых стран от существующего в ней политического режима, готовность присоединиться к проекту проявляют самые слабые государства Центральной Азии – Киргизия и Таджикистан, нуждающиеся в России как рынке для экспорта рабочей силы и источнике инвестиций.

При неоспоримой экономической выгоды присоединения к Таможенному союзу для Украины, её руководство воздерживается от вступления в это объединение, обосновывая свою позицию приоритетностью

интеграции с Европейским союзом. Руководители России используют имеющиеся в их распоряжении инструменты, чтобы побудить Украину к полномасштабному членству в Таможенном союзе.

Пре всё разнообразии взглядов и подходов на постсоветском пространстве к проекту создания Евразийского союза он вписывается в глобальную тенденцию к регионализации мира. Появление нового интеграционного объединения может привести к возникновению ёмкого единого рынка, сокращению преград для перемещения товаров и услуг, снижению производственных затрат за счёт специализации в тех областях, где у партнёров имеются сравнительные преимущества. Евразийская интеграция может способствовать стабильности и прогрессу в регионе, если будет добровольной, не изолирующей её участников от внешнего мира.

Несмотря на наличие у идеи евразийской интеграции определённого потенциала перспективы её реализации по ряду причин весьма неопределёны.

Прежде всего существует фундаментальное отличие между двумя проектами – функционирующего Евросоюза и планируемого Евразийского союза с точки зрения легитимности их создания. Евросоюз формировался постепенно в течение полувека на основе решений демократически избранной власти. Создание же Евразийского союза к 2015 г. предполагается осуществить, не имея полномочий со стороны как российского народа, так и народов других потенциальных государств-членов.

Проект формирования Евразийского союза является глубоко идеологизированным начинанием, включающим геополитические, геоэкономические и социокультурные компоненты. Отсутствует содержательная проработка таких серьёзных вопросов, как состав участников, приоритеты и интересы членов объединения, характер экономических и военно-политических отношений между ними и др.

Существуют и проблемы практического осуществления проекта.

Вызывает сомнения способность России в её нынешнем состоянии стать центром притяжения для своих соседей, локомотивом евразийской интеграции. Едва ли она сможет субсидировать своих более слабых партнёров во имя реальных или потенциальных выгод от интеграции.

Неясны перспективы осуществления жизненно необходимых всех участникам объединения модернизации и инноватизации всех сфер общественной жизни. Без проведения необходимых преобразований эти страны могут необратимо оказаться на обочине мирового развития.

Нельзя исключить попыток превращения Евразийского интеграционного объединения в союз авторитарных режимов, стремящихся использовать его ресурсы для самосохранения. Консервация анахронистических институтов и структур на значительной части пространства Евразии противоречила бы глобальной тенденции политического пробуждения масс.

Реализации проекта едва ли будет способствовать позиция ведущих международных авторов, опасющихся если не превращения Евразийского союза в современную версию СССР, то усиления зависимости соседних государств от России. Создание Евразийского союза может ограничить влияние Китая в Центральной Азии и ЕС – на Украине. Казахстан, Киргизия и Таджикистан во многом зависят от китайских инвестиций и реэкспорта товаров. Экономика этих государств может понести серьёзный урон, если Евразийский союз ограничит Китаю доступ на их внутренние рынки. ЕС настаивает на создании зоны свободной торговли с Украиной, что облегчит ей доступ на рынки Европы и приведёт к гармонизации украинских норм и правил с европейскими.

С нашей точки зрения, прагматичный подход к евразийской интеграции состоял бы прежде всего в использовании возможностей Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) для формирования нового центра экономической интеграции, а, следовательно, и политического влияния. Участие в этих проектах Украины улучшило бы перспективы образования

рынка с большой ёмкостью, который мог бы обеспечить более стабильное экономическое развитие.

Оптимальное и долгосрочное решение «украинского вопроса» могло бы быть найдено в рамках экономической интеграции ТС и ЕС. Этот сценарий позволил бы Украине реализовать европейский выбор и обеспечить благоприятный режим в отношениях с Россией и другими партнёрами в Центральной Евразии.

В целом неоевразийство в его различных модификациях не смогло выйти за рамки географического детерминизма первой половины XX века и сформулировать конструктивную модель поведения России в глобализирующемся мире.

Неоевразийство оказало значительное влияние на позиции отечественных левых и националистических кругов. Именно в этой части политического спектра получили широкое распространение упрощенные тезисы о неизменности национальных интересов России и ее особой роли как географического центра мировой политики, собирателя земель Евразии; о необходимости борьбы с главной угрозой России – атлантической цивилизацией и ее лидером – Соединенными Штатами; о «мондиалистском заговоре» против России. Они определяют содержание работ лидера КПрФ Г.А.Зюганова «Держава» (М., 1997) и «География победы. Основы российской геополитики» (М., 1999), книги политолога Н.А.Нартова «Геополитика» (М., 2-е изд., 2004) и др.

В научной и пропагандистской деятельности неоевразийцы широко используют опубликованную в 1998 г. в русском переводе книгу З.Бжезинского «Великая шахматная доска». Выдвинутая им идея расчленения России на три части истолковывается как доказательство доминирования антирусских настроений в американской элите.

К неоевразийству идейно близки державнические подходы, сформулированные в публикациях военного и общественного деятеля

Л.Г.Ивашова – монографии «Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России» (М., 2002) и геополитическом очерке «Хоронить не спешите Россию» (М., 2003).

Согласно разработанной Л.Г.Ивашовым концепции геополитического континентального союза – Шанхайской организации сотрудничества, основу этого объединения могли бы составить четыре государства, представляющие различные цивилизации, - Россия, Индия, Китай и Иран – страны с разными традициями, устоями, политическими системами и экономическими моделями. Их, по мнению Л.Г.Ивашова, объединяет и отличает от западной цивилизации преобладание духовных ценностей над материальными, общественных интересов над индивидуальными, что и создаёт основу не для столкновения, а гармонии цивилизаций.

В последние годы имперский подход к геополитическому самоопределению России нередко увязывается с актуальной для нее проблемой модернизации, превращения во влиятельную мировую державу.

Имперский вариант геополитики России с акцентом на ускоренную модернизацию в условиях экономической автаркии разработан в книге М.Юрьева «Третья империя. Россия, какой она должна быть» (СПб.- М., 2007). Согласно М.Юрьеву, Россия много потеряла к условиям глобализации и к настоящему времени занимает несправедливое место в миросистеме. Поэтому будет логичным осуществление форсированной модернизации России путем создания автаркической империи и возврата к традиционным христианским ценностям. В качестве примеров успешной закрытой модернизации М.Юрьев ссылается на опыт выхода из экономической депрессии нацистского рейха и советской индустриализации 1930-х годов, проведенных во вражеском окружении. Подобные идеи активно продвигаются и в таких работах, как

«Проект Россия»⁸², «Воины креатива. Праведный Меч»⁸³ и «Крепость Россия»⁸⁴.

Мир середины XXI века, как он видится М.Юрьеву, будет состоять из пяти автаркических цивилизаций-государств со своим внутренним рынком – Российской империи (Россия в границах СССР, Европа и Израиль), Американской федерации (Северная и Южная Америка), Исламского халифата (Африка и Ближний Восток), Поднебесной Республики (Китай с сателлитами и Австралия) и Индийской конфедерации. Построение нового мирового порядка будет происходить насильственным путем, но Российская империя может сформироваться бескровно, благодаря доблести и мужеству русских воинов в смертельно опасных условиях. В ее состав к 2030 г. сначала добровольно – на основании всенародных референдумов – войдут постсоветские республики, а затем Европа и Израиль как единственная удаленная территория. Центральная идея утопического проекта Третьей империи (первая включает Московское царство и период правления Романовых, вторая - период СССР) состоит в построении в ее границах Царства Правды, подобия Царства Божиего на земле, способного выявить «дух народа», спасти душу каждого православного человека и сдерживать натиск «неправды» извне, со стороны других цивилизаций.

В процессе политического самоопределения России предстоит стать не новой империей, а, подобно наиболее развитым странам мира, - нацией-государством, представляющим собой сплав различных этносов, объединенных общей экономикой, культурой и политическими отношениями. Ностальгия по прежним имперским образованиям и грезы о строительстве новой империи в практической политике осуществимы лишь путем ширококомасштабной

⁸² См.: Проект Россия. М., 2007;.Проект Россия. Кн.2. Выбор пути. М., 2007; Кн.3. Третье тысячелетие. М., 2009.

⁸³ См.: Воины креатива. Главная книга. 2008-2012. М., 2008; Воины креатива. Праведный Меч. М., 2008.

⁸⁴ См.: Крепость Россия. Прощание с либерализмом / М.Леонтьев, М.Юрьев, М.Хазин, А.Уткин. М.. 2005; Леоньев М. и др. Крепость Россия. М., 2008.

экспансии с губительными для страны последствиями. Приверженцы имперского будущего России игнорируют ставшие очевидными неэффективность и нежизнеспособность империй.

В качестве альтернативы имперской модели некоторые авторы развивают концепцию изоляционизма, полагая, что геополитический статус России в мире должен основываться на ее самодостаточности. По их мнению, после отделения бывших советских республик Россия не утратила своих существенных характеристик, а ее нынешняя территория примерно соответствует географическому пространству страны допетровского периода.

С этих позиций написана работа *Вадима Цымбурского* «Остров Россия» (Полис. 1993. №№3,5), который определил избранную им область исследований как «цивилизационную геополитику». Причины всех бед страны видятся ему в стремлении слиться с Европой и подчинить ее своему влиянию, а также в экспансии на юге и востоке.

Исходные постулаты концепции В.Цымбурского таковы:

1) мир состоит из ряда цивилизаций, располагающих зонами устойчивого контроля – «цивилизационными платформами», вторжение на которые других цивилизаций затруднено;

2) цивилизационные платформы отделены друг от друга промежуточными пространствами стран и культур, не имеющих однозначной цивилизационной идентичности и являющихся зоной экспансии цивилизаций. Для обозначения этих пространств вводится понятие «лимитроф» (лат. происхождения, означает «граница»).

В этом подходе просматривается влияние цивилизационной концепции С.Хантингтона, но трактовка В.Цымбурского существенно отличается от неё. Он рассматривает лишь цивилизации, существующие на пространстве Евразии - романо-германскую (Западная Европа), арабо-иранскую (Ближний и Средний Восток), российскую, китайскую и индийскую. Между ними после распада СССР образовался сквозной пояс суверенных пространств, который протянулся

через континент от Польши и Прибалтики до Памира и Тяньшаня, охватывая Восточную Европу с Балканами, Кавказ и постсоветскую Центральную Азию. Этот пояс В.Цымбурский обозначил понятием «Великий Лимитроф».

Согласно В.Цымбурскому, Россия после утраты доминирования в Великом Лимитрофе представляет собой некий континентальный остров, занимающий огромное пространство, которое простирается от романо-германского этноцивилизационного ареала на Западе до Китая на востоке. Ей следует радикально изменить свои внешнеполитические приоритеты: дистанцироваться от международной геополитики как на западе, так и на востоке и сосредоточить усилия на интенсивном саморазвитии «острова», особенно освоении регионов Сибири, Дальнего Востока и Севера. Автор предлагает перенести столицу в Сибирь и предупреждает об опасности подрыва жизненных сил страны в случае осуществления глобальных внешнеполитических планов.

Главная претензия оппонентов к автору «Острова Россия» состоит в констатации мнимости «островного» положения России. Несмотря на сокращение российского пространства страна остается огромным геополитическим образованием, активно взаимодействующим с многими народами и культурами Евразии. Для успешной модернизации страны в целом и ее отдельных регионов России необходимо активизировать связи, особенно торгово-экономические, со всеми государствами. Предлагаемая же В.Цымбурским стратегия самоизоляции России не только неосуществима, но и губительна, поскольку обрекает ее на маргинализацию

Светлана Лурье и Левон Казарян в своих работах практически игнорируют проблематику Хартленда, Суши и Моря, столкновения цивилизаций. Они сосредотачивают внимание на организации геополитического пространства, функциях территории в геополитическом процессе, алгоритмах и формах соперничества геополитических субъектов, роли буферных государств и образований в геополитической конкуренции. Они

выделили основные формы соперничества между государствами – *фронтальную* (Россия и Англия в Восточном вопросе второй половины XIX – начала XX в.), *линейную* (соперничество европейских держав в вопросах контроля над морскими и железнодорожными путями), *очаговую* (противостояние на Ближнем Востоке Израиля, поддерживавшегося преимущественно Соединенными Штатами, и Сирии, вооружавшейся главным образом Советским Союзом) и *глобальную* (противостояние мировых держав). В качестве исторических прецедентов буферов они ссылаются на Афганистан и тибетское государство в соперничестве Англии и России на рубеже XIX и XX веков, армянское население османской империи в соперничестве России и Турции в начале XX века.

Буферы и буферные образования классифицируются на «волнорезы», «блокаторы» и «контролеры».

В качестве буфера «волнореза» рассматривается Тибетское государство, относительно которого Россия и Англия договорились не добиваться в нем своего влияния, а дипломатические отношения с ним вести при посредничестве Китая.

Роль «волнореза» Англия в существенной степени отводила Турции, которая должна была служить преградой для экспансии России на юге. С этой целью она планомерно поддерживала Турцию в состоянии территориальной целостности и инертности, не допуская ни ее расчленения, ни усиления.

Примером буфера-«блокатора» С.Лурье и Л.Козарян считают установление в 1901 г. британского протектората над Кувейтом, что позволило остановить строительство Германией железнодорожной колеи к Персидскому заливу. Чтобы не дать возможность Германии воспользоваться запасным вариантом, т.е. вывести колею к Красному морю, англичане оккупировали Акабу. В результате немцам, затратившим колоссальные средства на строительство магистрали, осталась одна возможность – свернуть на восток и двигаться в Индию через Персию.

Наконец, выполнение функции контроля над путем из Средней Европы на Ближний Восток заинтересованными державами отводилась Балканским странам, через территории которых он проходил. Такие буферы должны были выступать в роли проводников влияния соответствующих держав-покровительниц, а по возможности и вытеснять с арены соперничества клиентов других держав⁸⁵.

По мнению С.Лурье и Л.Казаряна, в конце XX века на смену периоду советско-американского соперничества приходит организация геополитического пространства на основе рационального стратегического планирования. Такая «проектная» геополитика в своих рекомендациях ориентирована не столько на концентрацию мощи, сколько на сохранение и укрепление геополитической субъектности государств, недопущение навязывания им пассивной роли в чужих планах, усиление способности создавать собственные проектные пространства.

Геополитические идеи *Владимира Жириновского* изложены в работах 90-х гг. «Последний бросок на юг» (1994). «Последний вагон на Север» (1995), «Обыкновенный мондиализм» (1998), «Геополитика и русский вопрос» (1998). Последняя книга включает все геополитические произведения автора.

Значительное место в работах В.Жириновского уделяется геополитическому статусу России. Он оценивается, исходя прежде всего из состояния ее экономики, уступающей по объему соседним державам – США, Японии и Китаю. Опасными вызовами России В.Жириновский считает межнациональные и межэтнические конфликты на постсоветском пространстве, возникшие после завершения афганской войны и распада СССР. Угроза России усматривается в возросшей активности Турции и Ирана по отношению к новым государствам Средней Азии и мусульманскому населению самой России.

⁸⁵ См.: Лурье С.В., Казарян Л.Г. Принципы организации геополитического пространства (введение в проблему на примере Восточного вопроса) //Общественные науки и современность. 1994. №4. С.86-90.

Констатируется снижение геополитической роли России в транспортно-географическом аспекте: сужение выходов в Мировой океан из Балтийского и Черного морей, сокращение числа железнодорожных пересечений с Европой (вместо 25 в СССР остался 1 – в Калининградской области), ухудшение геополитического положения границ из-за резкого увеличения их протяженности.

Значимой геополитической проблемой России В.Жириновский считает национальную. Поскольку в сравнении с СССР Россия ближе к моноэтническому государству (порядка 80% русских), он предлагает радикально реформировать национально-государственное устройство, перейдя от национально-территориального деления страны к ее делению на губернии или области.

В международно-политической сфере характерные особенности мирового развития В.Жириновский видит: 1) в интеграционных процессах, сочетающихся с усилением сепаратизма, национализма и социальной активностью в новых независимых государствах; 2) в иерархизации мира, проявляющейся в стремлении США сохранить доминирующее положение в глобальных процессах; 3) в создании региональных центров силы, стремящихся к сверхвооружениям и экспансии; 4) в неэффективности международных организаций (ООН, ОБСЕ, НАТО и др.) в урегулировании кризисных ситуаций.

Основными особенностями геополитической обстановки в ближнем зарубежье, по мнению В.Жириновского, являются: крайняя неоднородность вновь образовавшихся государств и политическая нестабильность в них; наличие территориальных претензий и рост сепаратизма, способных дестабилизировать геополитическую обстановку в России; попытки внешних сил использовать ослабление России для укрепления своих позиций в странах СНГ; незначительное влияние России на урегулирование военно-политических кризисов в соседних государствах.

В геополитической работе «Последний бросок на юг» излагаются представления В.Жириновского об идеальном геополитическом устройстве мира. Они сходны с уже рассматривавшимися панидеями К.Хаусхофера.

Согласно В.Жириновскому, мир следует разделить на регионы с примыкающими к ним зонами влияния: США и Латинская Америка, Западная Европа и Африка. Россия и Южная Азия (с выходом в Индийский океан), Китай, Япония и Океания. Все мировые державы могут использовать свои зоны влияния для пополнения ресурсов, обустройства геополитических буферов и кордонов, но не должны вмешиваться в дела других мировых держав и посягать на их зоны влияния.

Популистская интерпретация геополитики, способная привлекать достаточно широкие социальные слои, эклектически сочетает элементы традиционной геополитики, этноцентризма, неоевразийства и предвыборной риторики.

Геоэкономический анализ структуры глобализирующегося мира представлен в публикациях *Александра Неклессы* «Постсовременный мир в новой системе координат» и «Эпилог истории», составивших основу книги «Глобальное сообщество: новая система координат» (СПб., 2000), а также в вышедшей под его редакцией работе «Глобальное сообщество: Картография современного мира» (М., 2002).

В рамках предложенной им геополитической модели в зависимости от «модернизированности» экономики и места в глобальном сообществе выделяются *четыре геоэкономических мета-региона* и *два виртуальных пространства*, находящихся вне рамок традиционной географии.

Экономически и политически доминирующий постиндустриальный «Север», он же «Запад», обладает развитой промышленной, административной и социальной инфраструктурой, совмещает развитие наукоемких технологий и экспорт капитала. Роль промышленного лидера переходит к государствам Большого тихоокеанского кольца, протянувшегося от Китая и Индии до

Латинской Америки. Они заняты производством массовых изделий, в том числе и наукоемких. Спецификой *государств индоокеанской дуги*, объединяющей арабский мир с «черной» Африкой является добыча сырьевых ресурсов и прежде всего нефти. Геоэкономическая роль *евразийского постсоветского пространства* состоит в развитии комплекса нефтегазовых, энергетических и транспортно-коммуникационных сетей.

Не имеют конкретной привязки к месту два виртуальных региона «квази-Север» и «глубокий Юг». Транснациональный и спекулятивный «квази-Север» - это международная армия дельцов, чиновников и всех, чье благосостояние зависит от финансовых операций, т.е. по существу фантомной экономики, лишенной промышленной базы. «Глубокий Юг» - это зона «падающих государств», криминалитета, наркоторговли, терроризма, торговли оружием.

В качестве геоэкономического «российского проекта» А.Некlessа предлагает формирование «гипер-Севера» - превращение России в зону сверхинтенсивного научно-технического развития и высоких технологий. Форсированная модернизация, считает он, способна дать России шанс на выживание в глобальном геополитическом соперничестве.

Геоэкономисты акцентируют внимание на возрастающем значении геоэкономических факторов по сравнению с геополитическими. Исходя из этого посыла, они рассматривают Россию как страну, которая должна воспользоваться своим расположением трансрегиональной державы для обеспечения экономического процветания и социального развития, решения проблем безопасности. Приверженцы геоэкономического мышления выдвигают ряд конкретных проектов превращения России в центр геоэкономической активности Евразии, связывающий воедино Европу и Азию.

Примером геоэкономического мышления является разработанная С.М.Роговым «Евразийская стратегия для России», в рамках которой предлагается построить проходящий по ее территории «коммуникационный мост» между западной, восточной и южной оконечностями Евразии путем

развития наземных, морских и электронных видов транспорта. Экономическая рентабельность проекта, по мнению С.Рогова, состоит в том, что в случае его реализации протяженность коммуникаций, связывающих Европу и Азию, сократится по крайней мере в два раза⁸⁶.

В.А.Колосов и Н.С.Мироненко видят российскую идентичность в развитии «геополитики взаимодействия» (термин авторов) с тремя геоэкономическими полюсами – Западом, Китаем и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Для объединения юга, востока и запада Евразии, считают они, государству и частному сектору следует реализовать ряд транснациональных проектов, прежде всего в создании систем транспортировки нефти и газа, которые проходили бы по территории России⁸⁷.

Развивая геоэкономическую аргументацию, В.А.Колосов и Н.С.Мироненко главным приоритетом России считают обеспечение стабильности в Евразии прежде всего путем создания системы коллективной безопасности. По их мнению, внешняя политика России должна быть многовекторной, подчиненной национальным интересам и отражающей ее центрально-евразийское местоположение.

«Стабилизаторство» возникло как реакция на либеральный «крен» во внешней политике России начала 90-х гг. и часто ассоциируется с именем Евгения Примакова. «Стабилизаторские» взгляды отражены в неоднократно переиздававшейся работе К.С.Гаджиева «Геополитика» (Учебник) (М., 2011) и его монографии «Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка» (М., 2011).

К.С.Гаджиев был одним из первых отечественных ученых, кто в посттоталитарный период увидел значимость геополитического знания для анализа реалий формирующегося полицентрического мироустройства. В ситуации нарастающей турбулентности и неопределённости он обратил

⁸⁶ См.: Рогов С.М. Евразийская стратегия для России. М., 1998.

⁸⁷ См.: Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. Учебник для вузов. М., 2002.

внимание на необходимость выбора каждым актором геополитики собственного пути развития, поддержания контактов со всеми центрами силы, одновременно «играя в несколько игр».

Идеи и рекомендации геоэкономистов и стабилизаторов конструктивны для решения проблем геополитического самоопределения России. Они активно поддерживаются государством, партиями и движениями государственнической ориентации, частью либералов, а также национально-ориентированными частными компаниями, вызывают интерес за рубежом.

6.3. Геополитические воззрения российских либералов

После окончания холодной войны и геополитического переформатирования пространства СССР отечественные исследователи разных направлений пытаются осмыслить проблему геополитической идентичности России, ее место и роль в современном мире, характер отношений с другими странами и регионами.

Как уже отмечалось, приверженцы концепции неоевразийства исходят из упрощенных тезисов о неизменности национальных интересов России и ее особой роли как географического центра мировой политики и собирателя земель Евразии, о необходимости борьбы с атлантической цивилизацией и ее лидером – Соединенными Штатами, о «мондиалистском заговоре» против России. Неоевразийство во многом определяет позиции левых и националистических кругов. Реализация неоевразийских идей уводила бы Россию от столбовой дороги цивилизации и осложнила бы ее отношения с внешним миром.

Российские либералы со своих мировоззренческих позиций пытаются осмыслить проводимый внешнеполитический курс и предлагают альтернативные подходы к ряду международных проблем, формулируют свое видение роли внешней политики России в модернизации страны, активно

опонируют неоевразийству в его различных модификациях. К числу наиболее известных экспертов в этой области следует отнести прежде всего А.Г.Арбатова, Т.В.Бордачева, Вл.Л.Иноземцева, С.А.Караганова, И.М.Клямкина, С.В.Кортунова, В.П.Лукина, В.Е.Петровского, Д.В.Тренина, Л.Ф.Шевцову, В.Л.Шейниса.

Проблематика российской внешней политики и геополитики отражена в многочисленных публикациях ученых, их интервью средствам массовой информации. Она рассматривается в книге «Россия и Запад: внешняя политика Кремля глазами либералов», изданной Фондом «Либеральная миссия» в 2009 г., работе Л.Ф.Шевцовой «Одинокая держава: почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом» (М.: РОССПЭН, 2010), исследовании Д.В.Тренина «Post-Impetium: евразийская история» (М.: Московский центр Карнеги, 2011). Вопросы внешней политики и безопасности России исследуются в работе А.Г.Арбатова «Уравнение безопасности» (М.: РОДП «Яблоко». 2010).

Для идей российских либералов по международно-политической проблематике характерны в целом адекватное отражение сложности и противоречивости переживаемого человечеством этапа мирового развития, ориентация на поиск оптимальной модели геополитического самоопределения России в условиях турбулентной международной среды и становления многополярного мира.

Либеральное направление исходит из того, что состояние и перспективы международных отношений во многом определяется глобализацией как главной тенденцией мирового развития. Анализируя феномен глобализации, либералы констатируют такие реалии, как усиление всеобщей взаимозависимости народов и государств; формирование единых для всех акторов норм, режимов и ценностных ориентацией; прогрессирующая проницаемость границ с сопутствующими этому процессу позитивными и негативными последствиями; транснационализация государственного суверенитета; рост числа и влияния негосударственных акторов, в том числе

индивидов; возникновение мирового коммуникационного сообщества; осознание мира как единого целого. Под воздействием глобализации мир, по оценке либералов, вступает в период пересмотра старых догм, перегруппировки существующих союзов и формирования новых альянсов.

На ближайшее десятилетие прогнозируется вероятное ухудшение управляемости международными политическими и экономическими процессами, обострение борьбы между странами либерально-демократического Запада и их азиатскими конкурентами, усиление элементов хаотизации в международных отношениях. Финансово-экономический кризис расценивается как одно из проявлений эрозии регулирования в мире.

Причины нарастания глобальной нестабильности либералы видят в сокращении роли и влияния США из-за поражений в Ираке и постиранского синдрома, во внешнеполитической слабости Евросоюза и неспособности мирового сообщества создать эффективную систему институтов управления глобальными процессами, возможно, на основе нового «концерта наций» XXI века, ослаблении или разрушении норм и правил, регулирующих наиболее значимые области поведения государств. Между тем, потребность в согласованной политике будет увеличиваться по мере обострения большинства глобальных проблем – деградации климата, усиления демографических диспропорций разного уровня, дефицита пресной воды, ожидаемого подъема террористической активности исламизма, которая после ухода США из Ирака может распространиться на другие регионы⁸⁸.

Значимое место в публикациях отечественных либералов занимает анализ вероятных последствий эволюции международных отношений от однополярности к полицентрическому мироустройству. Вопреки преобладающему в российском политическом классе убеждению в позитивных последствиях этого процесса, в том числе для России, либералы, обращаясь к историческому опыту, напоминают, что в минувшем столетии многополярность

⁸⁸ См.: Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / Отв. ред. и рук. авт. кол. С.А.Караганов. М., 2008.

дважды завершалась мировыми войнами, а биполярность и однополярность позволяли избежать разрушительных конфликтов. Утрата Соединенными Штатами доминирующих позиций в мире, соперничество центров силы, резонно констатирует В.Л.Иноземцев, сами по себе не решают проблему формирования устойчивого мироустройства⁸⁹. Неспособность наиболее влиятельных государств конструктивно взаимодействовать между собой, полагает он, может воссоздать ситуацию, которая приводила к мировым войнам. В этой связи нуждаются в прояснении вопросы: в какой именно многополярности заинтересована Россия и какую многополярность ей выгодно укреплять?

Российская внешняя политика последних десятилетий оценивается либералами как преимущественно реактивная, лишённая продуманной стратегии и изобилующая экспромтами. Обоснованно констатируется, что краткосрочный, ситуативный прагматизм позволяет поддерживать существующий статус страны, но явно недостаточен для её утверждения в качестве одного из центров силы современного мира. Обращается внимание на амбивалентность как характерную особенность позиции России в вопросах её взаимоотношений с внешним миром, проявляющуюся в двойственности и непоследовательности позиции по ряду ключевых международных проблем. Отмечается усиление имперского начала и тяги к сверхдержавности при отсутствии сил и средств для их реализации. Не разработан алгоритм интеграции с мировым сообществом. Как справедливо констатируется в ряде публикаций, в обстановке глобальной конкуренции и геополитических сдвигов, будет возрастать потребность в новом качестве внешней политики, модернизации её содержания и инструментария⁹⁰.

⁸⁹ См.: Иноземцев Вл. С тревогой о России. Рецензия на книгу Е.М.Примакова. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость (М.: «Российская газета», 2009) //Свободная мысль. 2009. №3. С.199-200.

⁹⁰ Козловский Б.П., Лукин А.В. От активности к эффективности. Когда внешняя политика избавится от советского наследия //Россия в глобальной политике. №3. Май-Июнь 2012;

Фундаментальная причина ограниченной эффективности российской внешней политики либералам видится в незавершенной самоидентификации страны, отсутствии у власти и общества ясности в ряде экзистенциальных вопросов: куда Россия движется и какое государство строит, считает она себя наследницей российской империи и СССР или национальным государством, кто её союзники, партнёры и противники, какой должна быть долгосрочная стратегия.

По мнению либералов, для того, чтобы оптимально вписаться в современный международный контекст России необходимо трансформироваться в национальное государство. Без определения идентичности, внешняя политика России будет носить переходный характер со всеми свойственными такому периоду проявлениями неэффективности. Осознание элитой и социумом цивилизационной, геополитической, социально-экономической специфики страны и формирование на этой основе национальных интересов, как убедительно показано в исследовании Е.В.Петровского, жизненно важны не только для неё, но и для всего мира⁹¹.

Принципиально важную роль в превращении России в высокоразвитое государство, влиятельного актора мировой политики либералы отводят достижению партнёрских, а в перспективе и союзнических отношений с ведущими центрами силы современного мира – США и Объединённой Европой, располагающими наибольшим инновационным потенциалом. Миссия либералов, по утверждению Л. Ф. Шевцовой, «... заключается в том, чтобы доказывать, что нельзя модернизировать Россию без адаптации к западным стандартам, без включения России в евроатлантическое пространство»⁹².

Тренин Д.В. Внешнеполитические перспективы России // Pro et Contra Т.15ю №1-2. Январь- апрель. 2011.

⁹¹ Петровский В.Е. Россия и мир: избавляясь от имперской ностальгии. Lambert Academic Publishing . 2011.

⁹² Шевцова Л.Ф. Одинокая держава: почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М.. 2010. С.264.

В этой связи совершенно обоснованно констатируется, что Запад не сможет инкорпорировать в свои институты государство, где не соблюдаются права человека, нет реального разделения властей, прозрачных выборных процедур, свободной прессы. Либералы полагают, что при отсутствии достаточных внутренних предпосылок для либерально-демократической трансформации России, ее успех в существенной степени зависит от политики Запада. Его влияние на внутривнутриполитические процессы мыслится не как прямое вмешательство в политические процессы, «экспорт демократии», а как создание внешнего пространства и соответствующих стимулов для российской модернизации⁹³.

Акцентируя приоритетность для России сотрудничества с наиболее развитыми странами, либералы считают неприемлемым возвращение к положению «младшего брата» Запада начала девяностых годов. В связи с тем, что Запад часто не учитывает интересы России или вовсе игнорирует их, в либеральной среде нередко звучит тезис о необходимости обеспечения равноправного и достойного партнёрства, жёсткости в отстаивании коренных интересов страны (а не бюрократической элиты). Предлагается максимально прагматизировать внешнюю политику, диверсифицируя международные связи РФ, сотрудничая, если это выгодно, с любыми государствами, прибегая к геополитическому балансированию между глобальными и региональными «центрами силы»

Между сторонниками прозападного курса России имеются определённые различия в акцентировании предпочтительности преимущественно проамериканской или проевропейской ориентации страны. Сторонники приоритетности для России отношений с США подчёркивают доминирующую значимость потенциала этой страны в сфере международных отношений и относительную ограниченность возможностей Объединённой Европы в должной мере содействовать российской модернизации. Приверженцы

⁹³ Россия и Запад. Внешняя политика Кремля глазами либералов / Под ред. И.М.Клямкина. М., 2009. С.38-40.

первоочередной значимости стратегии союза России и Европы исходят из их культурно-цивилизационной общности, социальной и экономической взаимодополняемости, позволяющих создать Большую Европу как потенциальный центр силы наряду с США и Китаем, способный стать одной из опор полицентрического миропорядка.

По оценке экспертов-авторов доклада «Отношения Россия – США после «перезагрузки»: на пути к новой повестке дня», подготовленного Советом по внешней и оборонной политике» (далее СВОП), «перезагрузка» привела к позитивным изменениям в содержании российско-американских отношений, существенно ослабила угрозу их отката к системной конфронтации. Нынешнее улучшение отношений между Россией и США отличается от предыдущих более прочная основа – чёткое и прагматичное понимание странами своих интересов и возможности конструктивного взаимодействия⁹⁴.

Главный недостаток «перезагрузки» либералы видят в том, что она не придаёт российско-американским отношениям стратегической цели и перспективы, развивается в значительном отрыве от магистральных тенденций международного развития и возможностей, открываемых перед участниками. Отмечается обращённость позитивных перемен преимущественно в прошлое и их наполненность либо сюжетами минувшего времени, либо текущими потребностями сторон (Иран, Афганистан и др.).

По мнению экспертов, для предотвращения мирового беспорядка и связанных с ним угроз необходима выработка новой философии отношений между США и Россией, способной придать им новое качество, включая элементы военно-политического союза с целью противодействия значительной части спектра беспрецедентных вызовов.

Важное условие движения к качественно новому партнёрству между США и Россией эксперты видят в преодолении превалирующих в обоих государствах настороженности и недоверия, пересмотре устаревшей и

⁹⁴ Отношения Россия – США после «перезагрузки»: на пути к новой повестке дня. Взгляд из России / Под ред. С.Караганова. М., 2011. С.3.

неадекватной интеллектуальной парадигмы времён холодной войны, смене её на более реалистичную и модернистскую, способную радикально изменить политику. Имеется ввиду осознание того факта, что в сегодняшнем, а тем более завтрашнем мире Россия и США не представляют друг для друга главную угрозу, которая ныне связана с тенденциями и событиями внешними по отношению к взаимодействию обоих государств.

Приверженцы ориентации России прежде всего на Европу ссылаются на то обстоятельство, что она является частью европейской цивилизации, хотя и особого, в силу исторических обстоятельств, ее ответвления. С их точки зрения, национальные интересы России заключаются в преобразовании собственного общества в соответствии с европейским опытом и при содействии европейских государств. Европейскому выбору России способствует действие таких факторов, как неблагоприятная демографическая ситуация, экономическое и технологическое отставание, неспособность самостоятельно освоить территории и природные ресурсы, геополитическая уязвимость перед натиском исламского фундаментализма и миграционного давления со стороны Китая.

Более того, в условиях глобальных вызовов Россия и Европейский Союз взаимозависимы и смогут выжить только вместе, интегрируясь в Большую Европу от Ванкувера до Владивостока. По мнению экспертов, конкретные сроки, формы и пути образования нового центра силы естественным путём определятся с течением времени.

Оптимальный, если не единственный, способ интеграции России и ЕС авторы доклада СВОП «К Союзу Европы» видят в создании на пространстве Евразии нового межгосударственного объединения, важнейшим элементом которого должны стать правила поведения и механизмы взаимодействия участников, основывающиеся на общей культурной среде и способные воспринимать самые революционные изменения международной обстановки. Представляется вполне обоснованным их алармизм по поводу того, что хлёткая метафора «Закат Европы» может стать реальностью, если в

ближайшие пять лет обе части Европы не определятся со стратегией соразвития, а в следующие десять лет не смогут построить основы предполагаемого Союза Европы⁹⁵.

Либералы, ссылаясь на данные опросов общественного мнения, считают, что в российском обществе есть силы, способные поддержать европейский выбор и имеют реальные шансы вызвать симпатии избирателей. Отмечается, что, несмотря на существующий у части социума негативизм в отношении европейской направленности внешней политики страны и особенно её активного вовлечения в многосторонние структуры, нарастающая плотность экономических и культурных связей между Россией и Европой, миролюбивая и негегемонистская внешняя политика ЕС формируют в сознании россиян благоприятный облик Европы. Действие этих факторов способствует созданию широкой социальной базы проевропейских сил страны.

Среди экспертов-либералов преобладает мнение о существовании для России выбора не между Америкой и Европой, соотносимых с европейской цивилизацией, а встраиванием в сообщество постиндустриальных государств и неизбежностью постепенной маргинализации, превращения в «падающее» государство, сырьевой придаток Китая. Проблемы Евразии предлагается решать на основе многостороннего партнерства с Западом и прежде всего с Соединенными Штатами, уже завоевавшими важные позиции на этом континенте.

Рассматривая Европейский Союз и Соединенные Штаты как наиболее важных экономических и политических партнеров России, либералы считают оптимальной для нее глобальной стратегией – стать частью единого пространства развитых демократических государств, замкнуть Северное кольцо цивилизованных наций, протянувшееся от Европы до Японии. Они признают, что процесс интеграции России в западное сообщество не будет ни простым, ни

⁹⁵ Караганов С.А. К союзу Европы / Аналитический доклад российской группы международного дискуссионного клуба «Валдай» /С.А.Караганов, Т.В.Бордачёв, Ф.А.Лукиянов и др. (31 августа – 7 сентября 2010) М., 2010. С.7.

быстрым, поскольку потребует модернизации и адаптации к его стандартам существующих институтов и практик. Предполагается воспользоваться укреплением позиций России как дополнительным шансом для активизации сотрудничества с Европейским Союзом и Соединенными Штатами.

Продуктивной, а, возможно, и прорывной представляется предложенная В.Л.Иноземцевым идея создания при участии России «нового Запада» в противовес формирующемуся «новому Востоку», и прежде, всего возвышению Китая. Международное сообщество, которое кроме Соединенных Штатов и Европейского Союза включало бы государства, сформировавшиеся на западной культуре, - прежде всего Россию и наиболее крупные страны Латинской Америки, стало бы самым мощным в истории субъектом мировой политики и экономики, способным существенно снизить угрозы кризисов в Азии как потенциально наиболее конфликтном регионе мира. Такая ассоциация могла бы стать притягательным фактором для правительств и народов, в той или иной степени обращенных к Западу, и для всего человечества. Выгода для России от расширения границ западного мира состояла бы в том, что был бы задан четкий вектор ее развития, существенно расширились бы возможности модернизации страны. Образование «расширенного Запада» не означало бы создания глобального антикитайского альянса уже потому, что ни один из его участников не был бы заинтересован в военном противостоянии с Китаем⁹⁶.

При всей сложности реализации этой схемы продвижение в заданном ею направлении могло бы существенно повысить степень управляемости мировым развитием, сыграть стабилизирующую роль в международных отношениях.

Согласно преобладающему среди российских либералов мнению, России со временем следует вступить в НАТО, которое оценивается ими как союз демократий, где эффективно действуют все институты, и Россия могла бы многому поучиться. В НАТО либералы видят организацию, располагающую необходимым инструментарием обеспечения стабильности в мире и в

⁹⁶ См.: Иноземцев В.Л. Контуры посткризисного мира//Россия в глобальной политике. Т.7.№3. Май-Июнь. 2009. С.86-89.

перспективе способную стать основой для формирования системы международной безопасности. Членство в альянсе открывало бы перед Россией возможность участвовать в принятии решений по ключевым проблемам мирового развития и контролировать их выполнение.

Непосредственную интеграцию России в НАТО эксперты считают преждевременной. Ближайшую задачу они видят в надёжной стабилизации достигнутого уровня сотрудничества с этой организацией, придании позитивным тенденциям в отношениях с Западом необратимого характера.

По мнению Д. В. Тренина, вместо выдвижения задачи интеграции России в НАТО необходим курс на демилитаризацию отношений между ними, формирование Евро-Атлантического сообщества безопасности, в рамках которого война как средство решения возникающих конфликтов была бы гарантированно исключена⁹⁷.

Перспективна предлагаемая А.Г.Арбатовым стратегическая линия российской внешней политики в отношении НАТО, включающая два взаимосвязанных направления: «Первое: избегая лобового сопротивления расширению НАТО, замедлить или вовсе заблокировать те его аспекты, которые противоречат интересам РФ как в географическом плане (вступление Украины, Грузии, Азербайджана), так и в функциональном отношении (расширение военного присутствия и силовые акции на постсоветском пространстве помимо или вопреки позиции РФ). Второе: не напрашиваясь на членство в союзе, через разнообразные каналы сотрудничества сделать фактическую роль России для трансформации и выполнения новых задач НАТО более значительной, чем у большинства «старых» и тем более «новых» членов. Задача максимум – это попытаться использовать ресурсы альянса в российских интересах»⁹⁸.

⁹⁷ Тренин Д.В. Внешнеполитические перспективы России // Pro et Contra. Т.15. №1-2. Январь-апрель.2012. С.112-113.

⁹⁸ Арбатов А.Г. Уравнение безопасности. М., 2010. С.121.

С точки зрения либералов, российской элите следует исходить из того, что государства Запада и прежде всего Соединенные Штаты заинтересованы в ее способности обеспечить стабильность на территории России, и необходимо всемерно использовать эту заинтересованность для ускоренной модернизации страны. Влияние на американскую политику может быть эффективным с позиций партнерства, а не конфронтационности, с учетом лидерства Соединенных Штатов в обозримой перспективе и значимости их роли в формировании нового миропорядка.

В этой связи либералами оцениваются как неуместные и наносящие урон престижу России демонстрации военной активности, видимо, призванные служить доказательством того, что она «встает с колен». «На профессиональных американских стратегов,- констатирует А.Г.Арбатов,- это производит впечатление попыток сыграть на патриотизме внутри России и «подразнить» США с использованием неадекватных (как в Пентагоне говорят – «бутафорских») военных средств»⁹⁹.

Либералам представляются явно завышенными ожидания части российского правящего класса в отношении шансов на укрепление международного статуса страны благодаря ее принадлежности к группе БРИГС, которая нередко рассматривается как некая альтернатива и противовес Западу. Констатируется, что позиционирование на поле БРИГС может дать России дополнительные возможности для отстаивания своих интересов на некоторых направлениях мировой политики, получения внешних инвестиций благодаря огромным валютным резервам Китая. Акцентируется и целесообразность использования этого неформального института для выдвижения новых международных инициатив, обмена опытом по ключевым вопросам экономического развития и решения проблем модернизации.

Вместе с тем в качестве стратегически значимых для России рассматриваются реалии иного свойства. Между странами группировки

⁹⁹ Арбатов А.Г. Военно-политические аспекты отношений США с Россией // Международные процессы. Т.7. №1 (19). Январь-апрель 2009. С.33.

БРИГС нет ничего принципиально общего. Они слишком разные по своей истории, традициям, политическому развитию и имеют свои, во многом не совпадающие интересы. Все страны этой группы в той или иной мере действуют с оглядкой на Соединенные Штаты, которые, несмотря на ослабление своих позиций, продолжают оставаться наиболее могущественным государством мира. С учетом же предполагаемого расширения группы БРИГС за счет новых международных акторов (Мексика, Индонезии и др.) это объединение, имеющее во многом виртуальный характер, скорее всего превратится в фантом.

Либералы считают, что в интересах России учесть советский «опыт» дружбы с развивающимися государствами «антиамериканской ориентации». Рациональным использованием российских средств были бы не оплата «дружбы» с «союзниками» из числа таких государств (например, Венесуэла), и финансирование фантомных геополитических проектов, а их эффективное вложение в отечественную экономику, которое позволило бы повысить качество жизни сограждан. Кроме того, сотрудничество или солидаризация с радикальными антизападными режимами дистанцируют от России те государства, которые благодаря своему промышленному и научно-техническому потенциалу могут способствовать превращению её в современное постиндустриальное государство.

Конструктивна и актуальна мысль о необходимости чёткого ранжирования целей и приоритетов внешней политики России, исходя из того, что её главной задачей должно стать сотрудничество со странами, которые могут дать ресурсы для достижения высокого статуса в XXI веке¹⁰⁰.

Цивилизационно ориентируясь на Запад и двигаясь к созданию общеевропейского пространства, Россия, по мнению либералов, должна в полной мере использовать такой внешний ресурс модернизации, как растущий потенциал Азиатско-Тихоокеанского региона. Представляется обоснованным

¹⁰⁰ Шейнис В.Л. Национальная безопасность России. Испытание на прочность (Часть 2) // Полис.2010. №1. С.39.

тезис Д.В.Тренина о том, что России следует осознать себя евро-тихоокеанской страной и «запустить» развитие своих восточных регионов по модели «двойной интеграции» - внутрироссийской и азиатско-тихоокеанской¹⁰¹.

Для существенного повышения геополитического и геоэкономического потенциала России и сохранения её восточных регионов представляется продуктивной парадигма освоения Сибири, предлагаемая отечественными экспертами В. И. Иноземцевым, И. В. Пономарёвым и В. А. Рыжковым, - индустриализация и новое научно-техническое развитие благодаря перераспределению сырьевых доходов в пользу региона и привлечение высоких технологий из Южной Кореи, Японии и Соединённых Штатов¹⁰².

Выбор в пользу этого пути позволит осуществить историческую миссию России в регионе – «замыкание» «Северного кольца» - союза современных демократических государств от Европы через Россию и Японию к Соединённым Штатам. Атлантический блок, состоящий из США и стран ЕС, должен дополниться Тихоокеанским блоком, включающим Россию, Японию и Соединённые Штаты. Китай же останется важным торговым партнёром России, покупающим у неё не сырьё и энергоносители, а продукцию высокотехнологичных отраслей сибирской промышленности. Такое развитие позволит Сибири позиционироваться как «Европе в Азии», мосту, соединяющему не Россию и Китай, а Европу и Америку.

В новых условиях Сибирь может превратиться в центр промышленного роста и развития экономики, аналогичный Калифорнии на Западном берегу Тихого океана. В этом случае Россия, как и Соединённые Штаты, стала бы страной, основные центры которой тяготели бы к двум великим океанам и были ориентированы соответственно на европейский и азиатский рынки. Именно такой видится устойчивая геополитическая конструкция России в XXI веке и

¹⁰¹ Тренин Д.В. Внешнеполитические перспективы России //Pro et Contra. 2011. Т.15. №1-2. Январь-апрель. С. 114.

¹⁰² Иноземцев В.И., Пономарёв И.В., Рыжков В.А. Континент Сибирь // Россия в глобальной политике. №6. Ноябрь-Декабрь. 2012.

новая российская идентичность, по своим основам европейская, а по направленности – глобальная и космополитическая.

Акцентирование либералами приоритетности для России отношений с Западом коррелирует с позицией западных экспертов, которые исходят из того обстоятельства, что интересам США, прежде всего в сфере национальной безопасности, отвечает активное взаимодействие с Россией по жизненно важным проблемам - нераспространения и сокращения ядерного оружия, энергодиалога, контртерроризма, изменения климата, киберугроз, пиратства и т.д. Этой позиции с различными нюансами придерживаются сторонники как «избирательного сотрудничества» с Россией (например, политологи Т. Грэм, Д. Саймс и др.), так и стратегического партнерства с ней путем интеграции в институты евро-атлантического сообщества, прежде всего НАТО (например, политологи Ч. Капчан, Р. Легвольд и др.)].

Как ключевая проблема обеспечения безопасности России, её гуманитарных, экономических, политических и военных интересов либералами рассматриваются отношения с ближним зарубежьем. Для эффективного позиционирования России на постсоветском пространстве они считают необходимым, во-первых, определиться с тем, чего мы хотим от различных стран СНГ и к чему намерены стремиться в отношениях с ними, и, во-вторых, параллельно с наращиванием собственной привлекательности задействовать инструментарий «мягкой силы» для укрепления влияния на эти страны – фактор русского языка как средства общения; воссоздание системы вузовского образования, расширение влияния московского патриархата на русскоязычный мир и т.д.

Представляется обоснованным мнение экспертов: связи с Россией могут обрести в странах СНГ статус национальных приоритетов лишь при условии, что политика по отношению к ним будет твёрдо придерживаться принципов равноправия, невмешательства во внутренние дела, признания безусловного

права устанавливать отношения с третьими странами по их выбору и категорического отказа от каких бы то ни было территориальных претензий.

Значительное внимание либералы уделяют анализу идейных и социально-психологических факторов, с их точки зрения, препятствующих становлению России как цивилизованного государства и проведению ею успешной внешней политики. Они считают опасным для будущего страны «оборонное» сознание, доставшееся от прошлого и настойчиво реанимируемое влиятельными политическими силами, эксплуатирующими стереотипы времен холодной войны для поддержания психологической атмосферы осажденной крепости. Президент Института стратегического анализа А.А.Коновалов видит задачу либералов в том, чтобы помочь россиянам сформировать адекватное восприятие внешнего мира, свободное от мифов. В этой связи высказываемая некоторыми идеологами национал-патриотического толка идея установления в России жесткого режима и ее автаркического развития с упором на ресурсную самодостаточность расценивается как неконструктивная, способная отбросить страну на десятилетия¹⁰³.

По убеждению либералов, стране нужна не реактивная «многовекторность», а динамичная внешняя политика с глубоко продуманными инициативами, с четкой системой приоритетов и высокой степенью предсказуемости, достойной великой державы. Модернизация всех сфер общественной жизни, полагают они, естественно ориентирует направление внешней политики России как самой крупной и потенциально самой сильной экономической державы Европы. Можно согласиться с мнением А. Г. Арбатова о том, что «конкретные параметры, а также формы и пути равноправной и взаимовыгодной интеграции России с остальной Европой, как и сотрудничества с другими ведущими государствами – США, Китаем, Индией, Японией, определит время»¹⁰⁴.

¹⁰³ Россия и Запад: состояние и перспективы отношений. <http://liberal.ru/Discussions-Display Discussion. asp?Rel=255>

¹⁰⁴ Арбатов А.Г. Уравнение безопасности. М., 2010. С. 292

Для формулирования основных принципов, направлений и целей внешней политики России либералы считают необходимым конструктивный диалог между представителями всех ответственных политических течений – консервативного, социалистического и либерального. По их мнению, экспертное сообщество могло бы способствовать успеху диалога, предоставив в распоряжение его участников свои ресурсы.

Вышеизложенное дает основания для вывода о том, что внешнеполитические воззрения российских либералов в целом адекватно отражают сложность и противоречивость переживаемого человечеством этапа становления многополярного мира в условиях турбулентной международной среды. Либералы правомерно акцентируют внимание на отсутствии у России стратегической альтернативы партнёрству с Западом как важнейшему условию осуществления всеобъемлющей модернизации страны. Принципиальное значение в укреплении глобальных позиций России придаётся интеграции с Европой с перспективой создания Большой Европы как одного из «центров силы» формирующейся миросистемы. Избавление от имперского наследия рассматривается как одно из важнейших условий эффективности новой российской политики. При разбросе мнений по ряду вопросов эксперты-либералы в парадигмальном плане тяготеют к теоретической школе политического идеализма, что проявляется в акцентировании ценностей демократии, свободы, человека и морали.

Оценивая нынешнее состояние российской геополитической мысли, можно констатировать наличие спектра конкурирующих концепций, создатели которых пытаются с различных позиций интерпретировать возникшую в мире геополитическую ситуацию и место в ней России. Идет интенсивный поиск геополитической идентичности страны.

В целом российская геополитика переживает период становления. Вектор ее развития состоит в преодолении географического детерминизма, характерного для традиционной геополитики. Идеологизированность

концепций порождается соперничеством различных групп, претендующих на лидерские позиции в трансформирующемся обществе. Российской геополитике еще предстоит стать самостоятельной научной дисциплиной, призванной осмыслить реалии глобализирующегося мира, стать умеренно-государственнической дисциплиной, которая способствовала бы становлению демократической политической культуры граждан

6.4. Россиеведение о геополитике постсоветской России

Значительное место в современном западном россиеведении занимают публикации о российской внешней политике и её геополитическом измерении. При определённых различиях в трактовке конкретных событий их авторов объединяет стремление к созданию имиджа России как неоимперского государства, главная цель которого – установление контроля над пространством бывшего Советского Союза.

В статье известного американского политолога Л.Арона «Доктрина Путина» предпринята попытка обобщающего анализа российской внешней политики постсоветского периода¹⁰⁵. Проводится мысль о том, многое в российской внешней политике основывается на консенсусе, объединяющем с начала 1990-х гг. весь политический спектр – от прозападных либералов до сторонников левых взглядов и националистов. Этот консенсус зиждется на трёх геостратегических императивах, гласящих, что Россия должна оставаться ядерной сверхдержавой, великой державой во всей своей многогранной международной деятельности и гегемоном в своём регионе – экономическим, политическим и военным лидером. Этим консенсусом, полагает Л.Арон, проводится черта, отступить за которую Россия не может, не избежав национального унижения. Такая точка зрения оказалась удивительно

¹⁰⁵ Aron L. The Putin Doctrine. Foreign Affairs. 8.03.2013.

жизнеспособной, несмотря на все пертурбации последних десятилетий и смену политических режимов.

С избранием Путина президентом в 2000 г. к этой повестке дня была добавлена новая всеобъемлющая цель - восстановить экономические, политические и геостратегические активы, утраченные советским государством в 1991 г. Решимость и настойчивость российского руководства в достижении поставленной цели даёт основания Л.Арону назвать её доктриной Путина. Активные адепты этой доктрины – в основном представители советской и постсоветской номенклатуры, выходцы из КГБ, мечтающие об обеспечении существенного влияния, а при возможности и контроля над территориями за пределами Российской Федерации.

Новое измерение регионального гегемонизма России по отношению к пососветским государствам Л.Арон видит в попытке их «финляндизации», напоминающей советский контроль над внешней политикой Финляндии в период холодной войны. В рамках такой схемы Кремль позволяет своим соседям самостоятельно выбирать политические и экономические системы, но оставляет за собой последнее слово в вопросах их внешнеполитической ориентации. Соответственно он занимает жёсткую позицию по отношению к тем бывшим советским республикам, которые пытаются дистанцироваться от России и ориентировать свою политику на Запад (Грузия, Украина).

Курс на достижение регионального лидерства естественным образом ведёт к авторитаризму внутри страны и поиску средств его легитимации не в демократических институтах, а в апелляциях к внешним угрозам, обвинениях оппозиции в предательстве интересов страны и созданию атмосферы осаждённой крепости.

Набирающий силу фактор противодействия неоимперскому и авторитарному курсу Л.Арон видит в окрепшем демократическом движении, основу которого составляет формирующийся средний класс. В конечном счёте, прогнозирует автор, решающую роль в судьбе России сыграет народ, а успех

его демократических начинаний представляется намного более вероятным, чем когда-либо с 1991 г.

Такой сценарий, как считает Л.Арон, отвечает интересам Соединённых Штатов, а содействие процессу становления демократической и процветающей России должно стать ключевым приоритетом американской политики. В сложившейся ситуации он рекомендует американской администрации сделать стратегическую паузу в отношениях с Россией, сохранив возможность диалога и даже сотрудничества в некоторых сферах.

Перспективы реализации новейшей версии неоевразийства – создания Евразийского союза анализируются в статье А.Барбашина и Х.Тоберн « Как рухнет задуманный Кремлём евразийский замок из песка», опубликованной американским журналом «The National Interest»¹⁰⁶.

Авторы констатируют, что мысль о превращении России в основу геополитического центра, являющегося мостом между Востоком и Западом, давно привлекает российских правителей. На протяжении столетий они дважды пытались реализовать её: первый раз – в виде Российской Империи (1721-1917 гг.) и второй раз в виде Советского Союза (1922-1991 гг.). Нынешний проект предполагает возрождение геополитического гиганта, который был бы способен в XXI веке обеспечивать баланс между США, ЕС и Китаем.

Замысел сплочения «желающих» стран в составе уже функционирующего Таможенного союза, куда входят Россия, Белоруссия и Казахстан, а затем, следуя примеру европейской интеграции, постепенной трансформации его в политическое объединение, авторы оценивают как изначально незрелый и неполноценный. В подтверждение этой позиции приводится следующая, на наш взгляд, весомая аргументация.

Во-первых, у Евразийского союза нет универсалистской идеологии, которая лежала в основе советского проекта. Идеи большевизма и надежды на

¹⁰⁶ Barbashin., Thoburn H. The Kremlin's Collapsing Eurasian Sandcastle / The National Interest. Sept. 11, 2013.

коммунистическое будущее заряжали энергией элиту и граждан, помогая им преодолевать трудности и переносить потери, мириться с полным отсутствием политической и личной свободы. Евразийская концепция основывается на противопоставлении России Западу в социокультурном и экзистенциальном плане и лишена конструктивности в решении проблем постсоветского пространства. Евразийство в нынешнем варианте скорее носит имперский характер в отношении республик бывшего СССР.

Во-вторых, в Евразийском союзе будут заложены все недостатки, имеющиеся в сегодняшней России, прежде всего пренебрежение к правам человека, избирательное правосудие и тотальная коррупция. Естественно, что такая перспектива порождает у потенциальных членов объединения сомнения и опасения за свой суверенитет. Давление на Украину с целью принудить её к вступлению в Таможенный союз даёт наглядное представление о той ситуации, в которой окажутся возможные участники этого интеграционного объединения.

В-третьих, с созданием Евразийского союза на Россию ляжет основное бремя устранения диспропорций в экономическом развитии между нею и «желающими» вступить в него бедными странами – Киргизией и Таджикистаном. В связи с этим России придётся инвестировать обе страны, как это делает ЕС в настоящее время по отношению к странам Южной Европы и в прошлом – по отношению к большинству восточноевропейских государств. Дополнительные расходы могут существенно ухудшить экономическую ситуацию в самой России и стать источником недовольства подавляющего большинства населения.

В-четвёртых, препятствиями для создания Евразийского союза являются усиление национализма в России и негативное отношение к мигрантам из Средней Азии. Это осложняет реализацию проекта, тем более что он предусматривает существенное ослабление пограничного контроля и отказ от квот на трудовых мигрантов. Вхождение в Евразийский союз Киргизии и

Таджикистана может лишь привести к ещё большему росту напряжённости, которая уже достигла опасного уровня.

Наконец, в-пятых, в отличие от Европейского союза элиты и руководители стран-участников Таможенного союза не намерены поступаться с большим трудом сконцентрированной властью, разделять ответственность и делегировать полномочия.

С общим выводом А.Барбашина и Х.Тоберн можно вполне согласиться: российскому руководству следует признать иллюзорность евразийского проекта и сосредоточить усилия на решении многочисленных проблем своей страны.

Оценивая Россию как страну, находящуюся в состоянии упадка, зарубежные аналитики констатируют дефицит «мягкой силы» в её политике. «Мягкая сила» любой страны в понимании создателя этого термина Дж.Най зиждется в основном на трёх ресурсах – её культуре (когда она привлекает других), политических ценностях (когда страна придерживается их у себя и за рубежом) и её внешней политике (когда она выглядит легитимной, нравственной и авторитетной). Констатируя, что слить эти ресурсы в единое целое бывает очень непросто, ошибкой России и Китая Дж.Най считает то, что главный инструмент «мягкой силы» они видят в государстве, а не в умении соизмерять свои слова и дела в политике, быть самокритичными и в полной мере раскрывать потенциал своих гражданских обществ. Согласно Дж.Наю, «мягкую силу» Америке в значительной мере создаёт не государство, а гражданское общество – всё, начиная от университетов и фондов и кончая Голливудом и поп-культурой ¹⁰⁷[3]

Оценивая место и роль России в глобальной геополитике, западные исследователи считают, что по ключевым позициям она уязвима. Её экономическое положение весьма хрупко из-за зависимости от цен на энергоносители. Нет осязаемого продвижения по пути модернизации и

¹⁰⁷ Nye J. What China and Russia Don't Get About Soft Power // Foreign Policy. April 29, 2013.

разностороннего развития. Углубляющаяся социальная дифференциация и миграционные процессы усиливают напряжённость, порождают конфликтность. Вероятное ослабление страны, по мнению аналитиков, даст возможность Западу не усиливать на неё нажим, а полагаться на фактор времени и одновременно прагматически сотрудничать в области экономики.

Заключение

Вышеизложенное даёт основание утверждать, что геополитика представляет собой динамично развивающуюся научную дисциплину, отражающую стремительную трансформацию мирового политического ландшафта. За непродолжительный по историческим меркам период существования изменился предмет её исследований, охватывая всё новые проблемы развития природы и общества. В последние годы категориальный аппарат геополитики обогатился рядом новых категорий (геополитическая картина мира, геополитическая структура мира, геополитическая эпоха, геополитическая структура мира и др.)

К настоящему времени геополитика стала комплексной многоуровневой дисциплиной, анализирующей развитие событий на глобальном, региональном, субрегиональном и внутригосударственном уровнях. Расширение предметного поля геополитики проявляется и в возникновении новых субдисциплин, прежде всего геоэкономики, геофилософии, геоистории, экологической геополитики, космической геополитики (астрополитики).

Как научная дисциплина геополитика представляет собой пёструю амальгаму конкурирующих школ и теорий. Наиболее разработанной и влиятельной является американская школа геополитики. Её ведущие представители оказывают непосредственное воздействие на формирование политического курса единственной сверхдержавы в качестве экспертов и/или высокопоставленных чиновников. Недавними примерами тому служат карьеры Г.Киссинджера, Зб.Бжезинского, С.Хантингтона и др.

Характерной отличительной особенностью современной геополитики становится её фокусирование не на пространстве, а на человеке, владеющем пространством, концентрация исследований на изучении новых пространственных сфер – космоса и виртуальной среды. Значительное

внимание геополитика уделяется анализу влияния на геополитическую картину мира миграционно-демографических процессов.

Предстоит осмыслить геополитические последствия смещения центра международной системы на Восток, в Азию. Именно в этом ареале находятся наиболее динамично развивающиеся государства, куда переключается внимание глобальных экономических акторов, которых привлекают растущие рынки, впечатляющая динамика хозяйственного роста и высокая энергетика человеческого потенциала. Вместе с тем именно в этом регионе существуют наиболее острые проблемные ситуации – территориальные и этнополитические конфликты, очаги терроризма.

В практических рекомендациях ведущих геополитиков акцент смещается с инструментария «жесткой силы» на инструментарий экономический, финансовый, научно-технический, коммуникационный и т.п., условно объединяемый понятием «мягкой силы». Применительно к России к числу важнейших составляющих «мягкой силы» относят прежде всего достижения её культуры. Умелое использование этого инструментария рассматривается как важнейший фактор формирования позитивного имиджа государств, их позиционирования как центров притяжения других стран.

Библиография

1. Андрианова Т.В. Геополитика и культура: Аналитический обзор /РАН ИНИОН. М., 2001.
2. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. Пер. с англ. М.: Международные отношения. 1993
3. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска: господство Америки и его стратегические императивы: Пер. с англ. М.: Международные отношения. 1998.
4. Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство: Пер. с англ. М.: Международные отношения. 2010.
5. Бжезинский Зб. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. Пер. с англ. М.: Международные отношения. 2012.
6. Бочаров И.Ф. Роль морских сил в осуществлении геополитики США // США- Канада: экономика, политика, культура. 2011. №5.
7. Бурлаков В.А. Проблема определения предмета и места геополитики в современной российской политической науке // Полития. №2 (49). 2008.
8. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М.: 000 Издательство АСТ. 2003.
9. Василенко И.А. Геополитика современного мира. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЮРАЙТ. 2010.
10. Гаджиев К.С. Геополитика: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 2011.
11. Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Экономика. 2011.
12. Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М.: Логос. 2010
13. Галенович Ю.М. «Великое возрождение» и «Морская цивилизация» Китая //Свободная мысль. 2013. №3.
14. Геополитика: Антология. М.: Академический проект, культура. 2006.

15. Геополитика: Классические школы геополитики; Современная российская геополитика: Хрестоматия (сост. Б.А.Исаев). СПб.: Питер. 2007.
15. Гловели Г.Д. Российские экономико-геополитические школы // мировая экономика и международные отношения. 2010. №11.
16. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ЭКСМО, 2007.
17. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989,
18. Дергачев В.А. Геополитика. Русская геополитическая энциклопедия. Интернет-издание. 2010.
19. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: Арктогея, 2000.
20. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора. 2007.
21. Дугин А.Г. Геополитика: учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект. 2011.- 583 с.
22. Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. М., 2003.
23. Замятин Д.Н. Геополитика образов и структурирование метапространства // Полис. 2003. №1.
24. Замятин Д.Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Полис. 2009. №1.
25. Зюганов Г.А. География победы. Основы российской геополитики М., 1997.
26. Иноземцев В.И., Пономарёв И.В., Рыжков В.А. Континент Сибирь // Россия в глобальной политике. №6. Ноябрь-Декабрь. 2012.
26. Исаев Б.А. Геополитика: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2006.
27. Исаев Б.А. Геополитика классическая и современная // Полис. 2011. №2.
28. Киссинджер Г. О Китае. Пер. с англ. М.: Изд-во «Астрель», 2012.
29. Классика геополитики. XX век: Сб./ Сост. К.Королев. М.: Изд-во «АСТ», 2003.

30. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2002.
31. Колосов В.А., Зотова М.В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа // Полис. 2012. №5.
32. Комлева Н. Геополитическое сжатие // Мировая экономика и международные отношения. 2003. №2.
33. Кортунув С.В. Становление национальной идентичности: Какая Россия нужна миру: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2009.
34. Кортунув С.В. Современная внешняя политика России: стратегия избирательной вовлеченности. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2009.
35. Кочетов Э.Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства. Учебник для вузов. М.: Норма. 2011.
36. Лебедева М.М. Мировая политика: Учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2006.
37. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Под ред. П.А.Цыганкова. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2008.
38. Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. М.: Европа, 2009.
39. Мировая политика в условиях кризиса: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. С.В.Кортунова. М.: Аспект Пресс. 2010.
40. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1997.
41. Мунтян М.А. Геополитика: история и современность. М.: НП «Центр общественных экспертиз», 2009.
42. Мухаев Р.Т. Геополитика: учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
43. Мэхэн А. Влияние морской силы на историю. 1660 – 1783. СПб., 2002.
44. Нартов Н.А., Нартов В.Н. Геополитика. Учебник. М. ЮНИТИ – Дана. 2011.

45. Науманн Ф. Срединная Европа (Mitteleuropa). Пг.,1918
46. Неклесса А. Глобальное сообщество: новая система координат. СПб.: Алетей. 2000.
47. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО. 2000.
48. Родионов А.Н. Геополитика в ФРГ: новые тенденции эволюции / Политические процессы: старые проблемы и новые перспективы. М.: ИМЭМО РАН, 2009.
49. Россия и Запад: внешняя политика Кремля глазами либералов // Под ред. И.М.Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2009.
50. Савицкий П. Континент Евразия. М.: Аграф.1997.
51. Сирота Н.М. Геополитика: краткий курс. СПб.: Питер. 2006.
52. Сирота Н.М. Мировой порядок. СПб.: ИВЭСЭП, Знание. 2008
53. Сирота Н.М. Внешнеполитические ориентиры российских либералов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. №5 (19). Часть 11. Тамбов. 2012.
54. Сирота Н.М. Геостратегия России в полицентрическом мире //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. №6 (20). 2012. Часть 11. Тамбов. 2012.
55. Сирота Н.М. Демополяризация и полицентризация политической структуры мира //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. №5 (31). Часть 1. Тамбов. 2013.
56. Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв.ред. А.Д.Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2010.
57. Современные глобальные проблемы мировой политики: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М.М.Лебедевой. М.:Аспект Пресс, 2009.

58. Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В.Торкунова, А.В.Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012.
59. Соловьёв Э.Г. Россия в меняющемся мире: геополитические аспекты формирования российской национальной идентичности. М.: ИМЭМО РАН, 2010.
60. Страус А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового миропорядка и позиция России// Полис. 1997. №2.
61. Стратегический глобальный прогноз. Расширенный вариант / Под. Ред. Акад. А.А.Дынкина. М.: Магистр, 2011.
62. Тренин Д.В. Post-Imperium: евразийская история. М.: Московский центр Карнеги. 2011.
63. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ. 2005.
64. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль. 2001.
65. Цыганков П.А. Французская школа геополитики в 2000-х гг: отношения ЕС с Россией. //Международные процессы. Т.9. №2(26). Май-июнь 2011.
66. Цыганков П.А. Особенности французской геополитики //Международные процессы. Т.10. №1(28). Январь-апрель 2012.
67. Цымбурский В. Россия – Земля за Великим Лимитрофом. Цивилизация и её геополитика. М.: Едиториал УРСС. 2010.
67. Шевцова Л.Ф.. Одинокая держава: почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М.: РОССПЭН. 2010.
68. Шмитт К. Новый «номос» Земли //Элементы. 1993. №3.
69. Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря //Элементы. 1996/97. №8.
70. Челлен Р. Государство как форма жизни. Пер. с швед. М.А.Исаева. М.: РОССПЭН, 2008.
71. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир. 2004.

72. Alperovitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. The Use Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power. N.Y., 1965.
73. Ancel J. Geopolitique. Paris. 1936.
74. Brzezinski Zb. The Group of Two Than Could Change the World // Financial Times. 13. 01. 2009.
75. Demanegon A. Le decline de l'Europe. Paris. 1922.
76. Dodds K. Geopolitics: A Very Short Introduction. Oxford Univ. Press. 2007.
77. Dolman E.C. Astropolitic: Classical Geopolitics in Space Age. London: Frank Cass. 2002.
78. Gallois P. Geopolitique. Les vois de la puissance. Paris. 1990
79. The Geopolitics of Resource Wars (Routledge Studies in Geopolitics). Ed. Le Billon Ph. Routledge. 2007.
80. Geopolitics, Geography and Strategy. Ed. Gray C., Sloan G. Routledge. 1999.
81. Gottmann J. La Politique des Etats et leur Geographie. Paris. 1952.
82. Gray C. The Soviet-American Arms Race. Lexington.,1976; Geopolitics of the Nuclear Era: Heartland, Rimlands and the Technological Revolution. N.Y., 1977.
81. Kaplan R. The Geography of Chinese Power. How Far Can Beijing Reach on Land and at Sea? // Foreign Affairs. N3. May-June. 2010.
82. Kaplan R. The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. N.Y.: Random House. 2012.
83. Kissinger G. The Change for a New World Order // The New York Times. 12.01. 09.
84. Lacoste Y. Une mode que n'est pas futile //V.-F. Durand, J.Levy, D.Retaile. La monde: espaces et systemas. Paris. 1993.
85. Rougemont D.de. L'avenir est notre arfaire. Paris, 1978.
86. Santoro C. Progetto di ricarca multifunzionale 1994-1995 . Milano. 1994.
87. De Seversky A.P.Air Power: Key to Survival. L-n. 1952.

88. Talbott S. *The Birth of the Global Nation* // *Time*. 20.07. 1992
89. Thiriart J. *L'Empire Eurosovietique de Vladivostok jusque Dublin*. Brussel. 1988.
90. Fukuyama F. *America at the Crossroads. Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy*. New Haven (Ct.), London. 2006.

**More
Books!**

yes
i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

